

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КРЕМЛЬ И ГОЛЕМ

**ЧТО ГОВОРЯТ ИТОГИ ВЫБОРОВ
О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В РОССИИ**

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КРЕМЛЬ И ГОЛЕМ

ЧТО ГОВОРЯТ ИТОГИ ВЫБОРОВ
О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В РОССИИ

ДЕНИС ВОЛКОВ, ГРИГОРИЙ ГОЛОСОВ,
МАРГАРИТА ЗАВАДСКАЯ, АНДРЕЙ ЗАЯКИН,
АЛЕКСАНДР КЫНЕВ, СЕРГЕЙ ШПИЛЬКИН

Под редакцией Кирилла РОГОВА

«Либеральная миссия — Экспертиза». Выпуск 16

Москва 2021

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4
Н 72

Н 72 Новая реальность: Кремль и Голем. Что говорят итоги выборов о социально-политической ситуации в России / под ред. К. Рогова. — Москва : Либеральная миссия, 2021. — 113 с.

ISBN 978-5-903135-81-3

Думские выборы 2021 года, не вызвавшие ни видимого политического кризиса, ни даже большого политического скандала, в действительности были исполнены внутреннего драматизма, а их итоги при тщательном анализе указывают на существенные изменения в российском социальном и политическом ландшафте. Контекст выборов был задан ограниченным политическим кризисом 2020–2021 годов, проявлением которого стали наиболее масштабные с начала 2010-х годов массовые протесты во многих городах страны. С одной стороны, выборы прошли в условиях беспрецедентного репрессивного давления на оппозицию. С другой стороны, подавив несистемную оппозицию, опиравшуюся на городские, образованные и молодежные слои, режим столкнулся с новыми вызовами со стороны тех социальных страт, которые раньше выглядели скорее зоной его поддержки. Успех коммунистов и формирование вокруг КПРФ новой платформы оппозиционности выглядит наиболее существенным вызовом режиму на данном этапе. Это существенно снизит эффективность репрессивного ответа Кремля на «кризис Навального» и с высокой вероятностью сделает экономическую политику более патерналистской и социально затратной. Рост протестных настроений представляет угрозу для электорального доминирования Кремля в мажоритарных округах. В Москве предотвратить успех оппозиции Кремль сумел лишь за счет манипуляций с электронным голосованием и, скорее всего, в ближайшем будущем постарается расширить опыт его использования.

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-81-3

© Фонд «Либеральная Миссия», 2021

СЕРИЯ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ — ЭКСПЕРТИЗА»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011– 2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. ВЫП. 1 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. ВЫП. 2 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. ВЫП. 3 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛРОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ЧТО НУЖНО И ЧТО НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ В РОССИЙСКОМ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ. ВЫП. 8 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЫП. 9 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

НОВАЯ (НЕ)ЛЕГИТИМНОСТЬ. КАК ПРОХОДИЛО И ЧТО ПРИНЕСЛО РОССИИ ПЕРЕПИСЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ. ВЫП. 10 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ГОД КОВИДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ВЫЗОВЫ ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ВЫП. 11 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ЗАСТОЙ — 2: ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ВЫП. 12 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОВИД: АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ. ВЫП. 13 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ГОД НАВАЛЬНОГО. ПОЛИТИКА ПРОТЕСТА В РОССИИ 2020—2021: СТРАТЕГИИ, МЕХАНИЗМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ. ВЫП. 14 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ЗНАМЯ КОНФРОНТАЦИИ. ЗА ЧТО И ПОЧЕМУ РОССИЯ ВОЮЕТ С ЗАПАДОМ? ВЫП. 15 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ _____	6
КРЕМЛЬ И ГОЛЕМ. ЧТО ГОВОРЯТ ИТОГИ ВЫБОРОВ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ. ОСНОВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫВОДЫ _____	8
Александр Кынев. ВЫБОРЫ 2021 ГОДА И ТРИ ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АВТОКРАТИИ _____	24
Сергей Шпилькин. АНОМАЛЬНЫЕ И НОРМАЛЬНЫЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИТОГОВ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ _____	42
Денис Волков. ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ _____	55
Маргарита Завадская. ПАРТИЯ НАРОДНОГО НЕДОВЕРИЯ: СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА КПРФ _____	75
Андрей Заякин. ДЭГ ПРОТИВ УГО: ЧТО МЫ ПОНЯЛИ ПРО ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ _____	83
Григорий Голосов. ПОСТДЕМОКРАТИЯ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН И ЭВОЛЮЦИЯ _____	98

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

- Думские выборы 2021 года проходили на фоне серии массовых протестов, прокатившихся по России в 2020–2021 годах. Соответственно, главная задача Кремля состояла в том, чтобы продемонстрировать, что контроль над политической ситуацией полностью восстановлен, и подтвердить свою способность обеспечивать электоральное доминирование даже в условиях снижения фактической поддержки режима и отсутствия экономического роста.
- В результате масштабной репрессивной кампании тактические цели — не допустить успеха стратегии «умного» голосования и массовых протестов по итогам выборов — были достигнуты. В то же время картина электорального доминирования не выглядит вполне убедительной, а детальный анализ итогов голосования демонстрирует существенные изменения в настроениях избирателей и композиции политических сил.
- Благоприятные для Кремля официальные результаты были обеспечены за счет одномандатных округов и регионов аномального голосования («электоральных султанатов»). Очищенный от аномальных голосов (фальсификаций) результат ЕР не превышает 32 % при крайне низкой явке; в то же время результат КПРФ при удалении фиктивных голосов составил 25 %; она обгоняет Единую Россию не менее, чем в четверти регионов.
- Таким образом, КПРФ из нишевой ретро-партии превращается в реального конкурента «партии власти», который буквально дышит ей в затылок. Радикально изменился и ее электоральный профиль: расширение электората КПРФ произошло за счет избирателей более молодых возрастов, с более высоким социальным статусом (руководители, предприниматели, специалисты), в то время как в электорате «партии власти» преобладают служащие, пенсионеры и неработающие.
- Успех КПРФ неверно интерпретировать как свидетельство роста левых настроений. В качестве системной партии она абсорбирует протестные настроения в различных социальных стратах. Кроме того, социологические замеры демонстрируют рост спроса на нового лидера — фигуру «народного заступника», своего рода «народного Навального».

- Потратив основные силы на борьбу с оппозицией, опиравшейся на городские, образованные и молодежные слои, и ее проектом «технической коалиции» (Умного голосования), Кремль столкнулся с угрозой протестной коалиции на базе КПРФ с менее консистентной повесткой, но гораздо более широкой социальной базой. Своего рода новым Големом — «вторым большинством». Это существенно снизит эффективность репрессивного ответа Кремля на «кризис Навального» и с высокой вероятностью сделает экономическую политику более патерналистской и социально затратной.
- Рост протестных настроений представляет угрозу для электорального доминирования Кремля в мажоритарных округах. При том, что они дали «партии власти» более 60 % мест в парламенте, очищенный от «аномальных голосов» медианный результат победителя в округе обеспечен голосами 12–13 % от числа избирателей, в то время как его основной конкурент собирает голоса 8–9 % избирателей. Эти соотношения демонстрируют степень угрозы, которую представляют различные сценарии коалиционного голосования в одномандатных округах: мобилизация дополнительных 4–5 % избирателей может вести к опрокидывающему эффекту.
- Широкое использование электронного голосования изменило электоральный профиль Москвы, который наблюдался на прошлых выборах и сохранился на «реальных» участках в 2021 году. Этот эффект невозможно объяснить ростом явки (среди не голосующих уровень поддержки режима не выше, а ниже, чем среди голосующих). На реальных участках кандидаты Умного голосования выиграли более половины округов, но по итогам электронного голосования не получили ни одного. Анализ динамики электронного голосования показывает, что это преимущество было достигнуто за счет массированного и синхронного по всем округам голосования за административных кандидатов утром в воскресенье, имеющего все признаки «электоральной аномалии» (фальсификаций).
- Анализ процедур и баз данных электронного голосования приводит к выводу, что они в целом категорически не соответствуют принципам законодательства о гарантиях избирательных прав граждан, так как не обеспечивают контроль за ходом голосования и подведением итогов наблюдателей и даже членов избирательных комиссий. Наличие второго, «тайного» блокчейна лишает

электронное голосование какой бы то ни было защиты от манипуляций, каковые по всей видимости и имели место в первой половине дня воскресенья.

- Подход к управлению внутренней политикой и электоральным полем нынешней администрации является наиболее конфронтационным за все время правления В. Путина, что привело к нарастанию конфликтов в отношениях Кремля не только с несистемной, но уже и с системной оппозицией и региональными элитами. Существовавшая с 2007 года договорная партийная конструкция «1+3» («Единая Россия» – КПРФ – ЛДПР – СР) оказалась практически разрушена, а коммунистическая партия превращается в главную угрозу и главного врага Кремля.
- В целом же, эволюция электорального авторитаризма в России характеризуется трансформацией «постдемократии» — режима, опирающегося преимущественно на технологии манипулирования, — в традиционный авторитаризм (диктатуру), вынужденный наращивать репрессии и расширять периметр жесткого социального контроля. Это связано, однако, как показывает анализ, не столько с усилением «правой оппозиции», сколько с утратой режимом надежной опоры в «ядерном» электорате.

КРЕМЛЬ И ГОЛЕМ. ЧТО ГОВОРЯТ ИТОГИ ВЫБОРОВ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ. ОСНОВНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ВЫВОДЫ

РЕПРЕССИВНО-ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ

Думские выборы 2021 года, не вызвавшие ни видимого политического кризиса, ни даже большого политического скандала, в действительности были исполнены внутреннего драматизма, а их итоги, при тщательном анализе, указывают на существенные изменения в социальном и политическом ландшафте и будут иметь серьезные последствия.

Контекст выборов был задан ограниченным политическим кризисом 2020–2021 г., проявлением которого стали наиболее масштабные с начала 2010-х годов массовые протесты во многих городах страны. Предпосылками этой нестабильности, в свою очередь, выступали как общее снижение поддержки режима в 2018–2020 годах на фоне стагнации экономики, так и частичная утрата Кремлем контроля над информационным пространством в результате развития социальных сетей и новых медиа (подробнее о кризисе см. «Год Навального. Политика протеста в России, 2020–2021»). Соответственно, основная задача Кремля на выборах 2021 года заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что кризис преодолен и контроль над политическим и информационным пространством восстановлен, подведя таким образом черту под эпизодом нестабильности и открытых проявлений недовольства.

В результате, главным, по сути, сюжетом предвыборной кампании стала беспрецедентная для посткоммунистической России волна репрессий против несистемной оппозиции, и прежде всего — структур Фонда борьбы с коррупцией, принадлежность к которым и связь с которыми власти криминализовали, используя так называемое «анти-экстремистское законодательство». Если раньше «экстремистские» статьи в политических целях преимущественно применялись против левых и националистических организаций и активистов, то теперь они были использованы против

активистских групп с антикоррупционными и демократическими повестками. Помимо этого, силовое давление и фактическое ограничение конституционных прав было распространено на целый ряд независимых политиков, намеревавшихся участвовать в выборах. Они либо лишались пассивного избирательного права посредством осуждения по сфабрикованным уголовным делам, либо выдавливались из страны с помощью сфабрикованных уголовных дел, либо обвинялись в поддержке «экстремистской организации» (структур ФБК) и связях с ней.

Наконец, массовой атаке подверглась инфраструктура новых независимых медиа, сформировавшаяся в 2010-е годы благодаря расширению массового доступа к интернету и феномену социальных сетей. Эти медиа произвольно объявлялись «иностранными агентами» или нежелательными организациями (с апреля по 3 сентября 2021 года в список СМИ-иноагентов были внесены 30 физических и юридических лиц).

Таким образом, в широком смысле целью репрессивной кампании было уничтожение инфраструктуры независимых медиа и структур несистемной оппозиции, сформировавшихся в 2010-е годы. В более узком смысле ее целью было обеспечение картины полностью контролируемых выборов, для чего необходимо было, во-первых, не допустить массовой популяризации выдвинутой Навальным стратегии «умного голосования», во-вторых, не допустить массовых протестов по итогам выборов, и, наконец, продемонстрировать способность режима добиваться демонстративного доминирования на электоральном поле, несмотря на ухудшение экономической конъюнктуры и демобилизованность избирателей.

В значительной мере достигнутыми оказались две первые цели: минимизация эффекта умного голосования и недопущение серьезных массовых протестов, в то время как картина электорального доминирования выглядит по меньшей мере двусмысленно.

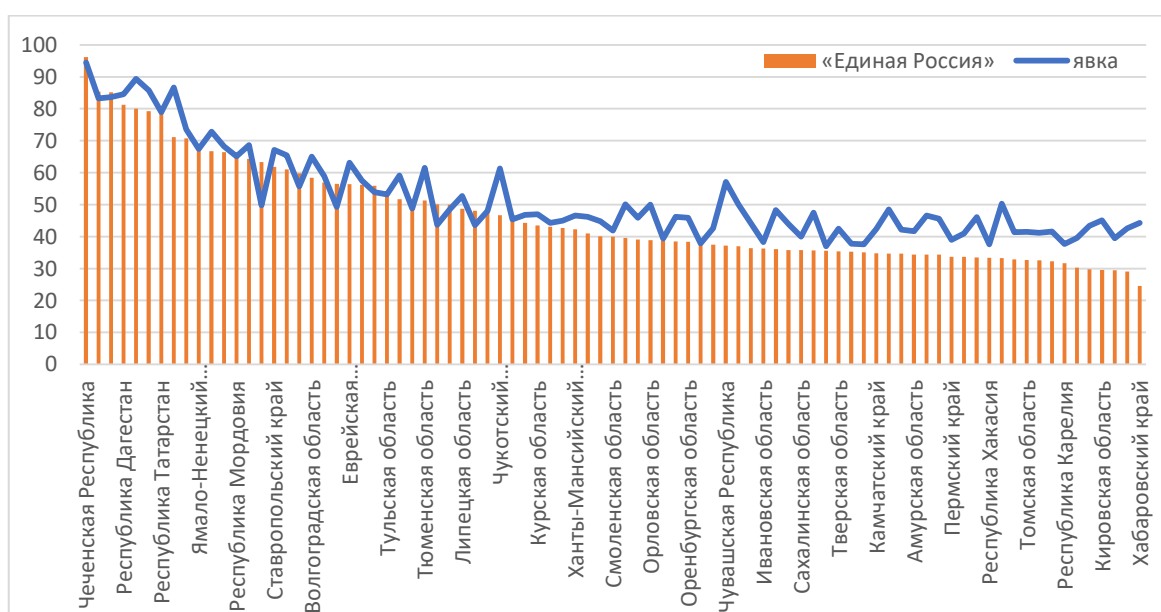
ФИКТИВНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ: ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИТОГИ И ФАКТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ГОЛОСОВАНИЯ

По итогам выборов «Единая Россия» получила конституционное сверхбольшинство в Думе — 324 места из 450 (72 % всех мандатов), что лишь немногим хуже ее результата 2016 года (343 места, 76 %). При этом бóльшую часть мандатов (198, или 60 %) Единая Россия получила за счет одномандатных округов, в то время как ее официальный

результат в голосовании по партийным спискам (49,8 %), как это было и в протестном 2011 году, не перевалил отметку в 50 %. Технически такой результат можно считать вполне удовлетворительным, однако для консолидированного авторитарного режима он выглядит слабым и указывает на определенные уязвимости режима.

Анализ электоральной географии официальных итогов голосования показывает, что этот не слишком убедительный результат в значительной степени обеспечен ограниченной группой российских регионов с наиболее авторитарными субнациональными режимами, которые традиционно демонстрируют на голосованиях сверхвысокие явки и абсолютную поддержку «административных» кандидатов. Эти регионы (на **графике 1** они сосредоточены в левой части) обычно называют «электоральными султанатами» (термин политолога Дм. Орешкина) или регионами аномального голосования — статистически аномальные голоса, которые интерпретируются как вероятные фальсификации, здесь превалируют над «нормальными». Среднее значение официальной явки избирателей для этих регионов в 2021 году составило 75 %, а средний результат ЕР — 73 %. В итоге регионы этой группы, в которых проживает 17 % российских избирателей, дали «Единой России» 35 % всех полученных партией, согласно официальным итогам, голосов. В то время как регионы с низким или умеренным уровнем фальсификаций, в которых проживает 46 % избирателей, демонстрируют среднее значение явки 43 % и доли голосов за ЕР 34 %, и в итоге дают Единой России 28 % всех голосов.

График 1. Явка и доля голосов за Единую Россию на выборах 2021 года в разрезе регионов (официальные итоги)

Источник данных: ЦИК РФ; регионы ранжированы по результату Единой России.

Если же обратиться от официальных итогов к фактической картине голосования, то есть к его результатам, очищенным при помощи статистических методов от аномальных голосов (фальсификаций), то картина становится еще более драматичной. Фактическая явка в этом случае на прошедших выборах составляет не 51,7 % (как в официальных итогах), а 38 %, а результат «Единой России» — не 49,8 %, а 32 % голосов. Таким образом, 51 % от всех «официальных» голосов «Единой России» (14,2 млн голосов) являются аномальными (фальсифицированными), что несколько превышает уровень «аномальности» парламентских выборов 2011–2016 годов и голосования по конституции, где доля аномальных голосов колебалась в диапазоне 43–47 %. В то же время результат КПРФ при исключении аномальных голосов за ЕР составляет не 18,95 %, а 25 % от всех голосов «реальных» избирателей (см. подробнее в материале Сергея Шпилькина).

Это существенно меняет картину голосования, если смотреть на его приближенные к реальным результаты как на замер фактических настроений избирателей. В этой картине «Единой России» противостоит не пул разрозненных партий, электоральный потенциал которых в разы ниже потенциала доминирующей партии, как это бывало обычно и как это должно быть в условиях консолидированного авторитарного режима, а основная оппозиционная партия (КПРФ), чей электоральный потенциал вполне сопоставим с потенциалом доминирующей партии и которая практически дышит ей в затылок. Картина выглядит еще более отчетливой в разрезе регионов. В официальных результатах «Единая Россия» заняла второе место, пропустив вперед КПРФ лишь в четырех регионах (Якутия, Хабаровский край, Ненецкий АО, Марий Эл); в очищенных от аномальных голосов результатах КПРФ лидирует уже примерно в 22 (четверти) регионах.

Позиции «Единой России» в качестве доминирующей партии, таким образом, несмотря на достигнутый результат, выглядят достаточно зыбким, и это обстоятельство будет провоцировать заинтересованные группы искать, вслед за Алексеем Навальным, слабые места авторитарной конструкции и ее институционального дизайна. Но настоящей новостью является даже не отсутствие правдоподобного и надежного «большинства» за «Единой Россией» (эта ситуация наблюдалась на всех парламентских выборах за исключением 2007 года), а неожиданное явление своего рода Голема «управляемой конкуренции» — призрака «второй» партии, способной составить конкуренцию «партии власти».

ФЕНОМЕН КОММУНИСТОВ: НОВЫЙ ГОЛЕМ И ТОЧКА СБОРКИ

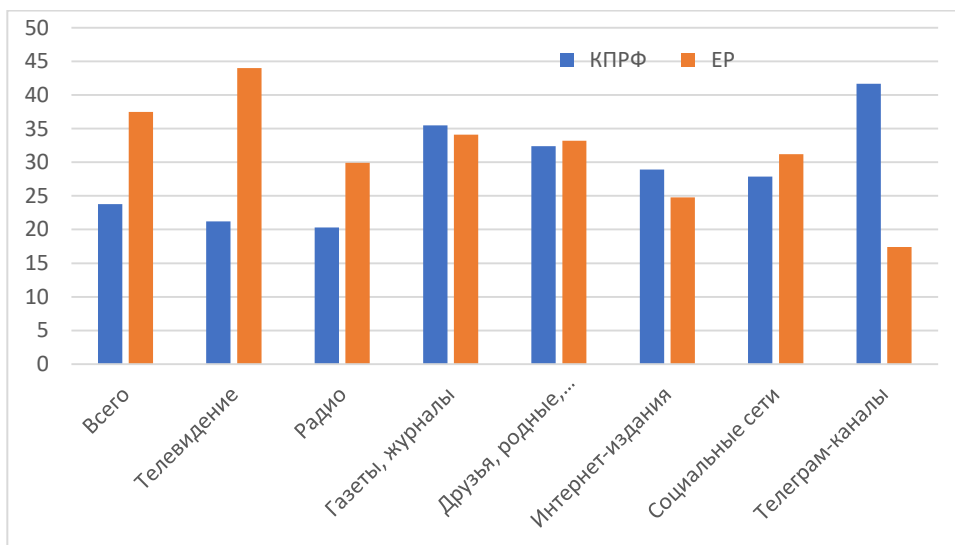
Мобилизация «зависимых» и консервативных контингентов (бюджетники и пенсионеры) и демобилизация молодежи и образованных жителей мегаполисов, настроенных в отношении режима более критически, являлась сознательной стратегией Кремля в предвыборной кампании. В результате отзыв общества на эту кампанию находился на самом низком уровне: более половины опрошенных вообще не следили за ходом кампании, а обсуждали ее в кругу близких и знакомых менее четверти (см. подробнее в материале Дениса Волкова).

При этом на протяжении всего 2021 года рейтинги Единой России планомерно снижались: если в начале года готовность голосовать за нее выражали около 45 % (от намеренных голосовать и определившихся с выбором), то к июлю эта цифра упала до 35 % и продолжала снижаться. Второй особенностью кампании стало падение популярности ЛДПР. После успеха на региональных выборах 2018 года, когда ЛДПР оказалась в ряде регионов магнитом и фокусом протестных настроений и фактическим конкурентом Единой России, руководство партии резко ослабило протестную риторику. Проведенная Жириновским в 2021 году кампания была гораздо менее яркой, чем обычно, а имидж партии был сильно испорчен ее пассивностью в защите представлявшего ЛДПР арестованного хабаровского губернатора Сергея Фургала. Это, однако, усилило позиции КПРФ в качестве основного фокуса протестных настроений.

Как показывают данные мониторинга освещения предвыборной кампании, исходящая от КПРФ угроза была осознана властями: в последнюю неделю перед выборами телеэфир был в значительной мере посвящен дискредитации КПРФ (см. подробнее в материале Маргариты Завадской). И, как показывает проведенный уже после выборов опрос, среди тех, кто ориентируется на телевизор в качестве источника информации, сторонников ЕР оказывается существенно больше, чем в среднем по выборке. И, наоборот, достаточно неожиданно среди тех, кто ориентируется на интернет-

источники (интернет-издания, соцсети, телеграм-каналы), голосовавших за КПРФ оказалось больше (30 %), чем сторонников ЕР (27 %). Как видно на **графике 2**, преимущество, которое еще сохраняет ЕР, обеспечено голосами тех, кто привык смотреть телевизор и слушать радио.

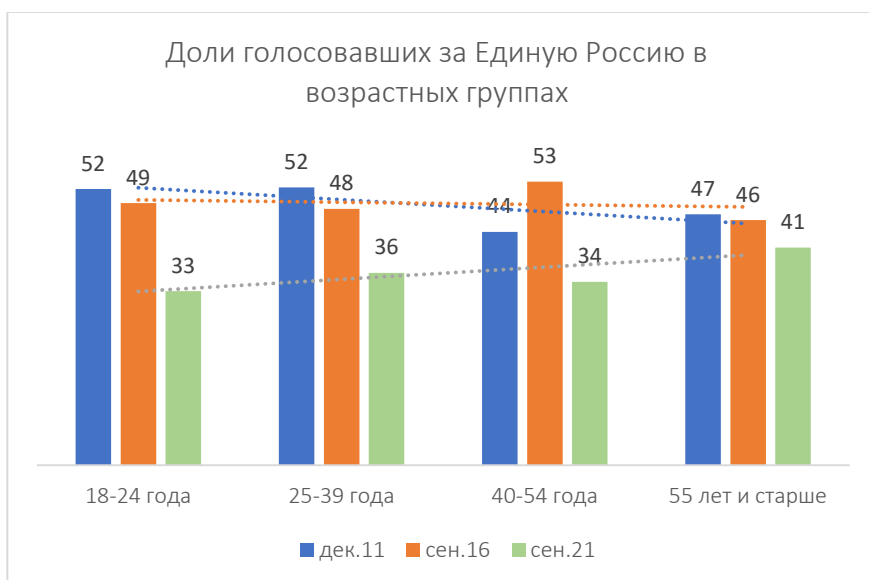
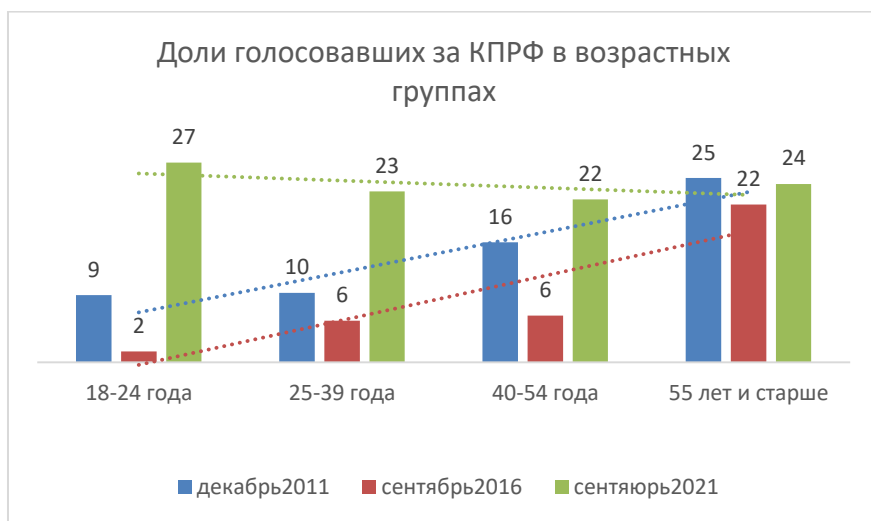
График 2. Основные источники информации и электоральные предпочтения

Источник данных для графиков 2–6: опрос «Левада-центра», 23–29 сентября 2021 года, вопрос: «За какую партию вы проголосовали на выборах в Государственную Думу — или вы унесли, испортили этот бюллетень?»; N = 1634; подробнее см. в материале Дениса Волкова.

В этом контексте важно отметить не просто превращение КПРФ во «вторую» и главную оппозиционную партию, но резкое изменение электоральных профилей как КПРФ, так и Единой России. Они как будто поменялись местами. Если на предшествующих выборах электорат КПРФ имел отчетливо «возрастной» профиль, то теперь он стал нейтральным, то есть основное приобретение КПРФ на этих выборах — это избиратели 18–40 лет. И, напротив, более молодой или нейтральный по возрасту профиль электората ЕР на прошлых выборах на этот раз заметно «постарел» (см. **графики 3–4**).

Графики 3–4. Возрастные профили электората ЕР и КПРФ на выборах 2011, 2016 и 2021 годов

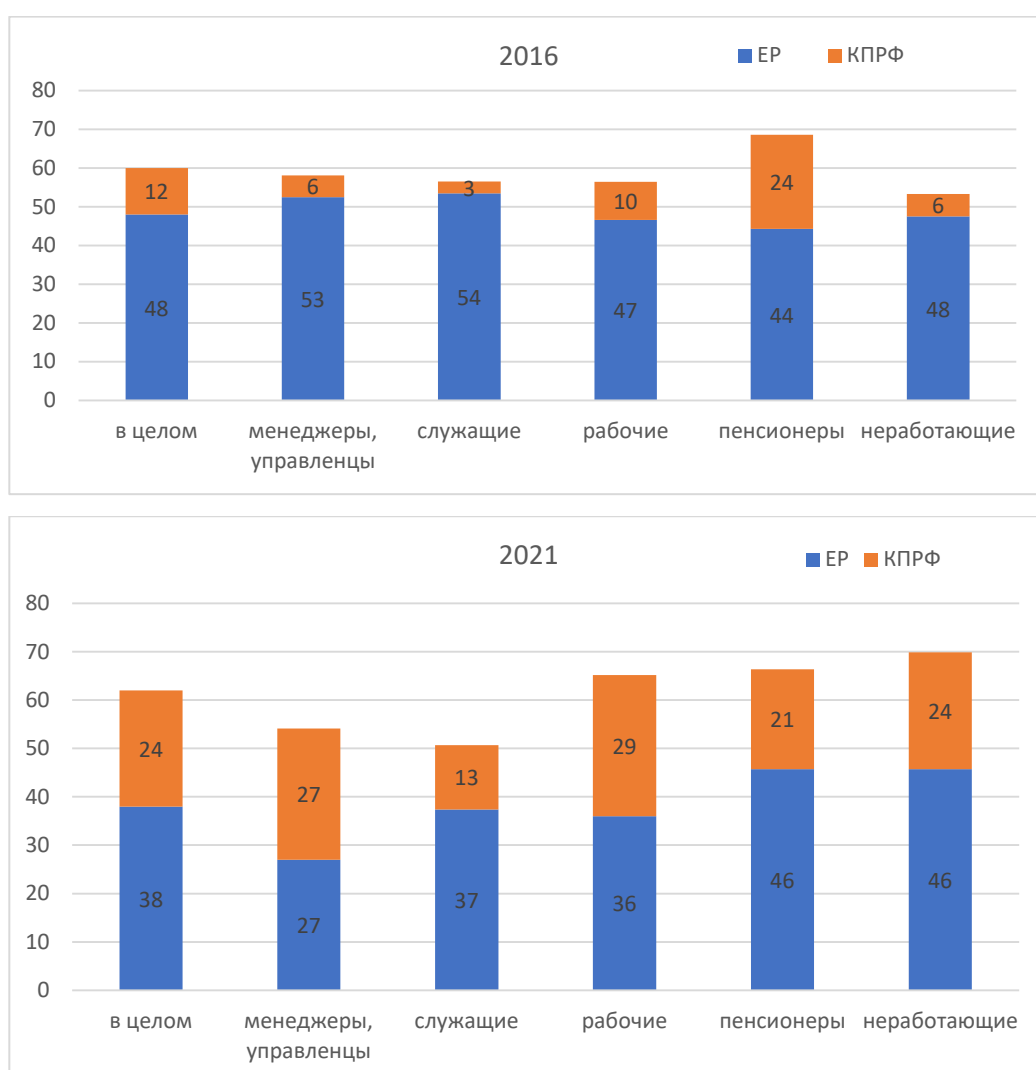

Не менее впечатляюще выглядят изменения электоратов двух партий в разрезе рода занятий их сторонников: если в 2016 году КПРФ имела сильные позиции среди пенсионеров (более двух третей ее электората), а в прочих группах занимала маргинальные позиции, то теперь доли ее сторонников и сторонников ЕР оказались равны в элитной страте (менеджеры, управленцы, предприниматели), близки в среде рабочих, а прежние доминирующие позиции ЕР сохранила лишь среди служащих, пенсионеров и неработающих (три четверти среди которых — домохозяйки). На две последние группы — пенсионеров и неработающих — приходится более 50 % электората «партии власти» в 2021 году. Аналогичная картина и в разрезе уровня образования: в 2016 году среди заявивших, что голосовали за КПРФ, 50 % имели образование среднее и

ниже среднего, в 2021 году их доля сократилась до 18 %, а доля людей с высшим образованием выросла до 32 % (у ЕР — 25%).

Таким образом, в разрезе социально-демографических характеристик своего электората КПрФ перешагнула границы нишевой ретро-партии, каковой она представляла на выборах 2016 года, и все более приобретает характеристики мейнстримной оппозиционной коалиции, наращивая свой электорат за счет молодых, образованных и занимающих более высокие позиции в социальной иерархии избирателей.

Графики 5–6. Распределение предпочтений в социальных группах по роду занятий, 2016 и 2021 годы

Интерпретируя успех коммунистов, эксперты отмечают как фактор транзита к ним «протестных» голосов от ЛДПР, так и негативную позицию КПрФ в отношении обязательной вакцинации и нового локдауна. В то же время успех КПрФ вряд ли

свидетельствует о росте собственно «левых» настроений в обществе, традиционная платформа КПРФ «скорее близка к сочетанию социального консерватизма и экономического патернализма», пишет Маргарита Завадская. В риторике активистов компартии, оказавшейся в последние годы под нарастающим давлением Кремля, все яснее звучат общедемократические требования (сменяемость власти, свобода собраний, свобода слова). В качестве главной оппозиционной силы коммунисты становятся все более инклюзивны, вступая в тактические союзы на местах с активистами иной политической ориентации. А резкий рост доли сторонников партии в наиболее молодых возрастах, среди читателей соцсетей и телеграм-каналов заставляет предположить определенный вклад в успех КПРФ умного голосования. В целом же, благодаря наличию солидного и устойчивого электорального ядра и разветвленной инфраструктуры, КПРФ накапливает «протестные валентности» и становится точкой сбора протестных настроений в разных социальных стратах.

При этом все слабее выглядит связь КПРФ с казенной консервативно-просоветской риторикой ее формального лидера Геннадия Зюганова. В 2016 году 12 % опрошенных признавались, что проголосовали за коммунистов, при этом лишь 7 % опрошенных упоминали Зюганова среди политиков, которым они доверяют; в послевыборном опросе 2021 года голосовавших за КПРФ вдвое больше — 24 %, при этом о доверии Зюганову упомянули лишь 6 % опрошенных. В то же время фокус группы демонстрирует растущий спрос на фигуру нового «народного защитника», в роли которого может выступать как лдповец Фургал, так и бывший «народный» мэр Якутска Сардана Авксентьева или новые коммунистические лидеры вроде Николая Бондаренко. Саратовский коммунист Николай Бондаренко выглядит «улучшенной», то есть более «народной» копией Навального, отмечает в связи с этим Денис Волков. Поиск «нового Навального» с менее консистентной и за счет этого более поливалентной, «народной» повесткой — яркая черта нового социально-политического ландшафта, и этот поиск, очевидно, будет продолжаться, накапливая энергию ожиданий, несмотря на прицельные репрессии Кремля против претендентов на этот статус.

ЗОНА УЯЗВИМОСТИ И ЭЛЕКТРОННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: ДЭГ ПРОТИВ УГ

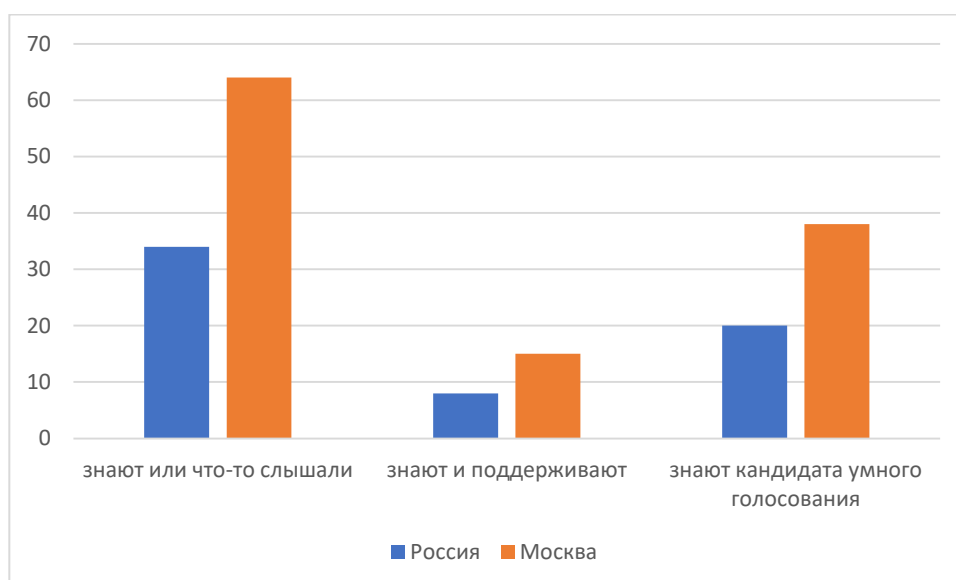
В условиях низкой популярности «партии власти» и значительного протестного потенциала, именно мажоритарные одномандатные округа остаются главным ресурсом, обеспечивающим авторитарное сверхбольшинство — абсолютное доминирование Кремля в парламенте. Между тем анализ очищенных от аномальных голосов (фальсификаций) итогов выборов показывает, что медианный результат победителя в мажоритарном округе составляет 33 % голосов, то есть примерно совпадает с долей голосов за ЕР по партийным спискам. В то же время медианный результат второго после победителя кандидата в мажоритарном округе, по расчетам Сергея Шпилькина, составляет 22 %.

Фактически это означает, что при невысокой явке (38 %) победу обеспечивает мобилизация 12–13 % избирателей округа, в то время как главный соперник победителя проигрывает, получив голоса 8–9 % избирателей. Мажоритарная система позволяет добиваться практически тотальной победы при незначительном преимуществе (например, за счет административного ресурса); в то же время она уязвима для любых форм коалиционного голосования, способного столь же легко обратить эту победу в прах. В августе 2021 года, согласно социологическим опросам, за гипотетическую «партию Навального» на думских выборах готовы были отдать свои голоса 5 % от всех опрошенных (7 % от намеренных голосовать и определившихся с предпочтениями). Примерно столько же, 7–8 % опрошенных заявляли, что знакомы с инициативой Навального, поддерживают ее и знают кандидата «умного голосования» в своем округе. Эти цифры, которые в социологической перспективе могут показаться незначительными, выглядят достаточно грозно в перспективе рисков коалиционного голосования в одномандатном округе при низкой явке и вполне объясняют, почему борьба со структурами ФБК и тактикой умного голосования стала главной заботой Кремля в ходе предвыборной кампании.

Однако оценить эффект умного голосования по итогам выборов очень сложно не только потому, что мы не можем выделить их из общего прироста протестных голосов, но и потому, что в реальности российских выборов картина голосования искажена фальсификациями. Анализ Сергея Шпилькина показывает, что в регионах с низким уровнем фальсификаций (41 округ) ЕР получила 60 % мандатов в мажоритарных округах, в округах со средним уровнем фальсификаций (50 округов) — 90 % и в округах с высоким уровнем фальсификаций (134) — 96 % всех мандатов. Это означает, что эффект «умного голосования» в принципе различим лишь в округах с низким уровнем фальсификаций.

Особенно выразительной на этом фоне выглядит «московская аномалия». После 2011 года Москва является регионом с очень низким уровнем фальсификаций — абсолютное большинство участков здесь закрыто независимыми наблюдателями. При этом осведомленность жителей Москвы о технологии «умного голосования» в два раза выше, чем в среднем по России (см. **график 7**). Уже на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 году использование умного голосования привело к победе его кандидатов в 40 % случаев. В 2021 году по итогам голосования на реальных участках тактическая «объединенная оппозиция» (кандидаты умного голосования) выиграла 8 из 15 округов (53 %), что соответствует ожиданиям классификации Шпилькина с поправкой на продвинутую информированность и либеральность московского электората.

График 7. Осведомленность о технологии «умного голосования»: Москва и вся Россия

Источник данных: Левада-центр, исследование «Курьер», сентябрь 2021, N = 1634.

Однако результат московских выборов с учетом итогов дистанционного электронного голосования оказался на уровне регионов третьей группы (то есть регионов с очень высоким уровнем фальсификаций) — «административные» кандидаты выиграла 100 % округов. При этом медианный результат победителя в голосовании на реальных участках составил в Москве ожидаемые 34 % (соответствует очищенному от фальсификаций медианному результату по всей России) против 28% у основного конкурента, а на электронных участках этот результат составляет уже 43 % против 18 %. И

те же 43% в электронном голосовании составляет результат Единой России, превышая очищенный от фальсификаций среднероссийский результат на 10 процентных пунктов.

Иными словами, электоральный профиль «Москвы электронного голосования», существенно отличается от среднероссийского электорального профиля региона с низким уровнем фальсификаций и того электорального профиля Москвы, который можно было наблюдать в течение предыдущих десяти лет, где она всегда фигурировала в группе наиболее оппозиционно настроенных регионов. Это означает, что электронное голосование является либо технологией, позволяющей прицельно привлечь лояльные контингенты, прежде не участвовавшие в выборах, либо новым инструментом фальсификаций. Стоит оговориться, что, как показывают опросы, среди не голосующих уровень лояльности в среднем ниже, чем среди голосующих; таким образом, если электронное голосование просто увеличивает явку (которая составила в результате в Москве 50 %) за счет тех, кто ленится дойти до участка, то это могло изменить соотношение лояльной и нелояльной групп разве что в худшую для властей сторону.

В пользу предположения, что властям удалось привлечь на ДЭГ дополнительный лояльный электорат, говорят как многочисленные факты принуждения к регистрации на ДЭГ, так и массированное голосование за административных кандидатов в рабочие часы первого дня голосования (пятницы). Однако, как показало исследование динамики электронного голосования группой Максима Гонгальского, с вечера пятницы и на протяжении субботы доля голосов, подававшихся за административных кандидатов, последовательно снижалась, а доля голосов за оппозицию росла. Резкое, синхронизированное для всех округов изменение динамики произошло в первой половине дня в воскресенье: интенсивность голосования за административных кандидатов выросла в два раза, а интенсивность голосования за оппозицию, соответственно, упала. Однако после 14:30 динамика вернулась к тренду, который наблюдался на протяжении субботы. Эту синхронизированную аномалию в распределении предпочтений сложно объяснить естественными причинами, в частности, рассылкой напоминаний от мэрии: такая рассылка могла изменить общую интенсивность голосования, но не могла столь резко изменить соотношение различных групп избирателей (см. подробнее в материале Андрея Заякина).

В целом анализ первого опыта широкого использования электронного голосования на думских выборах в Москве показал, что система ДЭГ не только для наблюдателей, но и для избирательных комиссий является, по сути, «черным ящиком». Никаких способов

контроля и проверки системы подсчета голосов не существует — избирательная комиссия может лишь объявить данные, которые предоставит ей технический организатор голосования. При этом сама система не защищена от внешнего вмешательства за счет наличия второго «блокчейна», который является непубличным, находится под контролем технического организатора голосования и без которого (то есть в рамках публичного блокчейна) установить результаты голосования невозможно.

Таким образом, опыт использования ДЭГ на выборах 2021 года обнаружил три проблемы. Во-первых, московская платформа для голосования не была защищена от внешнего вмешательства и установить или верифицировать реальные итоги голосования не представляется возможным. Во-вторых, в динамике электронного голосования в Москве наблюдались необъяснимые статистические аномалии, указывающие на вероятное организованное перераспределение голосов от оппозиционных кандидатов к административным. Это позволило нивелировать эффект «умного голосования», который отчетливо проявил себя и на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 году, и при голосовании на реальных участках в 2021 году. Для этого по приблизительным подсчетам потребовалось «перенести» около 250 тыс. голосов, и примерно в этом же диапазоне 200–270 тыс. голосов оценивался эффект умного голосования в Москве в 2019 году.

И, в-третьих, самое главное — этот опыт продемонстрировал, что система электронного голосования и в московском, и в немосковском варианте в принципе не соответствует требованиям Конституции и закона «О гарантиях избирательных прав граждан, так как не обеспечивает прозрачности и защищенности процедур голосования и подведения его итогов. Фактически все функции организации голосования, подведения итогов и наблюдения она передает техническому организатору, устраняя таким образом любые барьеры для фальсификаций.

ОТ ПОСТДЕМОКРАТИИ К ДИКТАТУРЕ: ДИНАМИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО АВТОРИТАРИЗМА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Фактический успех Кремля на выборах 2021 года обеспечен тем, что ни вероятная фальсификация результатов выборов в Москве, ни фальсификация итогов голосования по партийным спискам, отобравшая у коммунистов четверть полученных голосов, не вызвали массовых протестов. Это, в свою очередь, стало следствием расширения

репрессивных практик накануне выборов — резко возросших рисков протеста, атак на структуры оппозиции и кампании запугивания в социальных сетях и новых медиа. Как показывают опросы, при том, что доля тех, кто удовлетворен результатами выборов, осталась на уровне 2016 года, доля тех, кто не доверяет их официальным итогам, выросла и сравнялась с долей не доверявших итогам выборов в 2011 году (46 %), когда фальсификации стали причиной массовых протестов. Иными словами, основной вклад в успешность демонстрации электорального доминирования внесла скорее репрессивно-предвыборная кампания, нежели традиционные практики манипуляций в ходе голосования.

Особенностью российского авторитаризма является то, что с точки зрения происхождения этот режим является постдемократией, то есть результатом постепенного перерождения «дефектной демократии» 1990-х в авторитаризм, пишет в связи с этим Григорий Голосов. На протяжении 2000-х и начала 2010-х годов механизмы такого перерождения носили преимущественно манипулятивный характер и использовали институциональный дизайн конкурентных режимов. Так, важнейшим инструментом автократизации стала смешанная несвязанная система выборов: в 2003 году она позволила Единой России, получив 37,6 % голосов и проведя в Думу меньше половины одномандатников, сформировать устойчивое большинство, а в 2016 и 2021 годах сохранять конституционное большинство, получая лишь около 50 % голосов по партийным спискам.

Однако период окончательной консолидации режима на рубеже 2010–2020-х годов выглядит не как продолжение и развитие этих трендов, но, наоборот, как смена вектора — манипулятивные механизмы играют все меньшую самостоятельную роль и требуют все большей поддержки инструментами насилия. В результате режим вынужден отказываться от тех преимуществ, которые дает электоральным авторитаризмам их способность хеджировать риски в условиях «управляемой конкуренции» и относительно правдоподобной имитации демократических процедур. «Информационный авторитаризм» эволюционирует в направлении обычной диктатуры. Это, в свою очередь, снижает уровень комплаенса, снижает конкурентоспособность элит и бюрократии, заставляет режим постоянно расширять зону социального контроля и расходы на его осуществление, а также подпитывать лояльность граждан посредством расширения социальных программ и таргетированных выплат, корректируя цели экономической политики.

Несмотря на то, что итоги выборов 2021 года не выглядят сенсационными, они демонстрируют глубокие изменения в характере политического режима и в его институциональном дизайне. Так, например, вполне ясно обозначили эти выборы кризис действовавшей с 2007 года системы управляемой партийности «1+3» (ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР): вечная ЛДПР, видимо, сходит с политической сцены; КПРФ, наоборот, «переросла» предписанный ей размер и неожиданно заняла место главной оппозиционной партии и реального конкурента «партии власти». Кремль стоит перед необходимостью глубокой перестройки этой системы, контуры которой пока не вполне ясны.

Выборы 2021 года обнажили характерные черты третьей эпохи электорального авторитаризма в России, пишет Александр Кынев. Для первой, «сурковской», эпохи были характерны стратегии кооптации и принудительной интеграции в «партию власти» различных элитных групп, «партизация» законодательной власти всех уровней и выстраивание «вертикалей управления» партийной системой и электоральными процессами. Наступившая после кризиса 2011 года «володинская» эпоха характеризовалась принудительной консервацией партийной системы, возвращением к смешанной системе выборов на фоне структурной слабости «партии власти» и «договорными матчами» с системной оппозицией, приносявших ей «пряники» в виде электоральных синекур.

Третья эпоха — «эпоха Кириенко», которая изначально позиционировалась как «технократическая», в действительности, оказалась наиболее конфронтационной. Она началась с жесткой перетряски и «менеджеризации» губернаторского корпуса, сопровождавшихся кампанией давления на региональные элиты, а затем, на фоне снижения поддержки режима, характеризовалась ростом протестных настроений и электоральных сбоек на региональных выборах 2018–2019 годов. В результате Кремль оказался в состоянии конфронтации не только с несистемной, но уже и с системной оппозицией, ставшей точкой притяжения протестных настроений, в том числе и со стороны «отодвинутых» региональных элит, отмечает Александр Кынев.

Действительно, главным — и отчасти парадоксальным — феноменом прошедших выборов стало то, что, подавив несистемную оппозицию «справа», лишив ее организационных возможностей и рычагов влияния на исход выборов, Кремль столкнулся с угрозой консолидации протестных настроений на другой политической платформе.

Оппозиционные настроения в России традиционно концентрируются в двух различных стратах — в среде городского образованного класса, где они опираются на

ожидания демократизации и модернизации социального порядка, а также в менее образованных и обеспеченных слоях, где возмущение коррупцией, социальной несправедливостью и «диктатурой олигархии» соседствует с сильным спросом на экономический патернализм. В то время как проект умного голосования подразумевал тактическое или даже техническое объединение двух этих потенциалов в борьбе с Единой Россией, спонтанная консолидация протестных настроений на базе КПРФ оказалась альтернативным и потенциально даже более опасным сценарием. В полемике с инициативами Навального Кремль противопоставлял их молодежно-хипстерскому дизайну представление о «настоящей России», «глубинном народе», «путинском консервативном большинстве». Новая протестная платформа на базе КПРФ подрывает основы этой аргументации и очерчивает политическое пространство новой оппозиционности, вбирающей в себя в том числе социальные группы, которые считались раньше скорее зоной лояльности режиму (управленцы, рабочие). По сути, новый Голем на базе КПРФ — это угроза формирования «второго большинства», расщепления «традиционного большинства» на две части — лояльную и нелояльную. Борьба с этой угрозой и организационное переформатирование КПРФ станет в ближайшее время основной задачей Кремля, решение которой потребует также усиления социальной политики, призванной предотвратить дальнейший рост протестных настроений и эрозию структуры ядерного электората.

Александр Кынев,
политолог, независимый эксперт

ВЫБОРЫ 2021 ГОДА И ТРИ ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АВТОКРАТИИ

Формальная победа Единой России в очередной раз достигнута за счет регионов «аномального голосования» и одномандатных округов. При этом действующая с 2007 года система управляемой партийности «1+3» (ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР) претерпевает глубокие изменения: вечная ЛДПР, видимо, сходит с политической сцены, КПРФ занимает место единственной оппозиционной партии, а Кремль «провел» в Думу управляемый партийный проект «правее» ЕР. Рост протестного голосования привел к тому, что даже по официальным данным в ряде регионов коммунисты обошли или шли вровень с единороссами. Выборы–2021 обозначили характерные черты третьей эпохи электорального авторитаризма в России. Для первой, «сурковской», эпохи были характерны стратегии кооптации и принудительной интеграции в «партию власти» различных элитных групп, «партизация» законодательной власти всех уровней и выстраивание вертикалей управления. Наступившая после кризиса 2011 года «володинская» эпоха характеризовалась консервацией партийной системы, возвращением к смешанной системе на фоне структурной слабости «партии власти» и «договорными матчами» с системной оппозицией, приносивших ей «пряники» в виде электоральных синекур. Третья, «эпоха Кириенко», началась с жесткой перетряски и «менеджеризации» губернаторского корпуса, активного давления на региональные элиты, а затем, на фоне снижения поддержки режима, роста протестных настроений и электоральных сбоек — характеризуется жесткой конфронтацией Кремля уже не только с несистемной, но и с системной оппозицией, пользующейся все большей поддержкой недовольных групп и региональных элит.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЫБОРОВ: КОНЕЦ СИСТЕМЫ «1 + 3»

По официальным данным, партия «Единая Россия» набрала 49,82 % голосов на состоявшихся выборах. Это дало ей 126 из 225 мест, распределяемых по партийным

спискам; в мажоритарной части она выиграла 198 из 225 мест. В результате тотальной победы в мажоритарных округах общее число мест ЕР составило 324, то есть 72 % всех мест в новой Думе. Это несколько хуже ее результата на выборах 2016 года, когда «партия власти» получила 54,2 % голосов по партспискам и 343 места в Думе в целом.

При этом всю избирательную кампанию рейтинг «Единой России» оставался стабильно низким и колебался даже по данным официальной социологической службы ВЦИОМ на уровне 27–28 %¹. Такой диссонанс реальных настроений и электоральных результатов стал возможен в результате крайней дифференциации российских регионов по типу электорального поведения. В значительной мере победу «Единой России» обеспечивает группа регионов с жестко авторитарными региональными политическими режимами, всегда демонстрирующих сверхвысокие явки и доли голосов за ЕР. По мнению независимых электоральных экспертов и оппозиции, в реальности в этих регионах явка мало отличается от прочих, а ее официальные цифры являются результатом фальсификаций. Эксперты называют такие регионы «электорально аномальными», или «электоральными султанатами» (термин Дм. Орешкина). Их роль в результатах партии власти в России была всегда высока, а в последних избирательных кампаниях еще больше выросла по причине снижения явки в регионах с более высоким уровнем политической конкуренции (подробнее о классификации регионов по качеству официальных итогов голосования и вкладу в результат «партии власти» см. в материале Сергея Шпилькина).

Важно отметить, однако, что электоральная ситуация в регионах является подвижной. Есть регионы, которые входят в число «аномальных» уже 20 лет, а есть те, которые попадают в эту группу, а потом из нее выбывают. Например, Амурская область демонстрировала при губернаторе Н. Колесове (выходце из Татарстана) в 2007–2008 годах аномальные показатели, но после увольнения Колесова вернулась к нормальным распределениям. Республика Коми стала аномальным регионом при губернаторе В. Гайзере, а после ареста губернатора и ряда других руководителей региона (в том числе экс-председателя республиканского избиркома Е. Шабаршиной) вновь вернулась в число протестных и «электорально нормальных» регионов. При губернаторе В. Груздеве в число аномальных регионов входила Тульская область. Во многих регионах есть свои внутренние аномальные зоны (например, Уссурийск в Приморском крае, или Оленинский муниципальный район (ныне муниципальный округ) в Тверской области и т. д.

¹ Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii/>

В 2021 году из «аномальной зоны», очевидно, необходимо исключить Калмыкию (массовое протестное голосование стало результатом конфликта главы региона Б. Хасикова с местными элитами, явка упала с 57 % до 50 %, а результат ЕР составил 39,5 %), Крым (явка стала ниже среднероссийской 49,75 %, снижение результата ЕР с 72,8 % до 63,33 %), Чукотский АО (падение ЕР до 46,7 %), а также Ростовскую область (даже с учетом электронного голосования жителей ДНР/ЛНР явка ниже официальной среднероссийской - 48,8 %) и Воронежскую область (явка осталась на уровне 53,8 %, что лишь немного превышает общероссийский показатель в 2021 году). И, наоборот, вновь вошли в аномальную зону Ставропольский край (рост явки с 42 % до 67 %), Волгоградская область (рост явки с 42 % до 65 %), а также впервые Еврейская автономная область (рост явки с 39,6 % до 63 %, а официального результата ЕР с 45 % до 56 %).

Что касается собственно ключевых изменений электоральной географии по стране, то впервые с начала 2000-х годов «Единая Россия» проиграла даже в официальных результатах в 4 регионах, пропустив вперед КПРФ (Якутия, Хабаровский край, Ненецкий АО, Марий Эл). Еще в 12 регионах КПРФ, согласно официальным результатам, заняла второе место, следуя за ЕР с небольшим отрывом (Республика Алтай, Коми, Хакасия, Алтайский край, Приморский край, Амурская область, Ивановская область, Иркутская область, Костромская область, Сахалинская область, Ульяновская область, Ярославская область). Хорошо заметно, что среди этих регионов доминируют регионы Сибири, Дальнего Востока и Севера, где КПРФ окончательно заменила ЛДПР в качестве «партии № 2».

Худший результат у ЕР в относительных цифрах в Хабаровском крае (24,51 %), Ненецком АО (29,06 %), Республике Коми (29,44 %), Кировской области (29,54 %), Ярославской области (29,72 %) — здесь он ниже 30 %. Еще в 37 регионах у ЕР от 30 до 40 %. Это самая большая группа регионов — почти половина страны.

Если ЕР лишь немного ухудшила свой результат по сравнению с 2016 годом, то в стане оппозиции ситуация радикально изменилась. Тогда почти одинаковое количество голосов набрали КПРФ и популистско-националистическая ЛДПР (около 13 % каждая), а левоцентристская «Справедливая Россия» — 6,2 %. Однако, в 2018 году произошла пенсионная реформа, с которой и началось падение рейтингов ЕР и рост рейтинга КПРФ. В 2019–2021 годах власти начали открытую публичную борьбу с КПРФ, около 40 ее депутатов в регионах стали жертвами уголовного или административного преследования. Де-факто КПРФ давно не является «коммунистической», а обычной левой партией, для

которой просто имеет значение привычный бренд (показательно, что вместо избранного в Госдуму РФ от Коми О. Михайлова, одного из лидеров движения «Стоп-Шиес», депутатом Госсовета Коми от КПРФ стал либертарианец В. Воробьев). Как парламентская партия она имеет льготу при регистрации кандидатов, поэтому именно от нее чаще всего выдвигаются многие местные оппозиционные активисты, правозащитники и т. д. Борьба с КПРФ еще больше усилила концентрацию вокруг нее протестного электората, и в результате, она стала единоличным лидером на оппозиционном поле. По официальным данным, она получила 18,93 % голосов (всего 57 мест: 48 — по спискам и 9 — по округам).

ЛДПР, напротив, пережила резкое падение, потеряв почти половину голосов и получив лишь 21 место в Думе (19 — по списку и всего 2 — по округам). Это падение связано с тем, что партия фактически отказалась защищать своего члена, очень популярного губернатора Хабаровского края С. Фургала, арестованного в июле 2020 года. Именно Дальний Восток всегда был электоральной базой ЛДПР. Лидеру партии В. Жириновскому весной 2021 года исполнилось 75 лет, он сильно постарел, давно перестал ездить по регионам, на дебатах был вынужден неудачно оправдываться за сдачу Фургала. Вторым номером партии в 2000–2021 годах был его сын, малопубличный Игорь Лебедев, который фактически давно руководил партией (Жириновский был вице-спикером Госдумы, а И. Лебедев — руководителем фракции). На выборах 2021 года Лебедев вообще не стал баллотироваться. Открыто обсуждается передача ЛДПР некоему новому лидеру. Плохие результаты списка «утопили» и многих одномандатников от ЛДПР, а также списки ЛДПР на одновременных региональных выборах, где в итоге фракции ЛДПР в ряде случаев сократились до одного депутата.

«Справедливая Россия» перед выборами объединилась с двумя ультрапатриотическими партиями — «Патриоты России» Геннадия Семигина и «За правду» Захара Прилепина. В результате от нее отошла часть умеренных сторонников (в частности, в Алтайском и Пермском краях — в партию «Новые люди»). При этом партия провела широкомасштабную агитационную кампанию, в которой были обычные социальные и коммунальные темы, а ультрапатриотизм игнорировался. В итоге, несмотря на падение рейтингов ЕР, прироста ее электората оказался незначительным — 7,46 % вместо 6,22 %. В результате, СР получила 27 мест в Думе (19 — по списку и 8 — по округам), обогнав по размеру фракцию ЛДПР.

Таблица 1. Официальные результаты партий на выборах 2007–2021 годов

	2007	2011	2016	2021	2021Кор*
ЕР	63,3	49,3	54,2	49,8	33
КПРФ	11,6	19,2	13,3	18,9	25
ЛДПР	8,1	11,7	13,1	7,6	10
СР	7,7	13,3	6,2	7,5	10
Новые люди				5,3	7

* Результат, скорректированный по методу С. Шпилькина (см. Шпилькин С. От обнуления — к удвоению // Новая газета. — № 106. — 22 сент. 2021. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/ot-obnuleniia-k-udvoeniiu>).

Помимо этих изменений важным результатом стало – впервые за последние 17 лет – попадание в парламент новой партии «Новые люди», созданная главой косметической компании Faberlic Алексеем Нечаевым в начале 2020 года. Появление этого умеренно либерального проекта было санкционировано властью с целью дать хоть некоторые возможности представленности в политике оппозиционно настроенного городского образованного избирателя. Вторым номером списка партии стала харизматичный бывший мэр Якутска Сардана Авксентьева, которую вынудили уйти в отставку в январе 2021 года. Большинство прочих кандидатов списка были публично неизвестны (партия даже отбирала их по конкурсу на youtube). С лета 2020 года партия проводила в регионах массовую агитацию: газеты, рекламные конструкции, реклама на светодиодных табло и т. д. На финише кампании «Новые люди» входили в тройку партий по упоминаемости на ТВ, причем ее упоминали только в позитивном ключе (а, например, КПРФ, только в негативном). Результат: 5,32 % и 13 мест по партспискам. При этом в «электоральных султанатах» она не получила почти ничего, а в протестных регионах набирала по 8–10 %. Теперь впервые с начала 2000-х годов в парламенте есть пятая фракция, причем политически более правая, чем ЕР (с 2003 года вся оппозиция была фактически левее ЕР).

Наконец, по сравнению с 2016 годом совсем иначе прошла кампания в мажоритарных округах. В 2016 году это был «договорной» матч: партия власти заранее отдала часть округов системной оппозиции, не выдвигая в 19 округах своего кандидата. В результате ЕР проиграла всего три округа. На этот раз раздела округов не было: ЕР освободила только 8 округов, но не под оппозицию, а под административных

самовыдвиженцев. Выиграла же она 198 округов, то есть на этот раз ее кандидаты проиграли не 3 округа, а 19; при этом все округа на этот раз были выиграны оппозицией в упорной борьбе. Еще около 20 округов оппозиция проиграла только благодаря фальсификациям.

Таким образом, кампании 2016 и 2021 годов прошли совершенно по-разному, в рамках совершенно разной драматургии и политической ситуации. Почему это произошло? Сопоставление стратегии власти в отношении оппозиции со времен начала формирования системы электоральной автократии в России (после 2003 года) позволяет довольно ясно обозначить, как и почему изменилась политика власти в отношении системной оппозиции и почему в итоге стали возможны такие результаты выборов в 2021 году.

«ЭПОХА СУРКОВА»: КООПТАЦИИ, ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ, ВЕРТИКАЛИЗАЦИЯ (2000–2011)

Основная часть данного этапа хронологически совпадает с первыми двумя президентскими сроками В. Путина (2000–2008). В целом его отличает крайне жесткое, централизованное управление внутренней политикой, подчиненной общей «антирегиональной» политике Кремля. Это период сокращения политической конкуренции, добровольной и насильственной кооптации региональных элит в экстенсивно растущую единую партию власти, которая должна была стать корпоративным конгломератом номенклатуры. Не важно, от какой партии кандидат избирался мэром или депутатом по округу — его стремились принудить к переходу в «Единую Россию», в которой в итоге оказались представители всех существовавших партий, от либералов до националистов и бывших коммунистов (можно вспомнить вступление в ЕР избранных от КПРФ мэров Иркутска В. Кондрашова, Орла А. Касьянова, Волгограда Р. Гребенникова, члена «Родины» мэра Смоленска Э. Качановского и т. д.). Превратить ЕР в сплоченную иерархизированную структуру в таких условиях было невозможно по причине крайней внутренней разнородности и постоянной кооптации все новых лиц, из-за которых «расклады» внутри партии постоянно претерпевали изменения.

Ужесточение контроля над различными элементами политической системы (губернаторы, органы местного самоуправления, региональные парламенты, партии, депутаты) сопровождалось созданием управляемых политехнологических проектов всех

политических оттенков, прямо дирижировавшихся ответственными работниками Администрации Президента. В этой «системе марионеток» управляемые властью консерваторы-патриоты дискутировали на отрежиссированных телевизионных шоу с такими же управляемыми прозападными либералами. Эта система была крайне затратной, что было возможно в условиях высоких цен на энергоносители и роста доходов государственного бюджета. Для обеспечения ее теневого финансирования активно использовалась «черная касса» — нормой было прямое получение руководителями управляемых проектов наличных от ответственных чиновников².

Непосредственным создателем этой системы можно считать заместителя руководителя Администрации Президента по вопросам внутренней политики в 1999–2008 годах, автора концепции «суверенной демократии» Владислава Суркова³. Основные ее элементы сохранились и в период президентства Дмитрия Медведева (2008–2012), хотя и с некоторой попыткой усилить роль руководства политических партий при согласовании политических решений, а статус В. Суркова вырос до должности первого заместителя руководителя Администрации Президента.

Этот период характеризуется тем, что принимаемые решения вписывались в некую единую политическую стратегию, системно направленную на ослабление региональных элит (ради чего федеральный центр был готов на увеличение влияния в регионах федеральных партий), централизацию и унификацию во всех сферах. Систематический процесс такого поступательного продвижения с адаптацией на каждом следующем этапе, возможно, стал фактором успешности постепенного демонтажа федерализма 1990-х годов. «Вялотекущая» унитаризация, в ходе которой шел постоянный торг с разными элитными группами, получавшими различные уступки, рассеивала недовольство, не позволяя ему сконцентрироваться.

Частично этот курс опирался на определенный общественный запрос. В нем была заинтересована не только федеральная власть, но и крупный федеральный бизнес, перешедший от приватизации крупных объектов к региональной экспансии. Федеральные политические партии хотели большего влияния в регионах, а видные представители

² Морарь Н. «Черная касса» Кремля / Н. Морарь // The New Times. — 2007. — № 44. — 10 дек. Режим доступа: <https://newtimes.ru/articles/detail/6628>

³ Третьяков В. Т. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина / В. Т. Третьяков // Российская газета — Федеральный выпуск. — 2005. — № 3757. — 28 апр.; «Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента — помощника Президента РФ В. Ю. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года». Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>

гражданского общества выступали за ограничение злоупотреблений региональных автократов. Возможно, с данной осознанной стратегией была связана и выстроенная в эти годы система жесткого иерархического контроля, в том числе нормативного, за вопросами внутренней политики. Вмешательство чиновников Администрации Президента в деятельность отдельных политических субъектов часто были бесцеремонными и сопровождались публичными скандалами.

С точки зрения выстраивания новой электоральной политики сначала закон «О политических партиях» (от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ) сделал партии исключительно федеральными, а саму процедуру их регистрацию довольно жесткой (до 2005 года они могли также создавать избирательные блоки с участием общественных организаций). Сокращение числа потенциальных участников избирательного процесса при одновременном ужесточении контроля над ними сужало для региональных элит и губернаторов возможности поиска политических партнеров. Закон «Об основных гарантиях избирательных прав ...» (от 12 июня 2007 года № 67-ФЗ) обязал регионы избирать не менее половины депутатов законодательного органа (или одной из его палат) по пропорциональной системе. Одновременно крупные федеральные партии получали преференции на выборах всех уровней — льготу при регистрации кандидатов и партийных списков для тех, кто преодолел заградительный барьер на выборах в Думу.

Благодаря тому, что партии стали регистрироваться исключительно в федеральном центре (а самые крупные еще и получать госфинансирование), а одновременно в регионах шла принудительная партизация через введение пропорциональной избирательной системы, стали строиться партийные вертикали. При этом внутри партий федеральное руководство получало возможность согласования кандидатов на региональных выборах, а политическая независимость депутатов постепенно сокращалась (запрет вступления в иную партию чем та, от которой избран). Государственная бюрократия все более контролировала таким образом партийную бюрократию, а она — депутатов.

Показательно, что за 1990–2000-е годы не было ни одного случая демократической смены власти в какой-либо значимой партии. Лидеры всех ведущих партий занимают свои посты с начала 1990-х годов, а происходившие смены лидеров партий были связаны лишь с проблемами их взаимоотношений с органами власти либо ротацией внутри контролирующей партии группы и временному отходу фактического лидера партии в тень («Справедливая Россия» в 2011–2013 годах, ранее «ЯБЛОКО»). Сценарий управляемых

смен партийного руководства был идентичен: часть делегатов партийного съезда перевозилась в другое помещение, где избирала новое руководство, затем Министерство юстиции (и в течение нескольких лет его специальный орган — Росрегистрация) именно эту группу признавало как правомочную и переоформляло на нее документы партии. «Параллельные» съезды пережили в 2004 году КПРФ, учредитель блока «Родина» Социалистическая Единая Партия России (СЕПР), ДПР, в 2011 году аналогичное произошло с партией «Правое дело».

Отстроив этот фундамент, федеральный центр объявил о намерении отменить выборы губернаторов и выборы в Госдуму по смешанной системе, упразднив мажоритарные округа. Таким образом, региональные элиты лишались права прямого продвижения своих ставленников в федеральный парламент и могли это делать только через сложную опосредованную схему. Хотя сами партии стали фактическими монополистами выдвижения кандидатов, их число постоянно сокращалось, достигнув минимума в 7 партий к 2008 году.

Эта система ограниченной конкуренции и управляемой партийности спускалась все ниже, постепенно расширяясь с регионального на местный уровень и становясь все более тотальной. Шел процесс перехода от смешанной уже к полностью пропорциональной системе не только на федеральных, но и на региональных выборах. С 2007 до 2011 года так поступили 11 регионов. Параллельно расширялось внедрение партийных списков на муниципальных выборах, вплоть до выборов депутатов поселений в некоторых регионах.

Стратегии упрощения контроля над политической системой потерпела крушение на думских выборах 2011 года в результате концентрации протеста вокруг немногих разрешенных партий и утраты губернаторами-назначенцами той опоры на электоральные машины, которую имели ранее выборные губернаторы. В. Сурков был отправлен в отставку после того, как ЕР получила в 2011 году менее половины голосов — 49,32 %, а обвинения в фальсификациях спровоцировали массовые акции протеста.

«ЭПОХА ВОЛОДИНА»: МАНИПУЛИРОВАНИЕ МАНИПУЛЯЦИЯМИ, «ГОМОГЕНИЗАЦИЯ» ЕДРА И «ДОГОВОРНЫЕ МАТЧИ» (2012–2018)

Новым куратором внутренней политики в ранге первого заместителя руководителя Администрации Президента был назначен выходец из регионалов Вячеслав Володин

(бывший вице-губернатор Саратовской области, бывший руководитель фракции блока региональной номенклатуры «Отечество — Вся Россия»). Период его кураторства имел существенные отличия и в структуре управления внутренней политикой, и в реализуемой в этой сфере стратегии. Володин не смог наследовать весь административный капитал, накопленный В. Сурковым: он уже не имел контроля ни над СМИ (который целиком перешел к другому первому зам. руководителя Администрации А. Громову)⁴, ни над «черной кассой», а потому и возможностей финансировать политических марионеток всех политических взглядов.

В результате политика принудительной кооптации в партию власти всех и вся сменилась политикой «раздела» или «договорных матчей». Никто больше не переманивал депутатов или мэров от КПРФ в партию власти. Вместо этого власть стала выделять системной оппозиции «защищенные» места губернаторов, депутатов, членов Совета Федерации и т. д. При этом в отношении партий «системной» оппозиции, которых надо было наказать за фронду 2011–2012 годов, сочетала в себе кнут и пряник. В качестве «кнута» выступали кампании информационной дискредитации, поддержка спойлеров, давление на конкретных депутатов (Г. В. Гудкова, И. В. Пономарева, В. И. Бессонова, К. В. Ширшова, Н. А. Паршина и др.; «самозачистку» произвела в 2015 году партия «Гражданская платформа» М. Д. Прохорова). В качестве «пряника» использовались увеличение госфинансирования партий (с 20 рублей за голос в 2011 году до 152 рублей в 2017 году), а также вышеупомянутые разделы должностей⁵. Показательно, что «Единая Россия» за все это время ни разу не выдвигала кандидата против действующего главы региона или исполняющего его обязанности, даже если они были на выборах кандидатами иных партий или самовыдвиженцами. Выборы мэра Новосибирска и губернатора Иркутской области в 2015 году выиграли коммунисты А. Е. Локоть и С. Г. Левченко. При этом в администрациях всех «инопартийных кандидатов» в любом случае ключевые посты получали представители «Единой России», и администрация региона работала в рамках единой системы исполнительной власти.

Электоральная политика также существенно изменилась. По итогам провала 2011 года власти провели «работу над ошибками»: было объявлено о возвращении выборов губернаторов (в апреле 2012 года придумали схему «муниципального фильтра»,

⁴ Рубин М. Повелитель кукол. Портрет Алексея Громова, руководителя российской государственной пропаганды / М. Рубин, М. Жолобова, Р. Баданин // 2019. — 23 янв. Режим доступа: <https://www.proekt.media/portrait/alexey-gromov/>

⁵ Кынев А. В. «Обновленная» электоральная политика Кремля и регионы: старое новое и новое старое / А. В. Кынев // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 5 (103).

превращавшего эти выборы в процедуры референдумного типа) и либерализации партийного законодательства для распыления протестных голосов⁶. Самовыдвиженцам была установлена норма в 0,5 % подписей от числа избирателей соответствующего избирательного округа. Помимо требований численности сохранялись все прежние основания для отказа в регистрации. Началось быстрое создание новых партий, большинство из которых изначально были спойлерами или чисто техническими. На региональных выборах 2012 года могли участвовать уже 27 партий, 2013 года — 54, а 2014 года — 69. Хотя такого массового жесткого вмешательства во внутреннюю деятельность партий, как в 2000-е годы, не было, скандалы с попытками замены руководства некоторых из них все равно возникали. Самым громким стала ситуация с «Российской партией пенсионеров за справедливость» (РППС), из списка которой исключили бывших глав регионов М. Юревича, Е. Михайлова и В. Бутова, а также депутата Государственной Думы от «Единой России» О. Савченко. Председатель партии Е. Артюх был отстранен от должности.

Либерализация партийного законодательства, впрочем, сопровождалась одновременным увеличением числа ограничений пассивного избирательного права для конкретных граждан (т. н. «антикриминальный» фильтр 2012 года за любую, даже погашенную, судимость в прошлом по тяжким и особо тяжким статьям; «антипредпринимательский» фильтр 2013 года — запрет кандидатам пользоваться «иностранными финансовыми инструментами»). С 2013 года единый избирательный день был перенесен с октября на второе воскресенье сентября, что имело целью смещение основного этапа избирательной кампании на сезон летних отпусков и низкую явку избирателей. Стратегия низкой явки становится в это время базовой.

Однако очень быстро федеральная власть столкнулась с прогнозируемыми побочными эффектами этих решений. Наряду с откровенно «фейковыми» партиями стали появляться реальные новые проекты и лидеры, и начался уход в них представителей местных элит в регионах (ранее вынужденно загнанных в немногие разрешенные партии), а влияние «старых» партий стало слабеть. В результате, началась новая волна зачисток и борьбы уже с новыми проектами (символической датой можно считать 3 июля 2013 года — арест перед выборами Ярославской облдумы мэра Ярославля Евгения Урлашова, намеревавшегося возглавить список «Гражданской платформы», которой опросы

⁶ Нанопартии после выборов // Газета.ру. — 2011. — 23 дек. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2011/12/23_a_3938002.shtml

предрекали победу в регионе). Однако участники новых проектов все же демонстрировали успехи — Алексей Навальный получил на выборах мэра Москвы 27 % голосов, а Евгений Ройзман был избран мэром Екатеринбурга.

Сначала ответом на это стало стремление уменьшить роль партий в целом, что выразилось в принятии так называемого «закона Клишаса» от 2 ноября 2013 года, который снизил с 50 до 25 % обязательную долю депутатов региональных парламентов, избираемых по пропорциональной системе (для Москвы и Санкт-Петербурга было полностью отменено требование о партсписках) и отменил требования минимальной доли депутатов, избираемых по пропорциональной системе для органов МСУ. Таким образом, тактическое решение, вызванное конъюнктурными обстоятельствами, привело к фактической отмене ключевой электоральной реформы 2000-х годов. На выборах горсоветов в 2014 году из 20 региональных центров смешанная система осталась только в 6, 14 полностью отменили пропорциональную составляющую. Работала на уничтожение площадок, где партии могут добиваться успеха, и муниципальная контрреформа, позволившая регионам отменять прямые выборы мэров без согласия муниципалитетов, а также отменять выборы районных советов населением, заменяя их делегированием от поселений.

На выборах Думы было решено вернуться к смешанной системе (225 депутатов по округам и 225 — по партийным спискам), то есть к электоральной формуле 1993–2003 годов. Однако по сравнению 1990-ми годами новая система имела ряд существенных отличий, связанных с намного более жесткими правилами допуска к участию в выборах, радикально усилившимися цензами и минимизацией общественного контроля. Целью реформы было сохранение формального большинства «Единой России». В текущих российских условиях по мажоритарным округам могли выигрывать кандидаты либо с административной поддержкой, либо с сильным собственным финансовым и организационным ресурсом, которые также находятся в зависимости от властей. Не удивительно, что на выборах депутатов Государственной Думы 2016 года «Единая Россия» выиграла 203 округа из 225 (90,2 %), из оставшихся 19 были изначально «уступлены» системной оппозиции, а в 3 округах кандидаты «Единой России» проиграли кандидатам КПРФ.

Системные партии оказались под двойным ударом. С одной стороны, власть, опасаясь их мутации, переусердствовала в их ослаблении и дискредитации. С другой стороны, отбирать их голоса стали не только спойлеры, но и реальные новые

политические проекты. Это через некоторое время могло привести к новой радикализации «старых» партий, которым становилось нечего терять. Возможно, осознание этого привело к тому, что вскоре после «закона Клишаса» возник новый альянс власти и «старых» партий, главным символическим фактором которого стал «посткрымский консенсус».

Этот новый альянс укрепил направленный уже против новых партий закон 2014 года, который вновь обязал большинство партий и их кандидатов собирать подписи избирателей, причем число подписей увеличили с 0,5 до 3 % от числа избирателей округа. Одновременно в 2015–2018 годах «закон Клишаса» перестали на практике применять на региональных выборах, сохраняя соотношение 50/50 между списками и округами.

Смысл создания новых партий обесценивался фактической невозможностью их участия в выборах. Хотя на выборах Думы 2016 года формально право выдвигать кандидатов имели 74 партии, им, как по спискам, так и по округам, воспользовались только 25 из них. К моменту назначения думских выборов 2021 года право участвовать сохранили лишь 32 политические партии. Из них 14 (представленные в Госдуме РФ по партспискам или прошедшие заградительный барьер на выборах региональных парламентов) имели льготу, освобождающую от сбора подписей при регистрации партсписков и кандидатов в мажоритарных округах.

Таким образом, после реформ 2012–2014 годов в стране сформировалась «управляемая партийность 2.0». В отличие от прежней системы, новая сочетала наличие большего числа зарегистрированных партий (что ослабляет эффекты концентрации протестных голосов) с ликвидацией значительной части институциональных площадок, позволявших партиям участвовать в выборах. В ответ на «договорную политику» партии системной оппозиции снижали публичную оппозиционность, избегали неудобных для власти направлений критики, выдвигали заведомо слабых кандидатов в иных округах и регионах.

Возможности фронды старой системной оппозиции были ограничены сдерживающим фактором запасных (спойлерских) проектов. Не удивительно, что многие темы оказались де-факто исключены из поля критики как таковые (внешняя политика, военные расходы, политика в сфере прав человека и т. д.). Игнорируя многие важные темы, лояльная оппозиция пыталась говорить о второстепенных проблемах, уходить в неполитическую агитацию (публикация кухонных рецептов, фото с домашними животными, имиджевый эпатаж и т. д.), что мало способствовало электоральной

мобилизации. «Договорные» кампании и отсутствие интриги во многих округах дополнительно работали на снижение явки и тем самым еще больше усиливали доминирование ЕР.

Возможно, осуществление такой политики было связано не только с дефицитом ресурсов у кураторов процесса (когда финансы стали заменять должности), но и со стремлением к большей гомогенности состава партии власти, одним из создателей которой был сам В. Володин и которого эта тема давно волновала. В результате, с одной стороны, публичная оппозиционность «старых» системных партий снизилась, но, с другой стороны, прежняя тотальность контроля над внутренней политикой существенно снизилась, выросло влияние новых, «внесистемных» организаций и лидеров, в системных партиях стало подрастать новое, более амбициозное поколение политических лидеров, не имевших преференций старой партийной номенклатуры.

«ЭПОХА КИРИЕНКО»: ОТ ТЕХНОКРАТИИ К КОНФРОНТАЦИИ

После того, как В. Володин был перемещен на позицию председателя Госдумы, первым заместителем руководителя Администрации по вопросам внутренней политики с 5 октября 2016 года стал не связанный перед этим с партией власти технократ Сергей Кириенко, премьер-министр в 1998 году и гендиректор корпорации «Росатом» в 2005–2016 годах. Первые пару лет (2016–2018) система работала в инерционном режиме: прежние договоренности с системной парламентской оппозицией выполнялись, но новых бонусов она больше не получала (в Орловской области коммунист-губернатора В. Потомского сменил коммунист-губернатор А. Клычков; «Справедливая Россия» вместо Забайкальского края получила Омскую область).

Вместе с тем «эпоха Кириенко» характеризовалась беспрецедентно массовой кампанией замены губернаторов в 2016–2020 годах, причем новыми назначенцами становились преимущественно варяги-«технократы». Уверенность в том, что существующие политические и юридические механизмы позволяют провести через выборы «референдумного» типа практически любого назначенца, в конечном счете привела к тому, что к 2017–2018 годам уровень игнорирования мнения региональных элит при подборе губернаторов достиг максимума за все время фактических назначений. Если в 2012–2015 годах в более, чем половине случаев ставка делалась на местные кадры (хотя

зачастую не являющиеся членами команды замененного губернатора), то в 2016–2020 годах назначение «варягов» стало правилом.

Всего в 2016 – сентябре 2021 года сменились 75 глав в 63 регионах (включая 3 победы оппозиционеров над кандидатами Кремля), и из 85 регионов 51 возглавлял губернатор-«варяг». Таким образом, произошла «менеджеризация» губернаторского корпуса, а также команд губернаторов. На это указывает и сам настойчиво транслируемый термин «технократ», акцентирующий функциональную сторону деятельности губернатора и не предполагающий их самостоятельной политической роли. «Менеджеризация» губернаторов неизбежно отразилась и на кадровой политике внутри администраций, в которой вмешательство центра стало еще сильнее, чем раньше.

Технократизм подчинил и иные сферы внутренней политики. Если и при Суркове, и при Володине практиковались широкие встречи-обсуждения с провластным кругом экспертов, то при Кириенко даже этот формат исчез, процесс принятия решений стал еще более закрытым и кулуарным. Никакой предварительной работы по обсуждению с экспертами не было даже при принятии такого важнейшего решения, как повышение пенсионного возраста. Общероссийских масштабов достигла политики изгнания из вузов публично заметных преподавателей (например, из МГИМО, ВШЭ), ранее бывшая скорее редкостью на периферии. Политики, губернаторы, эксперты, общественники оказались жестко разделены на «своих» и «чужих», подвергающихся максимальной обструкции и давлению. Другой вопрос, является ли это выбором нового руководства Администрации Президента РФ или продиктовано внешними рамками и такими обстоятельствами, как дефицит ресурсов.

Остатки прежней системы альянса власти и думской оппозиции и фактической декоративно-договорной конкуренции образца 2014 года инерционно прожили до 2018 года, когда под влиянием повышения пенсионного возраста, налогов и иных социально-экономических реформ начался период нового массового протестного голосования, даже несмотря на очевидную слабость системной оппозиции. Когда не за кого голосовать, избиратели «назло» начинают голосовать даже за ту альтернативу, что есть, фактически превращая выборы в референдум о недоверии.

В результате на выборах законодательных собраний сентября 2018 года впервые с 2007 года в трех регионах (Хакасия, Иркутская и Ульяновская области) «Единая Россия» не получила первого места по партийным спискам (во всех трех победила КПРФ). В Забайкальском крае и Владимирской области «Единой России» удалось сохранить

лидерство на выборах депутатов ЗС, но она получила менее 30 % голосов. В 4 регионах губернаторы и временно исполняющие обязанности губернаторов не смогли победить в первом туре выборов (Приморский и Хабаровский края, Владимирская область, Хакасия). Голосование за оппозицию выросло везде, кроме регионов традиционных массовых фальсификаций, одновременно доля побед кандидатов «Единой России» на выборах законодательных собраний в мажоритарных округах снизилась с 90 до 70 %. Существенно выросло голосование за спойлеров КПРФ («Коммунисты России» и КПСС) – и это уже был рост протестного голосования не только против власти, но и против системной оппозиции.

Впрочем, виновником собственных провалов (на проваленных выборах в Приморье и Хабаровском крае работали непосредственно московские эмиссары) руководство Администрации Президента и «Единой России» назначило ту же самую системную оппозицию. Начались массовые информационные кампании против губернаторов-оппозиционеров, вновь вспомнили о «законе Клишаса» и начали сокращать долю депутатов по партспискам на выборах заксобраний в наиболее сложных для власти регионах (Тульская область, Алтай, Марий Эл, Хабаровский край) и снова отменяя смешанную систему на муниципальных выборах. Из 21 регионального центра, где 8 сентября 2019 года избирали горсоветы, в 13 выборы проходили по полностью мажоритарной системе. На выборах 13 сентября 2020 года радикально снизить долю депутатов по партийным спискам на выборах областной думы решила Костромская область. На выборах представительных органов региональных центров в 2020 году из 22 городов на полностью мажоритарную систему перешли 8.

К выборам 19 сентября 2021 года доля депутатов ЗС, избираемых по партийным спискам, была существенно сокращена еще в 6 регионах (Приморский край, Амурская, Кировская, Липецкая, Мурманская и Новгородская области). В Астраханской и Псковской областях формальное соотношение пропорциональной и мажоритарной частей осталось равным, однако резко снизили саму численность депутатов. Стратегия снижения роли партий дополняется стремлением снизить общую роль представительных органов.

На съезде «Единой России» в декабре 2019 года секретарь Генсовета ЕР А. А. Турчак заявил, что партия на предстоящих выборах будет выдвигать своих кандидатов во всех избирательных округах. Таким образом, «раздел округов» с системной оппозицией, осуществленный в 2016 году, был официально отменен⁷. С 2018 года вместо стратегий

⁷ Турчак А.: «Единая Россия» будет выдвигать своих кандидатов в каждом избирательном округе / А. Турчак // 2019. — 26 нояб. Режим доступа: <https://er.ru/news/187925/>

кооптации или раздела сфер влияния стало все чаще доминировать силовое давление и ставка на полное поражение в правах оппонентов, причем не только из числа представителей несистемной, но и системной оппозиции.

Так, 12 декабря 2019 года ушел в отставку «по собственному желанию» губернатор Иркутской области от КПРФ С. Г. Левченко, в 2015 году победивший на выборах кандидата «Единой России». 9 июля 2020 года был задержан один из самых популярных российских губернаторов — глава Хабаровского края С. И. Фургал (в 2018 году как кандидат ЛДПР во втором туре выборов с 69 % победил кандидата «Единой России», предыдущего губернатора В. И. Шпорта). Позже был арестован сын С. Левченко, депутат Иркутского законодательного собрания от КПРФ Алексей Левченко.

Против главы Хакасии В. О. Коновалова (КПРФ) и губернатора Владимирской области В. В. Сипягина велись мощные информационные кампании (в итоге Сипягин был включен в список ЛДПР на выборах 2021 года и сложил полномочия губернатора). Мандата был лишен депутат МГД от КПРФ О. Шереметьев, избранный в 2019 году (его обвинили в неправильном распределении денег фонда зарплаты помощников депутатов). Депутат Пензенской гордумы от КПРФ Александр Рогожкин получил 20 суток административного ареста из-за акции 23 февраля 2021 года. Он стал уже третьим пензенским коммунистом, арестованным за проведение несогласованного мероприятия, в ходе которого представители партии возлагали цветы к военному мемориалу, и т. д.

Таким образом, ситуация «новой конфронтации» и, как следствие, постепенной радикализации главной партии системной оппозиции, КПРФ, во многом была создана действиями самой власти и стала главным сюжетом избирательной кампании 2021 года. Реализуемая Кремлем в настоящее время политика в целом работает на ослабление любых политических партий как таковых. То, что начиналось как осознанная стратегия, постепенно, путем тактической борьбы за сохранение контроля над «нужными» результатами выборов и, как следствие, бесконечного процесса устранения побочных эффектов принимаемых решений, фактически привело государственных демиургов к тому, с чем они изначально боролись — ослаблению партий и персонификации политики. В 2014–2021 годах происходит постепенный демонтаж основных институциональных реформ начала 2000-х.

В отношении к политическим партнерам, партиям, общественности, происходит существенное ужесточение политики, явная утрата и так слабо развитых традиций политического диалога и достижения компромисса. Таким образом, через ослабление

партий и персонификацию политики одновременно ослабляются укрепляющие связи регионов с центром традиционные политические институты, а сама политика федерального центра становится все более жестко направленной на прямое администрирование, конфликтной как в отношении политической оппозиции, так и в отношении региональных элит. Замена более гибких механизмов более жесткими при отсутствии желания взаимодействовать и договариваться с политическими партнерами несет существенные риски новых кризисов и конфликтов.

Сергей Шпилькин,
независимый аналитик

АНОМАЛЬНЫЕ И НОРМАЛЬНЫЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИТОГОВ ДУМСКИХ ВЫБОРОВ

Анализ статистики результатов думских выборов показывает, что очищенные от аномалий уровень явки и результатов «Единой России» находятся на исторических минимумах — 38 и 32 % соответственно. При этом более половины всех голосов «партии власти» являются аномальными, то есть скорее всего сфальсифицированными. В то же время результат КПРФ при исключении аномальных голосов ЕР составляет 25 % всех голосов избирателей. Таким образом, коммунисты выглядят почти равновесным соперником кремлевской партии при голосовании по федеральному списку; в «очищенных» результатах они обошли ее по числу голосов примерно в 22 (четверти) регионах. Более того, результаты двух партий близки в 26 из 86 крупных (более 500 тыс. чел.) городах страны. Медианный уровень очищенной от аномалий поддержки победителей в одномандатных округах (почти 90 % от «Единой России») составляет 33 %, то есть аналогичен уровню поддержки правящей партии по пропорциональной системе. Это делает одномандатную систему выборов уязвимой к консолидированному голосованию за альтернативного кандидата, что и было продемонстрировано на нынешних выборах в Москве.

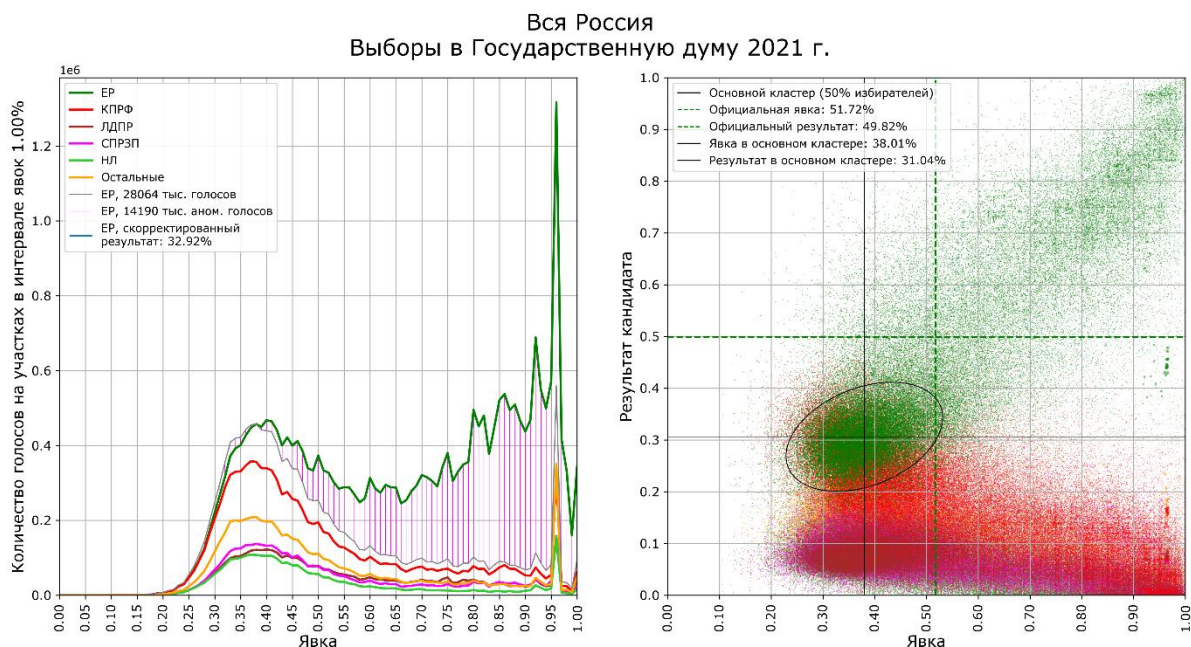
Выборы депутатов Государственной Думы в 2021 году отличались от предыдущих трехдневной продолжительностью и широким применением электронного голосования. Оставляя в стороне вопрос электронного голосования, повлиявшего в первую очередь на результаты в Москве, сосредоточимся здесь на данных «бумажного» подсчета голосов и связанных с ним аномалиях⁸.

⁸ Результаты голосования по участкам собраны автором с сайта www.izbirkom.ru и опубликованы в TG-канале RUElectionData. По пропорциональной системе: <https://t.me/RUElectionData/1780>, по одномандатным избирательным округам <https://t.me/RUElectionData/1722>. Данные совпадают по контрольным суммам с итоговыми результатами, опубликованными ЦИК на момент сбора (29.09.2021). По опыту прошлых выборов можно ожидать, что некоторое количество (единицы) избирательных участков может быть исключено из результатов задним числом в результате отмены итогов выборов в судебном порядке.

После конституционного голосования, поставившего рекорд по абсолютному числу аномальных голосов⁹, можно было ожидать, что трехдневное голосование приведет к рекордам и на думских выборах. Однако этого не произошло.

Традиционно для всех федеральных голосований, начиная с 2004 года, распределение участков в координатах «явка — результат правящей партии» (правая панель, зеленые точки) имеет форму «кометы» с плотным «ядром» на невысоких явках и результатах партии и размытым «хвостом», уходящим к 100 % явки и 100 % результату ЕР (см. рис. 1–2). Положение центра ядра по явке и результату ЕР, равно как и распределение голосов в левой панели, позволяют оценить реальную явку и реальный результат ЕР в предположении, что «хвост» обусловлен манипуляциями при подсчете голосов. Оба подхода дают хорошо согласующиеся между собой оценки: 38 % для явки и примерно 32 % для результата (31 % — по положению ядра распределения участков, 33 % — по распределению голосов). Количество «аномальных» голосов при этом составляет 14,1 млн и находится в традиционном для кампаний 2007–2018 годов диапазоне, так что 27 млн аномальных голосов на конституционном голосовании остались исключением (см. рис. 3–5).

Рис. 1–2. Выборы в Государственную Думу 2021 года, вся Россия

Справа: распределение избирательных участков России по явке и результатам партий при голосовании по федеральному списку. Слева: распределения голосов, поданных за партии, в зависимости от итоговой явки на участке. Заштрихованная область: «аномальные голоса», отличие формы

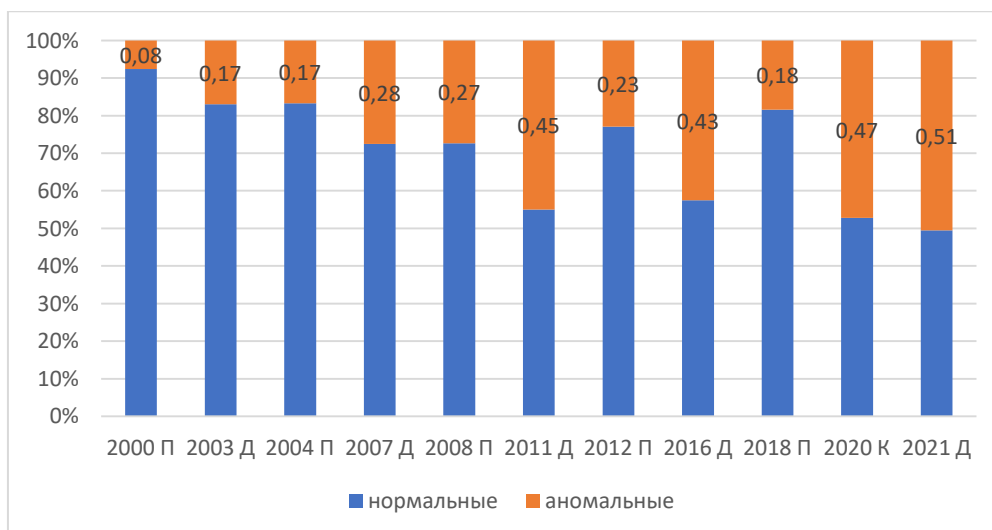
⁹ См.: Шпилькин С. Хвост вертит кометой: масштабы и география «поправочного» волеизъявления / С. Шпилькин // Новая (не)легитимность. Как происходило и что принесло России переписывание Конституции. — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2020. — Вып. 10. Режим доступа: https://liberal.ru/wp-content/uploads/2020/08/Novaya_nelegitimnost.pdf

распределения голосов за партию «Единая Россия» от суммарного распределения голосов за остальные партии и недействительных бюллетеней. В предположении, что различие формы распределений голосов за ЕР и за другие партии полностью обусловлено добавлением голосов за ЕР, заштрихованная площадь («аномальные голоса») равна количеству добавленных голосов. Пик в распределениях на явке 95% в левой панели связан с московским электронным голосованием. Подробнее о методологии см. Шпилькин. Цит. Соч., Приложение «Методы и диаграммы».

Рис. 3. Абсолютное число аномальных голосов за «административного» кандидата на федеральных голосованиях 2000–2021 годов

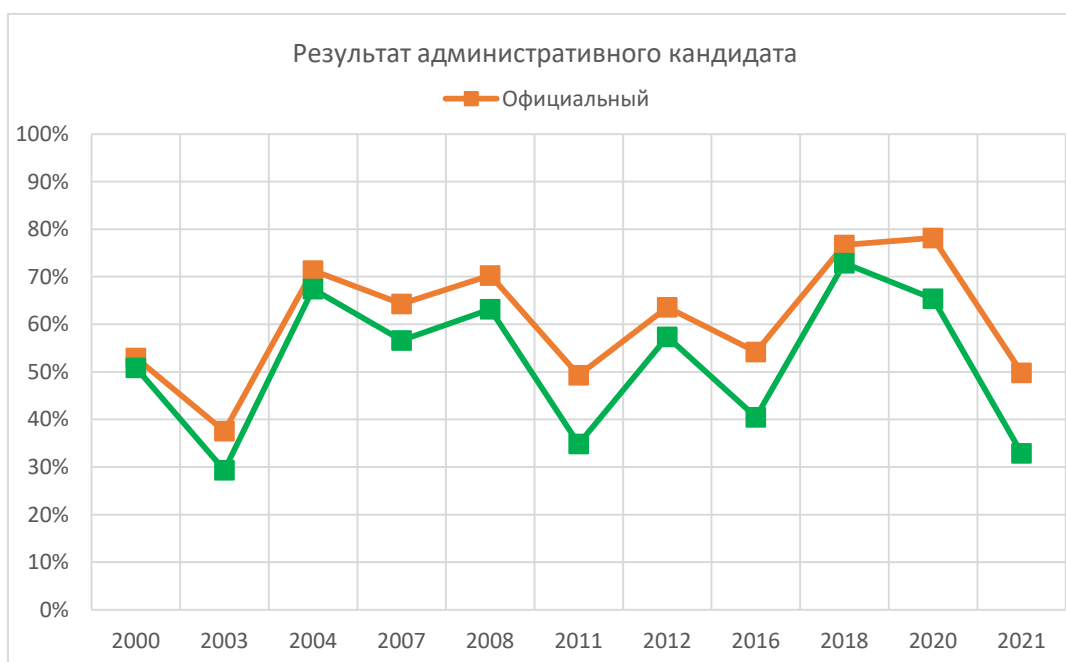

Рис. 4. Доля аномальных голосов в результате административного кандидата на федеральных голосованиях 2000–2021 годов

«П» — президентские выборы, «Д» — выборы в Думу, «К» — голосование по поправкам к конституции.

Рис. 5. Официальный и скорректированный результат административного кандидата на федеральных голосованиях 2000–2021 годов

При этом нынешнее голосование обновило сразу два антирекорда прошлых лет. По очищенной от фальсификаций явке — 38 % — оно повторило рекордно низкую явку 2016 года, и по очищенному от фальсификаций результату «Единой России» — 32 % — повторило антирекорд 2011 года (34 %). В сочетании это дает рекордно низкое количество голосов, набранных ЕР в голосовании по федеральному списку за вычетом фальсификаций, — 14,1 млн (против 14,6 млн в 2011 году и 16,4 млн в 2016 году). Также рекордным оказалась относительная доля аномальных голосов среди всех голосов ЕР — ровно половина (предыдущий рекорд — 45 % в 2011 году).

Еще один заслуживающий внимания факт: на этом голосовании заметно уменьшилась величина «пилы Чурова» — аномального скопления избирательных участков на «красивых» (целочисленных и кратных 5) процентных значениях явки и результата. По подсчетам Д. Кобака¹⁰, суммарная аномалия (избыток участков на целочисленных процентах явки и результата) снизилась до уровня 2011–2012 годов. Возможно, это связано с тем, что избирательные комиссии, склонные фальсифицировать результаты, адаптировались к трехдневной схеме голосования и «нарисовали» требуемые величины в первые два дня, а пришедшие в последний день живые избиратели «размыли» целочисленные значения.

¹⁰ Режим доступа: <https://github.com/dkobak/elections/blob/master/analysis/duma2021/figures/integer-anomalies.png>

ВАРИАЦИЯ «АНОМАЛЬНОСТИ» ПО РЕГИОНАМ

Вычислив количество аномальных голосов по регионам и следуя методике, использованной при анализе президентских выборов 18 марта 2018 года¹¹, можно разделить регионы по уровню фальсификаций на четыре группы:

- группа 1: фальсификации незначительные или отсутствуют (доля аномальных голосов в голосах $EP < 0,11$);
- группа 2: заметные фальсификации (доля от 0,11 до 0,25);
- группа 3А: значительные фальсификации (доля 0,25 и более);
- группа 3Б: тотальные фальсификации, достоверное восстановление реальных результатов невозможно.

В таблице 1 приведены перечни регионов соответствующих групп.

Таблица 1. Уровень аномального голосования по регионам

Группа	Регионы
1 (14 регионов)	Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Иркутская область, Кировская область, Костромская область, Ненецкий автономный округ, Пермский край, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Хакасия, Свердловская область, Томская область, город Москва (без ЭГ)
2 (25 регионов)	Алтайский край, Амурская область, Забайкальский край, Ивановская область, Калининградская область, Калужская область, Камчатский край, Красноярский край, Курганская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Псковская область, Республика Крым, Республика Марий Эл, Смоленская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Хабаровский край, Челябинская область, Ярославская область, город Санкт-Петербург, город Севастополь
3а (29 регионов)	Астраханская область, Белгородская область, Воронежская область, Краснодарский край, Курская область, Липецкая область, Магаданская область, Московская область, Нижегородская область, Омская область, Орловская область, Пензенская область, Приморский край, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Чувашская Республика — Чувашия, Чукотский автономный округ
3б (17 регионов)	Брянская область*, Волгоградская область*, Еврейская автономная

¹¹ Анатолия триумфа. Как устроены президентские выборы в России // сост. К. Погов. — Inliberty. — 2018. — 27 апр. Режим доступа: Inliberty. 27/04/2018 (<https://www.inliberty.ru/article/regime-shpilkin/>)

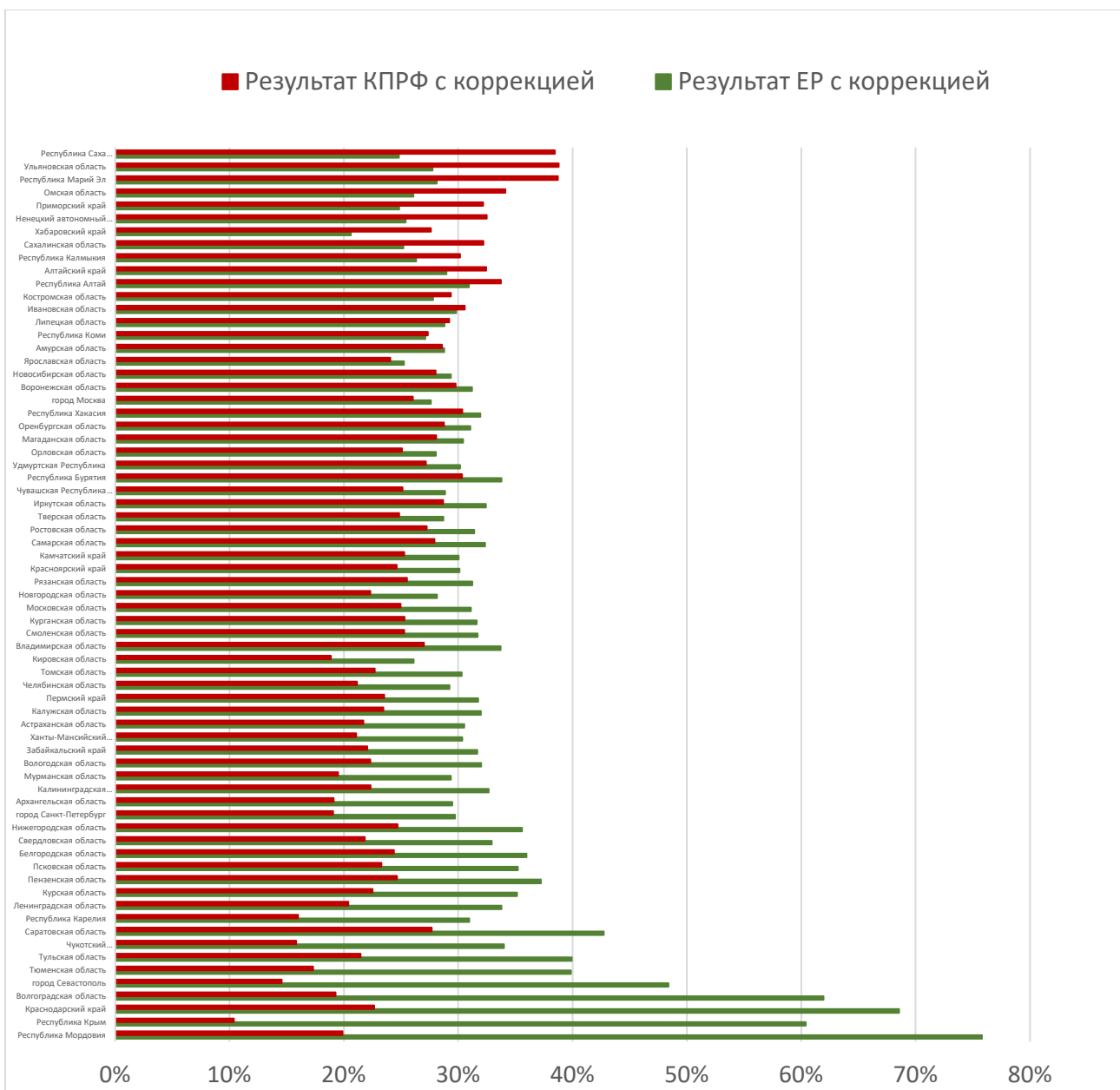
	область*, Кабардино-Балкарская Республика*, Карачаево-Черкесская Республика*, Кемеровская область - Кузбасс*, Республика Адыгея (Адыгея)*, Республика Башкортостан*, Республика Дагестан*, Республика Ингушетия*, Республика Северная Осетия — Алания*, Республика Татарстан (Татарстан)*, Республика Тыва*, Ставропольский край*, Тамбовская область*, Чеченская Республика*, Ямало-Ненецкий автономный округ*
--	---

* Звездочками в группе 3 помечены регионы с тотальной фальсификацией, где, по оценке автора, количества участков с достоверными данными недостаточно для разделения голосов на нормальные и аномальные.

Распределение регионов по категориям похоже на ситуацию с конституционным голосованием 2020 года: количество регионов в группе 1 уменьшилось еще на 2, в группе 2 — увеличилось на 2, в группах 3а и 3б в сумме — не изменилось. Таким образом, сдвиг в сторону фальсификаций, произошедший в 2020 году, зафиксировался (с учетом перетекания некоторых регионов, перешедших из группы 3б в 3а, — немного сдал назад). В то же время в регионах без аномальных голосов явка и уровень поддержки ЕР близки к оценкам очищенных от фальсификаций значений по стране. Медианное значение официальной явки в регионах группы 1 составляет 39,7 %, официального результата «Единой России» — 32,4 %. Наименьший официальный результат ЕР среди регионов группы 1 — 29,1 % (Хабаровский край), наибольший — 37,6 % (Владимирская область).

Еще один важный результат нынешнего голосования. Практически во всех регионах КПРФ сильно потеснила ЛДПР, которая еще в 2016 году выступала с ней на равных, и стала, таким образом, фактически единственной оппозиционной партией. Если исключить аномальные голоса ЕР, то результат КПРФ по федеральному списку поднимается до 25 %. При этом КПРФ вплотную приблизилась к ЕР в голосовании по пропорциональному списку и даже обошла ее минимум в 22 регионах (Алтайский край, Амурская область, Воронежская область, Москва, Еврейская автономная область, Ивановская область, Костромская область, Липецкая область, Ненецкий автономный округ, Новосибирская область, Омская область, Приморский край, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Сахалинская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Ярославская область), в том числе в Марий Эл, Якутии, НАО, Омской, Сахалинской, Ульяновской областях, Приморском и Хабаровском краях уверенно обошла ЕР.

Рис. 6. Соотношение результатов КПРФ и ЕР по пропорциональной системе после исключения аномальных голосов за ЕР

Регионы отсортированы по разности результатов КПРФ-ЕР, исключены регионы, для которых коррекция недостоверна (помеченные звездочкой в **таблице 1**). Данные по Москве и другим регионам с электронным голосованием включают результаты ДЭГ.

ЧЕТЫРЕ РОССИИ

Фальсификация результатов голосования на части участков ведет к тому, что участки и регионы со значительной долей фальсификата вносят в итоги выборов непропорционально большой вклад. На этих выборах повторилась ярко проявившаяся в

2016 году ситуация «двугорбой России», когда большинство официально поданных за «Единую Россию» голосов оказывается получено на меньшинстве участков.

Эта непропорциональность хорошо видна, если посчитать вклад в официальный результат «Единой России» выделенных ранее групп регионов. В частности, регионы группы 3б (тотальные фальсификации) дают более трети голосов ЕР, при том что численность избирателей в них составляет лишь немного более 1/6. «Вес» одного избирателя в голосах за ЕР сильно зависит от категории региона: в регионах группы 3б он в 3,4 раза больше, чем в регионах группы 1.

Таблица 2. Численность избирателей и вклад в официальные голоса ЕР по группам регионов

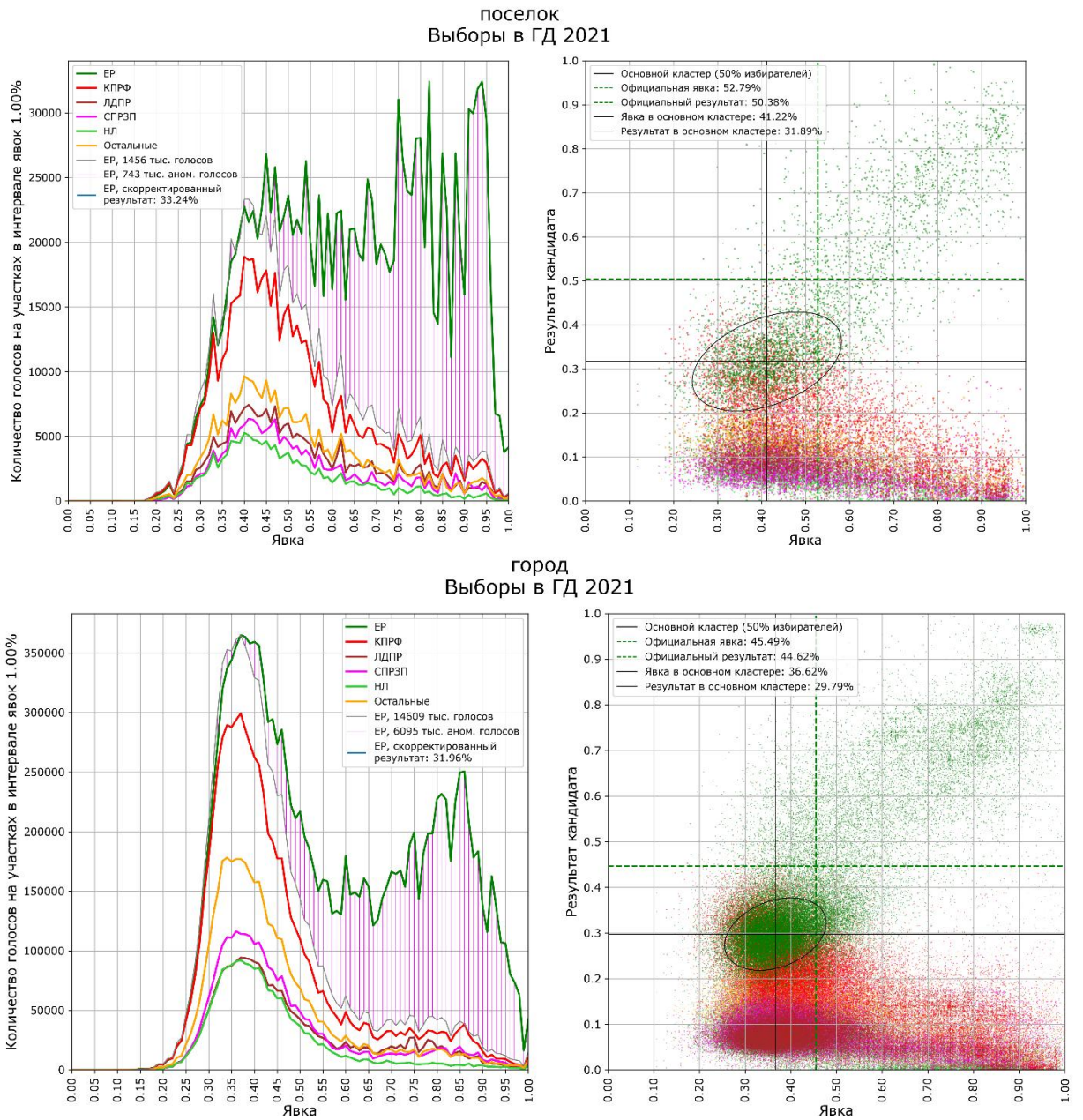
Группа	Число избирателей	Голосов за «Единую Россию»	Доля в общем числе избирателей	Доля в голосах ЕР
1	21,7 млн	3,40 млн	19,9 %	12,1 %
2	28,3 млн	4,50 млн	25,9 %	16,0 %
3а	40,1 млн	10,3 млн	36,7 %	36,7 %
3б	19,0 млн	9,86 млн	17,4 %	35,1 %

ГОРОД И СЕЛО

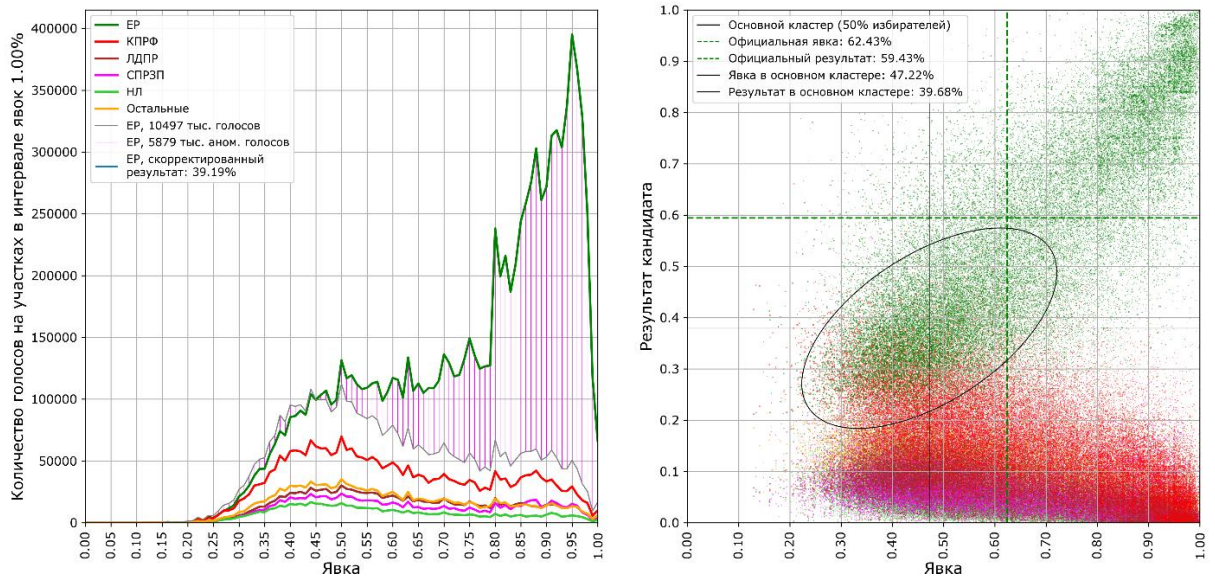
Другое проявление фальсификаций — непропорционально большой вклад в результаты ЕР сельских участков. На **рис. 3** показаны диаграммы отдельно для избирательных участков, расположенных в городах, поселках городского типа и сельских населенных пунктах согласно классификации Росстата¹² (не включены временные участки и участки ДЭГ). Видно, что явка и официальный результат ЕР растут в ряду «город — поселок — село» не столько за счет сдвига «ядра» участков (то есть роста явки и лояльности более сельских избирателей в сравнении с более городскими), сколько за счет относительного увеличения доли «хвоста» (аномальных голосов). При этом сельские и поселковые участки (33,8 млн избирателей) в сумме дают больше аномальных голосов, чем городские (72,2 млн избирателей).

¹² Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MZmdFJyl/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01-01-2021.xlsx

Рис. 7–9. Распределение голосов за партии по явке и результату в зависимости от типа населенного пункта.

село
Выборы в ГД 2021

ГОЛОСОВАНИЕ В ГОРОДАХ

Учитывая наблюдаемую тенденцию к смещению аномальных голосов на сельские участки, интересно рассмотреть отдельно голосование в региональных центрах. В **таблице 3** приведена аналогичная **таблице 1** классификация аномалий голосования по пропорциональной системе в региональных центрах и городах с населением более 500 тыс. человек (помимо региональных центров, это Балашиха, Набережные Челны и Тольятти; из анализа исключен Анадырь, в котором слишком мало избирательных участков).

Таблица 3. Уровень аномального голосования в региональных центрах и городах с населением более 500 тыс. человек

Группа	Города
1 (46 городов)	Барнаул, Благовещенск, Архангельск, Белгород, Вологда, Чита, Иваново, Иркутск, Калининград, Калуга, Петропавловск-Камчатский, Киров, Кострома, Красноярск, Курган, Курск, Липецк, Мурманск, Нижний Новгород, Великий Новгород, Новосибирск, Омск, Орел, Пермь, Владивосток, Псков, Улан-Удэ, Элиста, Петрозаводск, Сыктывкар, Йошкар-Ола, Абакан, Рязань, Тольятти, Екатеринбург, Смоленск, Тверь, Томск, Тула, Тюмень, Ижевск, Ульяновск, Хабаровск, Чебоксары, Ярославль, Москва
2 (16 городов)	Владимир, Воронеж, Магадан, Нарьян-Мар, Оренбург, Пенза, Горно-Алтайск, Симферополь, Саранск, Якутск, Самара, Южно-Сахалинск, Ханты-Мансийск, Челябинск, Санкт-Петербург, Севастополь
3 (24 города)	Астрахань*, Брянск*, Волгоград*, Биробиджан*, Нальчик*, Черкесск*, Кемерово*, Новокузнецк*, Краснодар, Балашиха*, Майкоп*, Уфа*

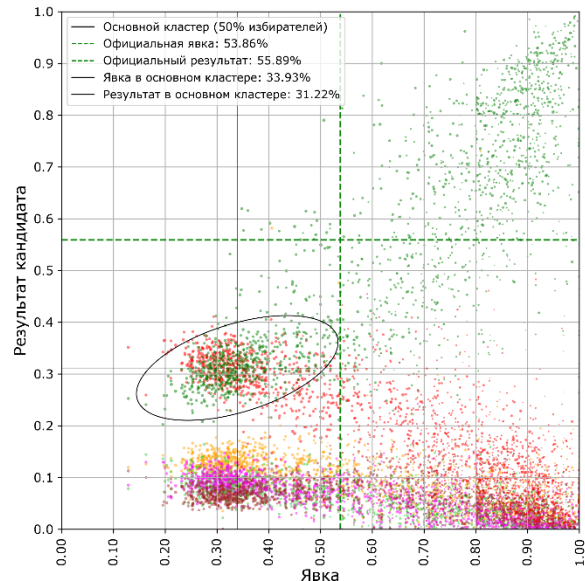
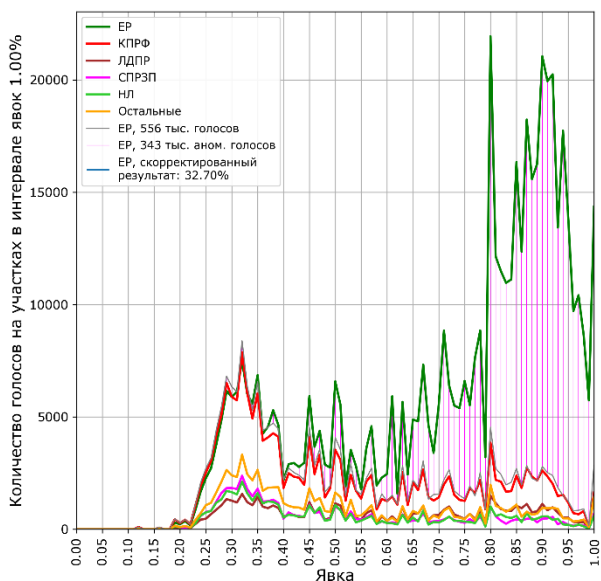
	Махачкала*, Назрань*, Владикавказ*, Казань*, Набережные Челны*, Кызыл*, Ростов-на-Дону, Саратов, Ставрополь*, Тамбов, Грозный*, Салехард
--	--

* Звездочками в группе 3 помечены города с тотальной фальсификацией, где, по оценке автора, количества участков с достоверными данными недостаточно для разделения голосов на нормальные и аномальные.

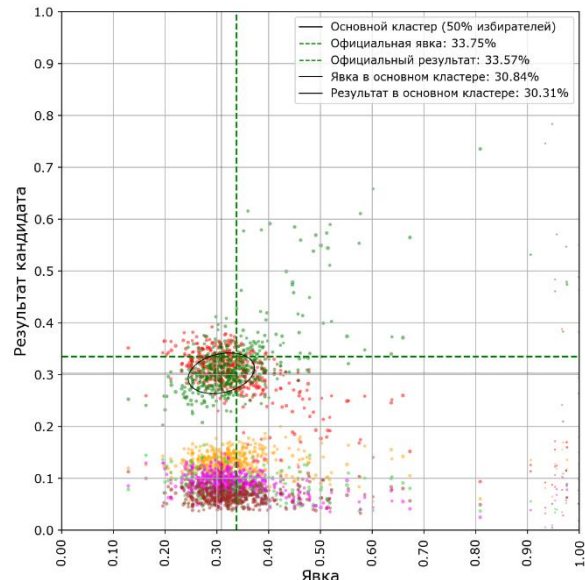
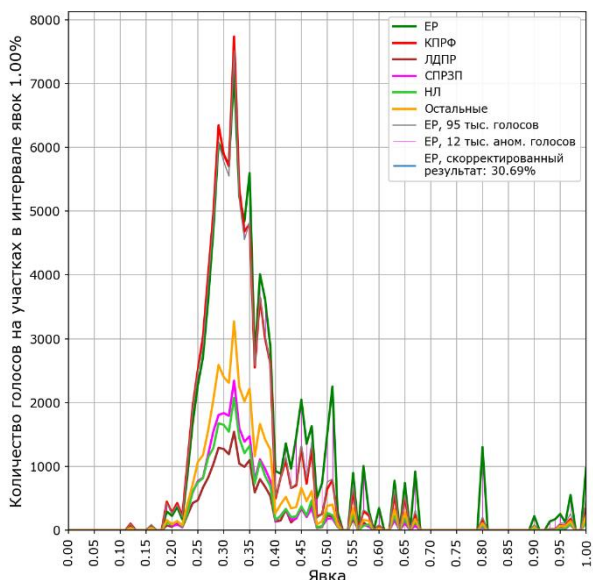
Медианное значение официальной явки в городах группы 1 составляет 38,3 %, официального результата «Единой России» — 30,4 %. Наименьший официальный результат ЕР среди городов группы 1 — 22,8 % (Хабаровск), наибольший — 39 % (Тула). Нередки ситуации, когда в региональном центре уровень аномалий значительно ниже, чем в регионе в целом, пример Воронежской области приведен ниже (см. **рис. 10**).

Рис. 10. Пример аномального региона с минимальными аномалиями в региональном центре

Воронежская область
Выборы в Государственную думу 2021 г.

Воронежская область - Воронеж
Выборы в ГД 2021

Успехи КПРФ в региональных центрах и крупнейших городах также значительны. Ее результат вплотную приближается к очищенному от аномалий результату ЕР в 26 городах: Барнауле, Благовещенске, Воронеже, Москве, Иваново, Иркутске, Костроме, Липецке, Омске, Владивостоке, Элисте, Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Якутске, Абакане, Самаре, Тольятти, Южно-Сахалинске, Смоленске, Твери, Ижевске, Ульяновске, Хабаровске, Ярославле. Из них в Барнауле, Элисте, Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Якутске, Омске, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Ульяновске и Хабаровске КПРФ уверенно опережает Единую Россию.

ГОЛОСОВАНИЕ В ОДНОМАНДАТНЫХ ОКРУГАХ

Уровень аномалий в избирательных округах обычно следует за уровнем аномалий соответствующего региона, хотя встречаются случаи, когда в регионе с высоким уровнем аномалий отдельные округа имеют низкий уровень аномалий; пример такой ситуации – округ № 159 в Самарской области, где баллотировался (по-видимому, согласованный) статусный депутат от КПРФ Леонид Калашников. В целом одномандатные округа распределяются по уровню аномалий следующим образом:

группа 1: 41 округ; победители: Единая Россия — 25, КПРФ — 9, ЛДПР — 1, Партия РОСТА — 1, Справедливая Россия — За правду — 5;

группа 2: 50 округов; победители: Единая Россия — 45, ЛДПР — 1, РОДИНА — 1. Самовыдвижение — 1, Справедливая Россия — За правду — 2;

группа 3: 134 округа; победители: Гражданская Платформа — 1, Единая Россия — 128, Самовыдвижение — 4, Справедливая Россия — За правду — 1.

Таким образом, при низком уровне фальсификаций 60 % мандатов достались ЕР и 40 % — другим партиям, при уровне фальсификаций второй группы ЕР получила 90 % мандатов, а третьей — практически 100%.

Несмотря на тотальную победу «Единой России» в одномандатных округах (88 % всех мандатов), очищенный от фальсификаций уровень поддержки победителей весьма невысок. Медианное значение очищенного от фальсификаций результата победителя составляет 33 % (можно считать, что это значение целиком относится к кандидатам от ЕР, небольшое количество победителей от других партий существенно на результат не влияет). В 2016 году соответствующая величина составляла 40 %. Таким образом, реальная поддержка кандидатов ЕР в одномандатных округах снизилась на 7 процентных пунктов (такой же результат дает и вычисление медианного снижения очищенного результата победителя по каждому округу).

Денис Волков,
директор Левада-центра

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛЯРИЗАЦИЯ: ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Избирательная кампания 2021 года проходила в условиях затяжного роста общественного недовольства и снижения рейтингов «Единой России». Интерес россиян к кампании находился на минимальном уровне, а власти делали ставку на привлечение административно зависимого электората и старших поколений. Опросы дают основание полагать, что в случае участия в выборах условная партия Навального могла бы преодолеть пятипроцентный барьер и пройти в парламент. Итоги выборов продемонстрировали существенные изменения в электоратах основных партий: электорат ЕР «постарел», а электорат КПРФ, напротив, оказался гораздо более молодым и образованным. В то время как ЛДПР утрачивает признаки «партии протеста», именно КПРФ стала главным фокусом протестного голосования. Обсуждения в фокус-группах демонстрируют, что идет активный поиск новых лидеров – «народных заступников», своего рода упрощенной и более «народной» версии Алексея Навального. В оценках результатов выборов проявилась возросшая поляризация общественного мнения: по сравнению с прошлыми выборами доля положительных оценок остается постоянной, но доля негативных оценок возросла.

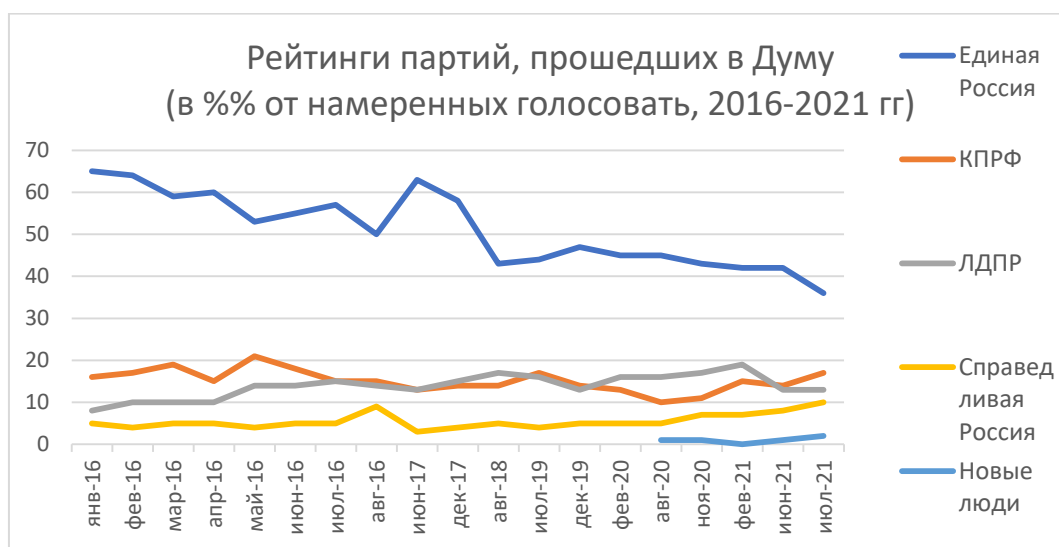
ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ: ЧУВСТВО ДОЛГА И БЕСПОМОЩНОСТИ

Избирательная кампания 2021 года проходила в условиях затяжного роста общественного недовольства, связанного с экономической ситуацией, длительным снижением уровня жизни, последствиями пандемии и карантинными ограничениями и, в меньшей степени, с ограничением гражданских свобод. Вследствие этих процессов уже несколько лет, по крайней мере с 2018 года, наблюдается продолжительное снижение

рейтингов основных государственных институтов, в том числе рейтингов партии власти¹³. Если в 2016–2017 годах за партию Единая Россия готовы были отдать свой голос больше половины намеренных принять участие в выборах респондентов¹⁴, то к 2021 году этот показатель снизился до 40–42 %, и падение рейтингов продолжалось в ходе избирательной кампании (см. **график 1**; возможно, поэтому было решено стабилизировать ситуацию внеплановыми выплатами пенсионерам, бюджетникам и силовикам, многие из которых составляют костяк сторонников партии власти).

В этих условиях для сохранения контроля над парламентом ЕР нужно было, во-первых, получить абсолютное большинство мест по одномандатным округам, и, во-вторых, для улучшения результата по партийным спискам обеспечить максимальную мобилизацию своих сторонников и не допустить высокой явки протестно настроенных граждан.

График 1. Рейтинги партий, прошедших в Думу (% от намеренных голосовать и определившихся с выбором партии)

Вопрос: «Если бы выборы в Государственную Думу состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на этих выборах? Если да, за какую из этих партий вы бы проголосовали — или вы пришли бы на выборы и испортили и унесли с собой бюллетень?»

Мобилизация сторонников власти во многом являлась мобилизацией зависимых от государства социальных групп: работников муниципальных и бюджетных учреждений

¹³ Здесь и далее приводятся результаты ежемесячных опросов Левада-центра (внесен в реестр НКО-иноагентов), репрезентативных для взрослого населения страны, проведенных методом поквартирного опроса, размер выборки 1600 человек, погрешность 3,4 %. Результаты опросов дополнены материалами нескольких фокус-групп, проведенных летом-осенью 2021 года.

¹⁴ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/04/28/obraz-parlamentskih-partij-v-obshhestvennom-soznanii/>

(через беседы, уговоры, рекомендации, реже — прямое давление) и пенсионеров, зависящих от прямых государственных выплат (через дополнительные поощрения, единовременные выплаты, напоминания). Именно в этих группах распространено отношение к участию в выборах как к «долгу каждого гражданина», о котором перед выборами нужно напомнить. Судя по всему, эта стратегия сработала. Так, например, если проведенные после выборов опросы показывали явку на уровне 55 % (ответившие, что приняли участие в выборах), то среди пенсионеров эта цифра составила 79 %, среди сотрудников разного рода бюджетных учреждений — от 65 до 75 %, среди работающих на предприятиях — около 50 %, среди неработающих (не считая пенсионеров) — лишь около трети.

Голосование «из чувства долга» стало абсолютно доминирующим мотивом электорального поведения: об этом сказали 57 % голосовавших, что сопоставимо с цифрами 2016 и 2011 годов, однако на прошлых выборах другие мотивы голосования отмечали заметно чаще. Можно сказать, что выборы все больше превращаются в ритуальное действие, в котором важно само участие, а не результат.

Таблица 1. Что побудило вас проголосовать на этих выборах?

	2011	2016	2021
Гражданский долг	62	60	57
Стремление помочь кандидату/партии, которым я симпатизирую	20	14	8
Чтобы мой голос не был использован без моего ведома	-	14	8
Привычка	18	20	7
Стремление выразить свою политическую позицию (даже если это не поможет никому из кандидатов/партий)	20	15	7
Стремление помешать кандидату/партии, которым я не симпатизирую, набрать лишние голоса	11	5	5
Это почти единственная возможность проявить свое участие в жизни страны	13	9	4
Заставило голосовать начальство	-	-	3
Другое	1	2	2
В кругу близких мне людей принято ходить на выборы	9	8	1
Затрудняюсь ответить	1	0	0

В % от тех, кто голосовал и ответил, за какую партию; ответы ранжированы по последнему замеру.

Респонденты, которые не собирались голосовать, объясняли это тем, что их голос все равно ничего не изменит. На фокус-группах такие люди обычно говорили: «Все решено заранее», «как ни голосуй, все равно ничего не поменяется», «все равно власти сделают так, как нужно им». Так отвечали прежде всего критически настроенные к власти граждане. Большая их часть осталась дома и не повлияла на результаты выборов, повысив шансы «Единой России» на победу.

Деморализация и апатия протестного электората были видны социологам задолго до дня голосования. Во многом она была подготовлена жесткой реакцией власти на протесты 2020 года и зимы 2021 года, уголовными преследованиями известных политиков, (Алексея Навального, Сергея Фургала, Николая Платошкина), судебными процессами над журналистами, закрытием ряда независимых изданий в связи с внесением их в список СМИ — иностранных агентов, отстранением от участия в выборах ряда независимых кандидатов, в том числе в ходе официальной предвыборной кампании (наиболее резонансными случаями стали исключение Павла Грудина из списка КПРФ, снятие с выборов Льва Шлосберга). Симптоматическим в этом отношении стал случай Хабаровска, в котором после ареста популярного в крае губернатора и многомесячных протестов на губернаторских выборах победил кандидат, присланный из Москвы. Из символа неповиновения федеральному центру Хабаровск превратился в символ сломленного протеста: «В Хабаровске 100 тысяч ходили, и толку? Все как было, так и есть».

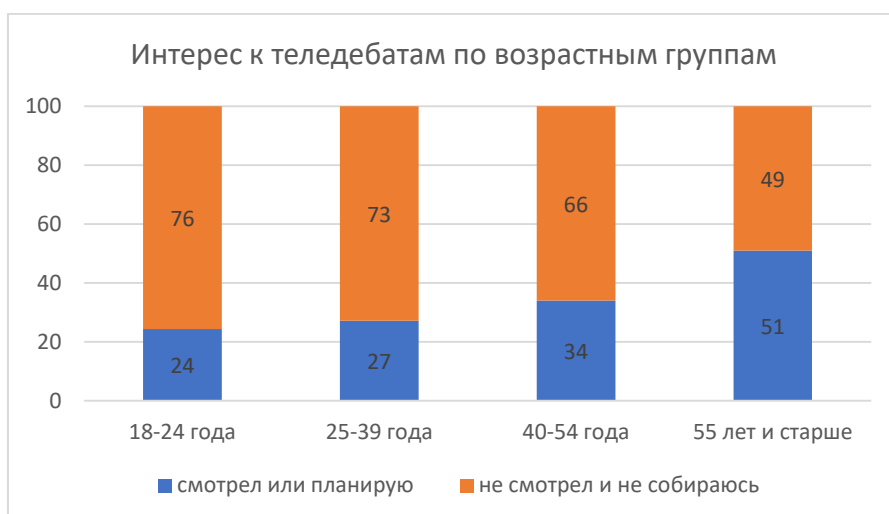
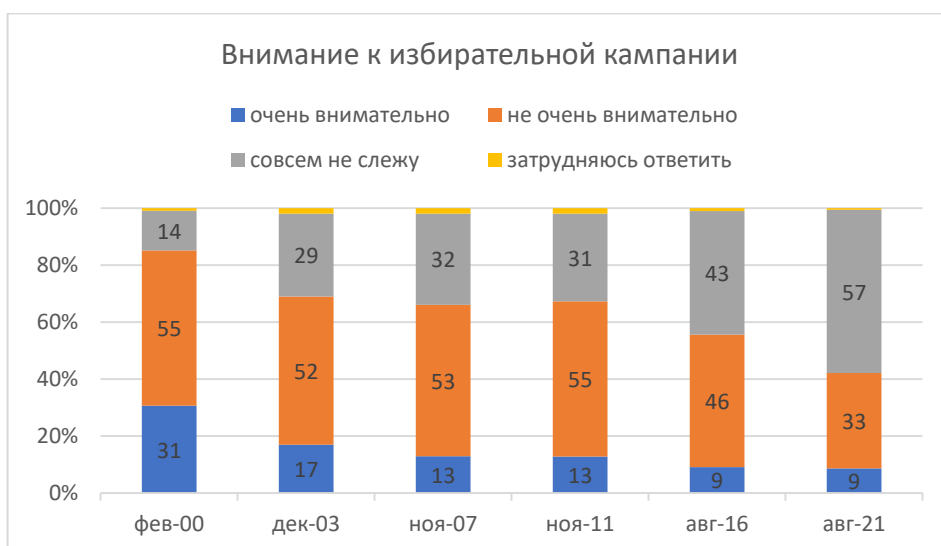
Все перечисленное должно было послать недовольной публике четкий сигнал — сопротивление бесполезно, сидите дома и не высывайтесь. И значительное число респондентов именно так это и восприняли; наиболее отчетливо такие настроения наблюдались весной и летом этого года среди молодых людей. Среди неголосовавших примерно каждый пятый именно так объяснял свое неучастие. Еще более важным мотивом неучастия в выборах стало общее разочарование части населения в политике и политиках, на фокус-группах эти люди говорят: «не интересуюсь политикой», «не верю никому», «мы им не интересны, а они нам не интересны», «все бесполезно». Среди неголосовавших респондентов таких было порядка четверти¹⁵.

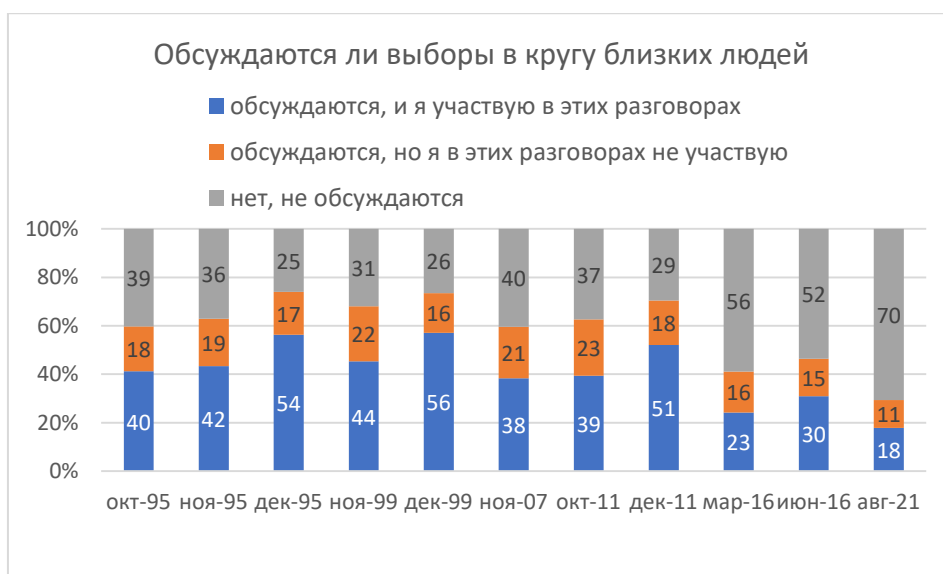
¹⁵ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/>

ВОСПРИЯТИЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

В итоге больше половины россиян не следили за ходом избирательной кампании, две трети не смотрели предвыборные дебаты, почти три четверти респондентов не обсуждали выборы в кругу близких и сослуживцев. Когда к гонке допущено лишь ограниченное число кандидатов, а результат выборов более-менее ясен заранее, обсуждать особо нечего. Среди тех, кто все-таки следил за ходом избирательной кампании, смотрел дебаты с участием кандидатов, преобладали люди старших поколений (от 55 лет и старше).

Графики 2–4. Уровень внимания к избирательной кампании, % от всех опрошенных

При этом, по оценке респондентов, довольно яркой оказалась агитация партии «Новые люди» — она запомнилась каждому пятому респонденту, что сопоставимо с показателями КПРФ и ЛДПР (см. **график 5**). Интересно сравнить результаты соцопросов с данными мониторинга агитационной кампании на российских телеканалах, который выполнили эксперты движения Голос (включено в реестр иностранных агентов). По этим данным партию «Новые люди» упоминали даже чаще, чем КПРФ, а тональность упоминаний была исключительно положительной¹⁶. Возможно, именно в этом — ключ к электоральному успеху новой партии: лишь в конце августа — начале сентября опросы показали, что она имеет шансы на попадание в Думу, при том, что в начале 2021 года о ней знали не более 7 % россиян¹⁷. Партия Владимира Жириновского «прозвучала» хуже обычного: в 2011 году выступления лидера и других ее представителей отмечали 49 %, в 2021 году — только 24 %. Жириновский хотя и остался самым запоминающимся голосом предвыборной кампании¹⁸, выступал намного менее убедительно: если в 2007, 2011, 2016 годах его выступления запомнились примерно половине россиян¹⁹, то в этот раз в ответах на открытый вопрос его имя упомянули всего 17 %. Еще меньше россиянам запомнились выступления Геннадия Зюганова (6 %) и Сергея Миронова (3 %).

¹⁶ Режим доступа: <https://www.golosinfo.org/articles/145314>

¹⁷ Режим доступа: <https://media.fom.ru/fom-bd/d35pi2021.pdf>

¹⁸ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/>

¹⁹ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2016/09/22/predvybornaya-agitatsiya-i-zloupotrebleniya/>

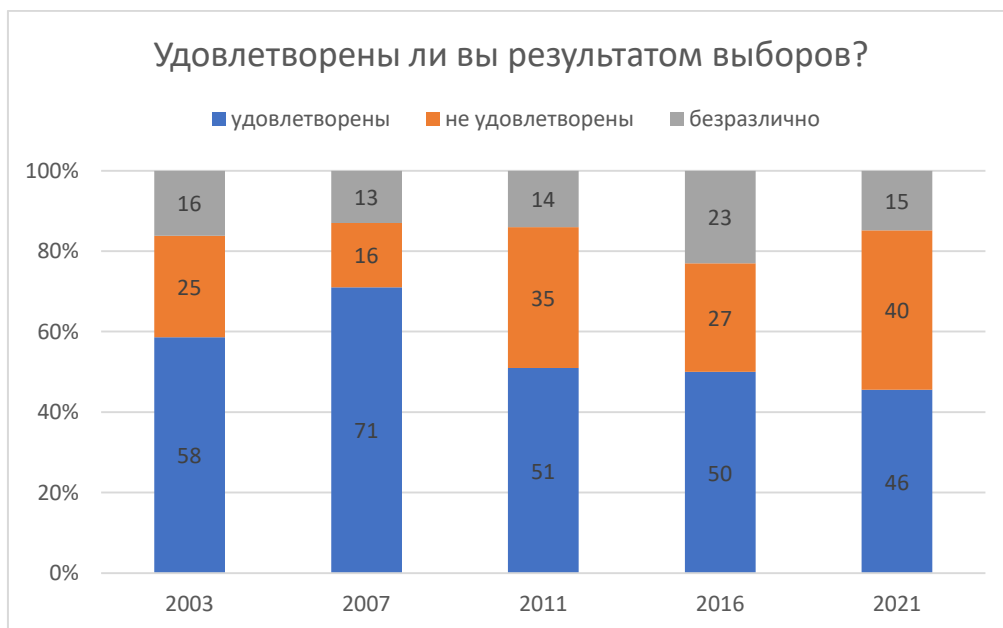
График 5. Динамика представлений о выступлении на дебатах представителей политических партий, в % от тех, кто смотрел дебаты

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ОЦЕНОК ВЫБОРОВ

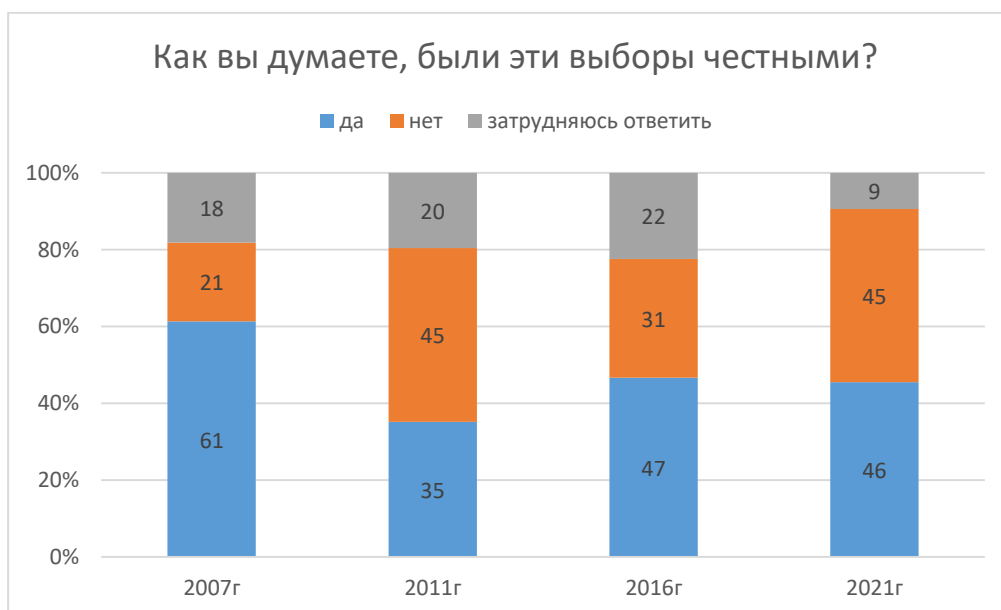
В оценках результатов выборов общественное мнение разделилось практически пополам. Так, 46 % россиян считают, что выборы в Госдуму были честными, столько же (45 %) думают по-другому. Также 46 % россиян оказались удовлетворены итогами, 40 % — не удовлетворены. Половина россиян считают, что в Думе будет партия, представляющая их интересы, а 39 % уверены, что такой партии не будет. В оценках наблюдается схожая динамика: доля положительных оценок остается более-менее постоянной на протяжении трех последних избирательных кампаний, а вот доля негативных по большинству вопросов увеличилась. Таким образом, и здесь мы наблюдаем растущую поляризацию общественного мнения в отношении результатов выборов.

График 6. Удовлетворенность результатами выборов, в % от всех опрошенных

«Удовлетворены» — доля ответивших, что полностью или скорее удовлетворены, «не удовлетворены» — доля ответивших, что полностью или скорее не удовлетворены, «безразлично» — доля ответивших «затрудняюсь ответить» и «мне безразличны результаты выборов».

График 7. Представления о честности выборов, в % от всех опрошенных

«Да» — сумма ответов «определенно да» и «скорее да», «нет» — сумма ответов «скорее нет» и «определенно нет».

Положительные оценки выборов демонстрируют в первую очередь те, кто голосовал за Единую Россию, и большинство тех, кто голосовали «по привычке» или «из чувства долга». В целом участвовавшие в выборах россияне оценивают их результат положительно в два раза чаще чем те, кто не голосовал. Среди голосовавших наибольшая

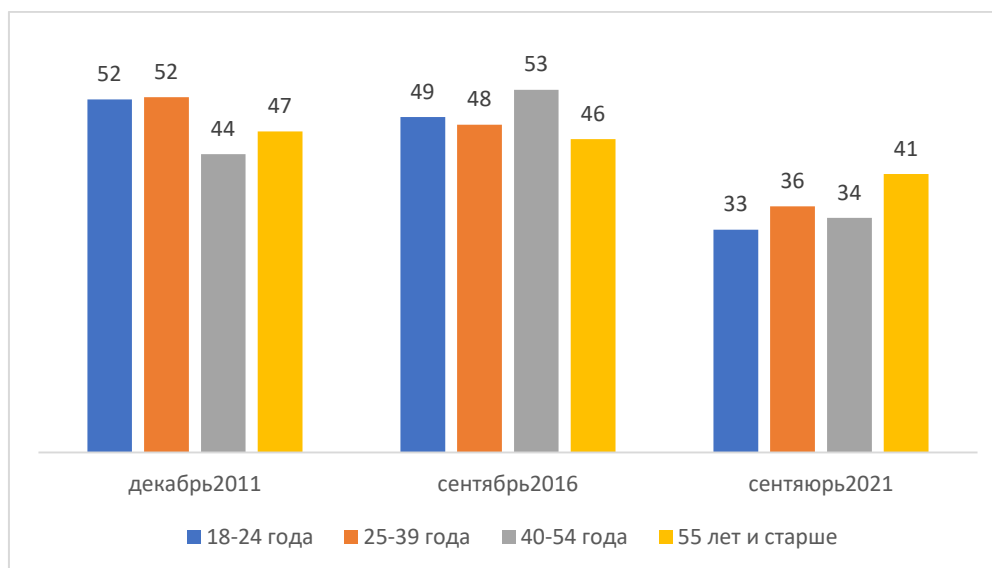
неудовлетворенность ситуацией характерна для сторонников КПРФ, а также для тех, кто голосовал по принципам протестного голосования (не дать избраться кандидатам от партии власти, чтобы голос не был украден и т.д.).

В социально-демографическом плане наибольшую удовлетворенность результатами демонстрируют представители старшего поколения, пенсионеры, а также государственные служащие (но не бюджетники в целом), узнающие о новостях по телевизору, голосовавшие из чувства гражданского долга или по привычке. Не удовлетворены, напротив, самые молодые (и в меньшей степени респонденты среднего возраста), с высшим образованием, активно пользующиеся интернетом (в особенности читатели телеграм-каналов).

ИЗМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОФИЛЕЙ ЕР И КПРФ

В электоратах основных партий на этих выборах произошли существенные изменения. Электорат ЕР оказался заметно смещен в сторону возрастных и менее образованных респондентов, чего ранее не наблюдалось. При этом, согласно опросам, поддержка партии власти концентрируется не столько среди бюджетников, сколько среди неработающих — пенсионеров, домохозяек и т. д., то есть в тех слоях, которые зависят от прямой государственной поддержки и наиболее уязвимы для телевизионной пропаганды. Среди работников бюджетных учреждений, только работающие на государственных предприятиях демонстрируют высокие показатели голосования за партию власти (работники бюджетной сферы, согласно опросам, несколько чаще голосовали за коммунистов, а не за партию власти). Получается, что бюджетников легко мобилизовать, однако полностью рассчитывать на их лояльность партия власти не может. За ЕР в большинстве своем проголосовали те, кого в целом устраивает жизнь, кто доволен предвыборными выплатами (их неоднократно упоминали участники фокус-групп). Такого рода финансовая подпитка зависимых слоев населения непосредственно перед выборами, похоже, стала обязательным условием голосования за партию власти и воспринимается ее сторонниками как должное.

График 8. Доли голосов за «Единую Россию» по возрастным группам, в % от голосовавших

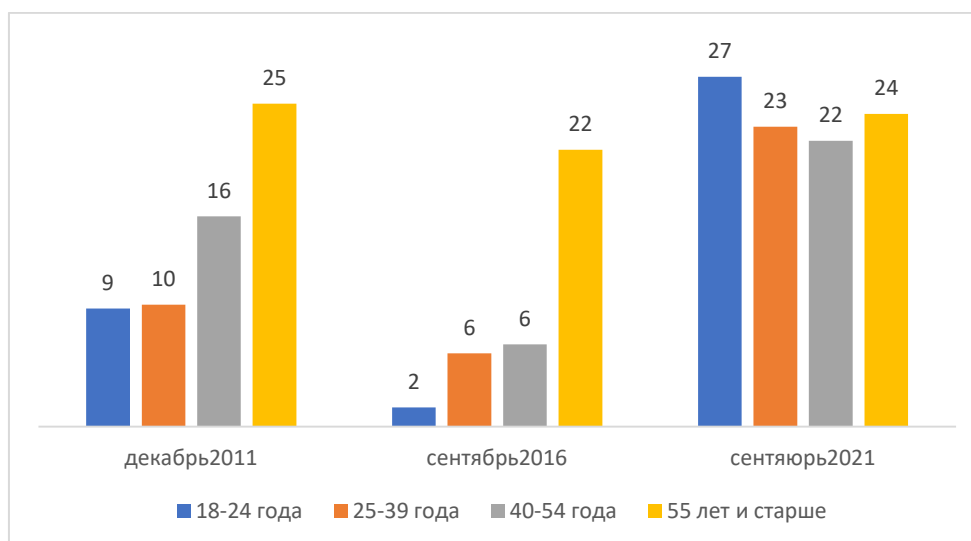

Среди мотивов голосования за партию власти преобладает установка на сохранение стабильности (сторонники ЕР так объясняли свои мотивы²⁰: «они за стабильность», «это единственная партия, которая может сохранить стабильность в стране», «выбираю стабильность», «хочется стабильности»). Также в их ответах часто звучит признание заслуг партии в поддержании определенного — пусть и довольно скромного — уровня жизни: «жизнь устраивает», «все благополучно», «пенсию добавили», «делают что-то хорошее», «войны нет, остальное наладится». Для сторонников ЕР также важна связь партии с Владимиром Путиным: «партия Путина», «там Путин», «хочу поддержать Путина», «личная любовь к президенту».

Значительное число сторонников КПРФ по-прежнему составляют люди с более низким достатком и старшего возраста — это ядро партии. Однако на этих выборах электорат коммунистов оказался гораздо более молодым и образованным, чем обычно. Голосующие за эту партию всегда настроены критически к власти и происходящему, но в этом году их оценки оказались особенно резкими. Интересно, что сторонников коммунистов было много среди читателей телеграм-каналов — людей относительно молодых, интересующихся политикой и настроенных наиболее оппозиционно по отношению к власти.

²⁰ В этом разделе приведены наиболее типичные ответы на открытый вопрос количественного исследования «Что повлияло на ваше решение проголосовать за определенную партию/кандидата?»

График 9. Изменение электората КПРФ по возрастным группам, в % от голосовавших

В голосовании за КПРФ преобладали несколько мотивов. Заметную долю составил ядерный электорат — те, кто «всегда голосует за эту партию», в том числе потому, что «жили при советском союзе» и «тогда жизнь была лучше, чем сейчас», «хочется вернуться назад», «хочется в СССР». Странников партии привлекают лозунги «социальной справедливости», «лучшей жизни», они верят, что эта партия «за народ», «ближе к людям». Поддержанию образа КПРФ как партии протеста могло способствовать и выступление отдельных ее представителей против обязательной вакцинации, однако в наших исследованиях ссылки на это встречались редко.

Уровень чисто протестного голосования (без особых симпатий к самой партии) можно осторожно оценить в 14–15 % от общего числа голосов КПРФ. Примерно столько в ответах на открытый вопрос о причинах поддержки составляли реплики «против Путина», «неприязнь к Путину», «против Единой России», «надоела Единая Россия», «не хотим единокороссов»; в том числе несколько человек (порядка 1 % всех ответов) признались, что следовали рекомендации умного голосования. С другой стороны, около половины голосовавших за КПРФ не готовы назвать себя людьми «левых, социалистических взглядов», поэтому доля протестного голосования за эту партию может быть больше. В любом случае, опросы подтверждают, что именно КПРФ стала на этих выборах главным фокусом протестного голосования (среди мотивов за другие партии такие ответы встречаются мало). Участники фокус-групп называют КПРФ «настоящей партией», «одной из двух настоящих партий», способной составить конкуренцию «Единой России».

ЗАКАТ ЗЮГАНОВА И НОВЫЕ «НАРОДНЫЕ ЗАЩИТНИКИ»

Среди политиков-коммунистов наибольшей поддержкой пользуются Геннадий Зюганов и молодой саратовский коммунист Николай Бондаренко, потеснивший в воображении сторонников партии Павла Грудина. При этом в отношении Зюганова начинает распространяться двойственное отношение: он пользуется авторитетом, его хорошо знают, но все чаще можно слышать на фокус-группах, что «Зюганов уже себя изжил», «в политике слишком долго, ничего он нового не предлагает» (и в этом его иногда сравнивают с Владимиром Жириновским). Респонденты, которые голосовали за КПРФ из чувства протеста против партии власти, называли Зюганова «предателем», который «слил протест», снова пошел на соглашение с Путиным.

Грудинина и Бондаренко поддерживают потому, что они «за народ», «говорят за народ», «в открытую», «в лицо», «не боятся». Сторонники Грудинина готовы простить ему заграничные счета, из-за которых его снимали с выборов, потому что «посмотрите, как живет там у него в совхозе народ, какие там детские садики, какие там школы... Зачем к нему лезли в его книжки иностранные? Зачем сняли его с голосования? Потому что он правду матку резал. Он говорил все, все в открытую говорил за народ. Нам надо такого президента!» Николай Бондаренко, который впервые начал появляться в списке политиков, пользующихся доверием граждан, пару лет назад, за время избирательной кампании еще больше нарастил популярность, потеснив во всероссийском рейтинге политиков не только Павла Грудинина, но и Алексея Навального²¹.

Николай Бондаренко молод, приобрел всероссийскую известность благодаря своему YouTube-каналу «Дневник депутата», который уже насчитывает 1,66 млн подписчиков²² и популярен как среди молодежи, так и людей постарше. Политик выступает с резкой критикой саратовских и федеральных властей, которых он обвиняет в коррупции и пренебрежении интересами граждан. Можно сказать, что в глазах многих участников фокус-групп, Бондаренко выглядит улучшенной копией Алексея Навального (в адрес которого часто можно слышать обвинения в связях с границей, подстрекательстве молодежи к протестам, излишнем радикализме): «Бондаренко мне нравится в Саратове. Он человек, который не боится, что скажут, что произойдет, ведет за собой людей, и в лицо, он в глаза то, что есть, не стесняется, самое главное. Ему можно и руку пожать, и

²¹ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/09/30/odobrenie-institutov-polozhenie-del-v-strane-i-doverie-politikam/>

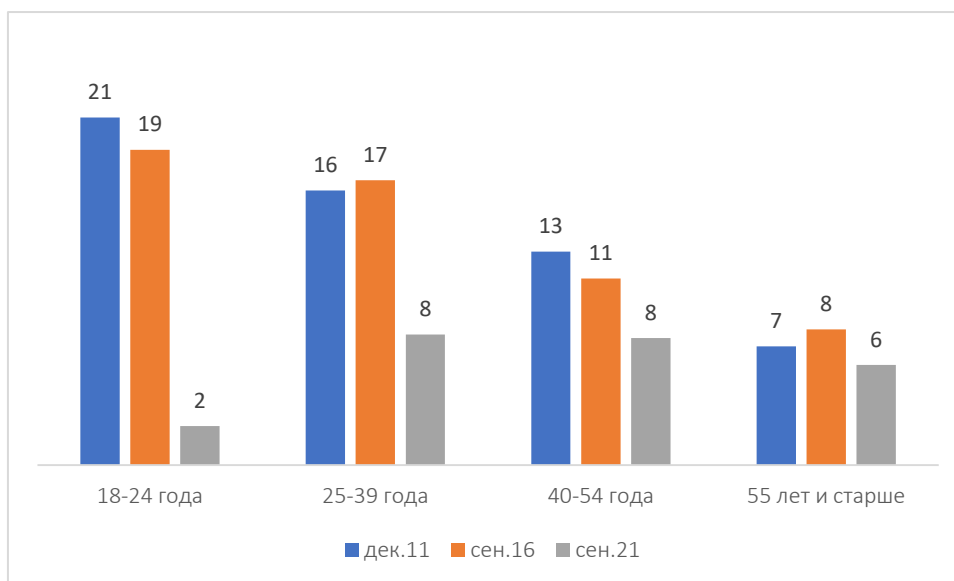
²² Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UCwLTi_1yOgDNf9i3bhBibCA

поаплодировать, и за ним повести людей», «нравится, как он говорит, как он напрямую, в лоб высказывает своё мнение на заседаниях, он говорит: «Идите, поживите, на 15 тысяч». Однако, у респондентов вызывает сомнение, «долго ли он продержится», «власти у него не так уж много, поэтому пока ему дают говорить, а что будет дальше, неизвестно».

«МАЛЫЕ ПАРТИИ»: УВЯДАНИЕ ЖИРИНОВСКОГО, УМЕРЕННЫЕ КРИТИКИ И «ОБНОВЛЕНЦЫ»

Сторонниками ЛДПР на этих выборах оказались скорее люди среднего возраста, хотя традиционно в электорате партии было много молодежи. В вопросе оценки текущей ситуации в стране мнения сторонников этой партии разделились практически поровну, иными словами голосование за эту партию уже нельзя называть чисто протестным. Поддержка ЛДПР, как и всегда, определялась главным образом симпатиями респондентов к Владимиру Жириновскому. Однако значительное число респондентов также говорили об ЛДПР как о партии, которая «хочет сделать лучше», «оказывает помощь», «помогает», «ближе к народу». Кроме того, вокруг партии уже сложилось устойчивое ядро сторонников, которые «всегда за них голосуют», «давно за них». Среди ответов практически не было таких, которые можно было бы охарактеризовать как чисто протестное голосование. На фокус-группах участники отмечали, что Жириновский постарел, «уже не тот, что раньше». И по мере старения лидера, сама партия перестает быть привлекательной для избирателей.

График 10. Изменение электората ЛДПР по возрастным группам, в % от голосовавших

Электорат «Справедливой России – За правду» неоднороден, его основу, как и раньше, составляют представители старших поколений, но в этот раз она заинтересовала и молодежь (возможно, благодаря Захару Прилепину). Сторонники партии объясняли свой выбор тем, что им «нравится программа партии», в которой поднимаются темы «социальной справедливости», помощи пенсионерам; респондентам симпатизировало то, что в ходе кампании лидеры партии (прежде всего Сергей Миронов и Захар Прилепин) обещали «вернуть пенсионный возраст», их «позиция по Донбассу».

Электорат партии «Новые люди» оказался самым молодым. Это люди недовольные ситуацией, но не готовые резко критиковать президента и правительство. Риторика коммунистов или Навального им кажется слишком радикальной. Эта партия оказалась привлекательна для своих сторонников уже тем, что она «новая» («новые...», «новая партия», «решила поддержать новую партию»), с ней связываются надежды на перемены («хочется перемен», «развитие страны», «попытка что-то изменить»). Сыграла роль и симпатия к лидерам партии, прежде всего — к Сардане Авксентьевой, а также успешная предвыборная кампания. Авксентьева впервые привлекла внимание людей, интересующихся политикой, несколько лет назад. Ее имя время от времени упоминалось в разных уголках страны участниками фокус-групп в числе политиков, «за которыми интересно следить», которые «за людей», противопоставит коррумпированным чиновникам (такая менее радикальная версия Сергея Фургала). Участники фокус-групп говорили, что «она за народ, за справедливость», «эта женщина тоже говорит все хорошо», «в Якутии она порядок навела», «народ там сожалел, что она ушла», но «как она будет в Думе, пока

не понятно». Благодаря участию в избирательной кампании, бывшая мэр Якутска стала известной широкой публике: по результатам опросов, она вошла в десятку политиков, чьи предвыборные выступления запомнились респондентам больше всего²³.

НАВАЛЬНЫЙ, УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ И ПРОВАЛ «ЯБЛОКА»

Опросы дают основание предполагать, что в случае участия в выборах условная партия Навального имела все шансы преодолеть пятипроцентный барьер и пройти в парламент²⁴. Но, как известно, сторонники Алексея Навального не были допущены к участию в выборах, а связанные с политиком организации были объявлены экстремистскими. Условная партия Алексея Навального популярна преимущественно среди разочарованных во власти молодых людей до 35–40 лет, проживающих в крупных городах. А проект Умного голосования (УГ) стал одной из центральных тем в ходе избирательной кампании: демократически настроенная общественность спорила, нужно ли следовать рекомендациям УГ, а власти всеми силами пытались предотвратить распространение информации об этой инициативе²⁵.

График 11. Возможные результаты выборов с ограниченным числом партий и при участии «условной партии Алексея Навального», в % от определившихся, июль 2021

²³ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/05/itogi-vyborov/>

²⁴ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/08/umnoe-golosovanie/>

²⁵ Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-58563592>

Электоральную эффективность УГ оценить довольно сложно. В целом инициативу положительно оценивали 35 % россиян. Но большинство опрошенных не слышали об умном голосовании и только 8 % признались, что знают инициативу и относятся к ней положительно; еще меньше — примерно 4 % — говорят, что знали кандидата, предложенного УГ (по Москве эти цифры вдвое выше). Среди голосовавших за коммунистов только около 1 % опрошенных объяснял свой выбор рекомендацией УГ. Можно допустить, что не все респонденты, которые прислушались к рекомендациям команды Навального, готовы были рассказать об этом социологам, но порядок цифр исчисляется несколькими процентами и вряд ли более.

В чем УГ оказалось действительно успешным, так это в поддержании интереса к Алексею Навальному и его команде в условиях, когда они сами не могли участвовать в выборах. На всем протяжении избирательной кампании интерес к этой инициативе не ослабевал, по крайней мере в среде демократически настроенной общественности. Исследование аудитории телеграм-каналов, где сегодня концентрируется политизированная российская общественность, показало, что в сентябре 2021 года Навальный и несколько его сторонников оказались в числе наиболее обсуждаемых политиков²⁶. Усилия властей по блокировке сайтов и роликов УГ, хотя и ограничили распространение информации об этой инициативе, но одновременно должны были повысить статус УГ в глазах политизированной публики: раз власти борются с ним с таким рвением, значит это серьезная предвыборная технология.

Согласно опросам, на начало избирательной кампании, наиболее естественным выбором для сторонников Навального в условиях неучастия в выборах его кандидатов должна была стать партия ЯБЛОКО. Однако этого не произошло. Видимо, призывы Григория Явлинского к сторонникам Алексея Навального не голосовать за ЯБЛОКО были ими услышаны. Старейшая демократическая партия оказалось между двумя разъезжающимися стульями: часть потенциальных сторонников партии из наиболее последовательных критиков власти проголосовала за КПРФ (следуя рекомендациям УГ и, что более вероятно, руководствуясь соображением, что коммунисты точно пройдут в Думу и поэтому отданный за них голос не будет потерян), а более умеренный избиратель предпочел голосование за «Новых людей».

²⁶ Рейтинг политиков в Telegram. Сентябрь 2021. Telegram Analytics. (tgstat.ru)

ОТНОШЕНИЕ К ТРЕХДНЕВНОМУ И ЭЛЕКТРОННОМУ ГОЛОСОВАНИЮ

Отдельного рассмотрения заслуживает отношение респондентов к новым процедурам голосования. К трехдневному голосованию в обществе преобладает позитивное отношение: две трети россиян поддерживают эту новеллу и порядка четверти — не поддерживает (остальные затрудняются с ответом). Осенью прошлого года, во время региональных выборов, респонденты демонстрировали похожее отношение. Почти половина участвовавших в выборах воспользовалась возможностью проголосовать раньше (по 22 % респондентов проголосовали в пятницу и субботу). Так поступили сторонники всех партий, прошедших в Государственную Думу, и сторонники Единой России не выделяются на общем фоне. Некоторое исключение составляют только сторонники КПРФ, сравнительно большая часть которых голосовала в воскресенье. Несколько чаще в первый день (в пятницу) голосовали работники бюджетных учреждений, но и здесь отклонение от средних показателей невелико. Среди тех, кто не поддерживает трехдневное голосование преобладает опасение, что эта процедура может быть использована для фальсификаций.

Отношение к электронному голосованию гораздо более настороженное — по этому вопросу общество разделилось практически поровну (поддерживают 46 % и 41 % не поддерживают). Такие настроения похожи на те, что наблюдались в отношении к электронному голосованию в прошлом году среди москвичей, у которых была возможность познакомиться с ним во время голосования по поправкам к конституции. Тогда мнения разделились похожим образом: 50 % к 39 %²⁷.

Сторонники процедуры говорили о ее удобстве: «не надо куда-то ходить», «можно голосовать из дома», «удобно», «комфортно», «экономит время». Главным аргументом противников стали подозрения в возможных фальсификациях, непрозрачность электронного голосования, отсутствие понятных инструментов наблюдения и проверки чистоты процедуры. Скандал вокруг электронного голосования в Москве должен был лишь укрепить противников это процедуры в обоснованности своих опасений. При этом по стране в целом воспользовались возможностью проголосовать онлайн всего лишь около 5 % россиян, а по Москве — 22 %, что совпадает с заявленными цифрами. Опросы показывают, что более позитивно относятся к электронному голосованию те, кто одобряет

²⁷ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/08/31/otnoshenie-k-elektronnomu-golosovaniyu/>

деятельность президента и правительства (в Москве — деятельность мэра) и поэтому с большим доверием относятся к любым инициативам сверху, будь то электронное голосование, установка городских камер видеонаблюдения или введение обязательной вакцинации. Напротив, среди противников власти, в особенности среди голосовавших за КПРФ, преобладает негативное отношение к электронному голосованию.

Похоже, что мнения относительно электронного голосования сформировались задолго до выборов и в большей степени зависят от сложившихся установок респондентов в отношении власти и политической ситуации в стране. Поэтому, с одной стороны, версия о том, что среди участников электронного голосования могли преобладать именно сторонники партии власти, находит косвенное подтверждение. С другой стороны, в условиях, когда большая доля россиян заведомо не доверяет власти, когда отсутствует прозрачная процедура проверки хода онлайн голосования и его результатов, электронное голосование рискует стать источником постоянных споров и сомнений в легитимности любых выборов, на которых будет применяться эта процедура.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

- Прошедшая избирательная кампания проходила в условиях затяжного падения рейтингов партии власти, поэтому для сохранения контроля над парламентом нужно было не только обеспечить максимальную мобилизацию ее сторонников, но и не допустить высокой явки протестно настроенных граждан.
- Мобилизация сторонников власти во многом происходила как мобилизация зависимых от государства социальных групп: работников бюджетных учреждений и пенсионеров. Именно в этих группах распространено отношение к участию в выборах как к «долгу каждого гражданина», о котором перед выборами нужно напомнить. Деморализация и апатия протестного электората была подготовлена жесткой реакцией власти на протесты молодежи, уголовными преследованиями известных политиков, отстранением от участия в выборах ряда независимых кандидатов. Все это должно было послать недовольной публике четкий сигнал — сидите дома и не высовывайтесь. Эта стратегия отчасти сработала.
- Больше половины россиян не следили за ходом избирательной кампании, две трети не смотрели предвыборные дебаты, почти три четверти не обсуждали выборы в кругу близких и сослуживцев. Выступление отдельных политиков

запомнились респондентам гораздо меньше, чем обычно. Среди тех россиян, кто все-таки следил за ходом избирательной кампании преобладали представители старших поколений.

- Существенные изменения произошли в электоратах основных партий. Электорат ЕР сместился в сторону более старших и менее образованных респондентов. Электорат КПРФ, напротив, оказался гораздо более молодым и образованным, а также более радикально настроенным, чем обычно. Именно КПРФ стала главным фокусом протестного голосования. Напротив, голосование за ЛДПР уже не выглядит протестным. В электорате партии «Новые люди» преобладают избиратели моложе 25 лет, недовольные ситуацией, но при этом не готовые резко критиковать власть, которым риторика коммунистов и Навального кажется слишком радикальной.
- Опросы дают основание полагать, что в случае участия в выборах условная партия Навального могла бы преодолеть пятипроцентный барьер и пройти в парламент. Инициативу, которая имеет целью помешать избранию кандидатов от партии власти, положительно оценивали 35 % россиян, однако большинство опрошенных не слышали об Умном голосовании и только 8 % признались, что знают инициативу и относятся к ней положительно.
- В оценках результатов избирательной кампании проявилась возросшая поляризация общественного мнения: общество разделилось практически пополам по вопросам честности выборов, удовлетворенности их результатами. По сравнению с прошлыми выборами доля положительных оценок остается постоянной на протяжении трех последних избирательных кампаний, но доля негативных оценок возросла.
- Положительно оценивают выборы прежде всего те, кто голосовал за Единую Россию, а также участники выборов в целом. В социально-демографическом плане — это представители старшего поколения, в особенности люди старше 65 лет, государственные служащие, телезрители. Недовольными и не представленными в парламенте чувствуют себя молодые россияне, более образованные, активно пользующиеся интернетом и прежде всего те, кто недоволен ситуацией в стране.
- Выборы показали, что власть все больше опирается на самые возрастные, менее образованные, а значит и самые консервативные и даже — если смотреть на их отношение к протестам — самые реакционные слои российского общества.

Молодые, образованные и модернизированные группы все больше чувствуют себя несвободными, недовольными, лишенными будущего. Опора на старшие поколения удобна и рациональна с точки зрения задачи удержания власти — эти люди зависимы от государства, их запросы весьма скромны, их взгляды на мир во многом совпадают с представлениями стареющей российской элиты. Но с точки зрения развития страны подавление и запугивание молодого поколения вряд ли можно считать оправданным.

Маргарита Завадская,

*научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге и
Александровского института Университета Хельсинки*

ПАРТИЯ НАРОДНОГО НЕДОВЕРИЯ: СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА КПРФ

В условиях полной зачистки политического поля, главным бенефициаром Умного голосования стала КПРФ. Угроза со стороны коммунистов, поддержанных Умным голосованием, повлияла на стратегию медийной кампании на федеральных телеканалах: если ее начало протекало в спокойно-умиротворяющих тонах, то в последнюю неделю перед выборами политический эфир оказался преимущественно сосредоточен на дискредитации КПРФ, около 70 % упоминаний которой были негативными. Успех коммунистов вряд ли говорит о «полевении» электората, скорее КПРФ оказалась «фокальной точкой» для протестных настроений, независимо от идеологических позиций их носителей и даже рекомендаций Умного голосования. Консолидации «электората недоверия» вокруг КПРФ способствовали и ослабление оппозиционной риторики ЛДПР, и позиция коммунистов в отношении обязательной вакцинации. В целом, нынешняя социальная ситуация и жесткие стратегии Кремля лишает выборы их стандартного функционала — они не являются механизмом кооптации умеренной оппозиции. Разрыв между раскладом политических сил в Думе и реальностью будет подогрывать напряженность и раздражение. Напуганные репрессиями и раздраженные граждане впадут в политическую «спячку» до появления нового окна политических возможностей.

АЛЬТЕРНАТИВЫ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТИ

Что происходит с политическим протестом, когда большинство каналов его проявления оказались недоступны, а уровень репрессий растет? Как это выражается в электоральном поведении и электоральных предпочтениях в условиях контролируемых выборов?

Политическое недовольство принимает разные формы. Одни игнорируют выборы как бесполезную процедуру, другие готовы голосовать за системную оппозицию, третьи – следовать рекомендациям Умного голосования, участвовать в выборах в качестве наблюдателей и выходить на протесты. Те избиратели, которые не имели сильной позиции (готовность к протестному действию), но испытывали потребность в новых лицах, удовлетворились партией «Новые люди» — очередной инкарнацией системной либеральной партии. Партии-спойлеры — РЭП «Зеленые» и «Зеленая альтернатива» — представляли собой технологическую попытку протестировать популярность экологической повестки и рассеять протестное голосование.

Умное голосование по-прежнему остается самым мощным оружием в руках оппозиции. В Москве лишь использование страховочного троса в виде ДЭГ позволило избежать избрания оппозиционных депутатов, в числе которых популярный московский политик Михаил Лобанов, выдвигавшийся от КПРФ. Тот факт, что власти предприняли максимум усилий для блокировки доступа к рекомендациям УГ вплоть до шантажа интернет-гигантов вроде Google свидетельствуют о том, что в Кремле прекрасно осознают потенциал этого инструмента.

Главным бенефициаром Умного голосования стала КПРФ. Это вторая по популярности и представленности зарегистрированная партия. Поэтому в большинстве округов выбор «умных голосов» пал на коммунистов. Несмотря на пассивную и неубедительную позицию руководства партии, в регионах и некоторых округах кандидаты выступили успешно. Кроме того, КПРФ послужила «крышей» для ряда кандидатов, которые вполне инструментально выдвигались от нее. Последнее способствовало притоку новых людей в ряды КПРФ. Вопреки критикам, партия оказалась неожиданно инклюзивной по отношению к таким политикам, как Евгений Ступин или Михаил Лобанов в Москве. Наконец, в некоторых регионах коммунисты вступали даже в тактическую коалицию с «навальнистами».

ГЛАВНЫЙ ВРАГ ТЕЛЕВИЗОРА

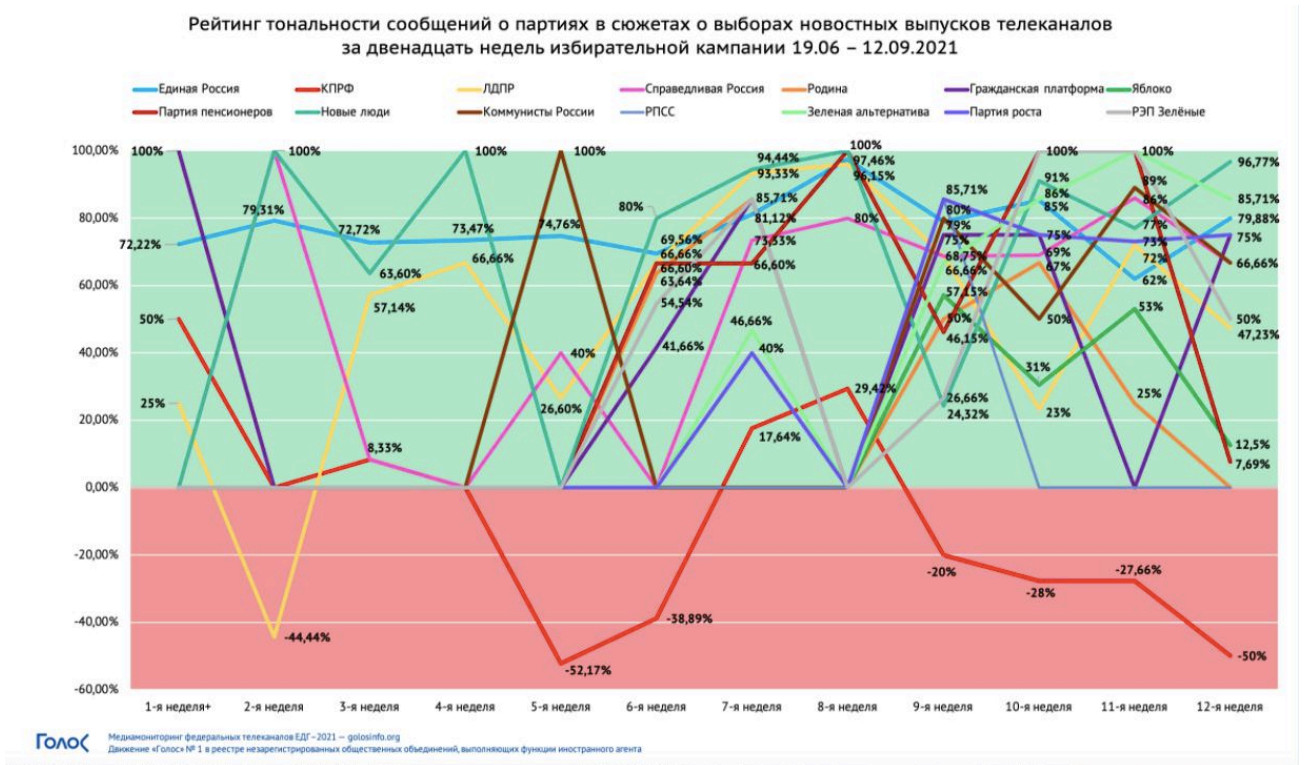
Угроза со стороны КПРФ, поддержанной Умным голосованием, напрямую повлияла на стратегию ведения медийной кампании на федеральных каналах. На

графике 1 изображен рейтинг тональности сообщений о партиях в сюжетах о выборах на пяти федеральных каналах — Первый канал, Россия 1, НТВ, Рен ТВ и Пятый канал.

Медиакампания в целом проходила исключительно в позитивно-нейтральных тонах. Видно, как на протяжении всех двенадцати недель кампании, лидером по количеству упоминаний и позитиву осталась «Единая Россия». В целом, присутствие выборной повестки было минимальным на старте кампании. Поскольку «Единая Россия» особой популярностью не пользуется, то нагнетание явки — не самая оптимальная стратегия, особенно в крупных городах, где доля протестного электората выше. Поэтому кампания выстраивалась не вокруг заслуг партии власти, а, скорее, вокруг честности, доступности и открытости выборов, безопасности ДЭГ. «Новые люди» упоминались исключительно в позитивном ключе. Негативные упоминания были адресованы в основном КПРФ, а также ЛДПР и «ЯБЛОКУ».

Однако в августе и сентябре присутствие «Единой России» было разбавлено атаками на КПРФ, Павла Грудина и других членов партии. СМИ не гнушались обвинениями в коррупции и даже педофилии. В период с 6 по 12 сентября политический эфир погрузился в «негатив». На **графике 2** отражены доли негативных, нейтральных и позитивных упоминаний в СМИ на последней неделе перед голосованием. Негативные упоминания появились у партии ЯБЛОКО (29 %). 14 % негативных упоминаний получила ЛДПР. А КПРФ побил рекорд по доле «негатива» — 68 % всех упоминаний за последнюю неделю.

График 1.

Источник: Голос. Медиа-мониторинг. <https://www.golosinfo.org/articles/145475>

График 2.

Источник: Голос. Медиа-мониторинг. <https://www.golosinfo.org/articles/145475>

Способствовал ли объем негатива снижению поддержки коммунистов? Едва ли это отпугнуло тех, кто уже настроился голосовать за КПРФ, скорее — укрепило этих избирателей в верности своего выбора. Негативная кампания скорее сработала дополнительной рекламой для партии протестного электората. В этом качестве КПРФ вытеснила ЛДПР после скандала вокруг ареста Сергея Фургала и позиции партии Жириновского в поддержку жестких карантинных мер.

КПРФ КАК «ПАРТИЯ НАРОДНОГО НЕДОВЕРИЯ»

Говорит ли рост популярности коммунистов о росте «левых» настроений в электорате? Говорит ли это о том, что российская оппозиция разделяет преимущественно «левые» взгляды? Пожалуй, нет. Во-первых, КПРФ тактически оказалась «фокальной точкой» для координации большинства протестных голосов независимо от их идеологических позиций и даже рекомендаций Умного голосования. Во-вторых, сама «левизна» КПРФ весьма далека от левых и социал-демократических аналогов в европейских странах и, скорее, близка к сочетанию социального консерватизма и экономического патернализма. Предпочтение в пользу социальной защиты не является определяющей чертой «левого» электората. В-третьих, росту популярности КПРФ способствовала пенсионная реформа, которая разрушительно отозвалась на рейтингах президента. Несмотря на то, что коммунисты лояльно проголосовали за реформу, некоторые представители партии выступили с ее критикой и даже приняли участие в протестах 2018 года. Таким образом, сошлось несколько конъюнктурных и более долгосрочных факторов, объясняющих поддержку КПРФ в 2021 году.

Пандемия COVID-19 также сыграла свою роль в политических настроениях граждан и рекомпозиции думских партий. Согласно данным опросов, россияне, опасаящиеся за собственное здоровье и здоровье семьи, более лояльно относились к политическим институтам и правительству в начале пандемии — около 60 % респондентов летом 2020 года сообщили, что испытывают высокий уровень тревоги²⁸, и среди данной группы респондентов уровень поддержки режима немного выше, чем среди остального

²⁸ Формулировка вопроса: «Насколько сильно Вы беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса?». Данные онлайн-опроса «Ценности в кризисе» 2020 и 2021 годов, Лаборатория сравнительных социальных исследований (ЛССИ) НИУ — ВШЭ.

населения. В 2021 году доля таких респондентов составила 64 %, однако значимые различия в уровне поддержки исчезли.

Наоборот, те, кто полагает, что коронавирус — это мистификация, существенно меньше доверяют институтам власти. Доля таких респондентов летом 2020 года составила почти 38 %, то есть более трети выборки, а летом 2021 года — 32%²⁹. Средний уровень доверия правительству среди COVID-скептиков составляет всего 0,85 по шкале от 0 до 3. Среди тех, кто не считает вирус мистификацией, аналогичный показатель — 1,24 (тоже низкий по абсолютному значению, но значительно выше, чем среди «скептиков»). Это же касается и оценки деятельности правительства по борьбе с эпидемией (1,4 против 2,03 по шкале от 0 до 4)³⁰. Различия в оценках институтов остались примерно теми же к июлю 2021 года.

Несложно предположить, что природа ковид-скептицизма и низкого уровня политической поддержки проистекает из общего недоверия официальным институтам вообще. Например, ковид-скептики существенно меньше доверяют также и традиционным СМИ — телевидению и печати. Поскольку негативная кампания против КПРФ велась преимущественно на телевизионных каналах, то с большой вероятностью скептически настроенные избиратели либо не оказались в радиусе действия СМИ, либо не отнеслись к этой информации с доверием.

Помимо этого, КПРФ заняла активную позицию относительно обязательной вакцинации. Поскольку доля желающих вакцинироваться в России стабильно мала и составляет около 55 %³¹, то протесты КПРФ 26 июня в Москве против вакцинации³² могли способствовать ситуативному привлечению сторонников. В отличие от КПРФ, ЯБЛОКО и ЛДПР занимали весьма жесткие позиции насчет локдауна и вакцинации, что сыграло с ними злую шутку. Важно также понимать, что ковид-скептики — это отнюдь не группа малообразованных граждан или «антиваксеров». Это скорее неоднородная группа граждан, которых объединяет низкий уровень доверия институтам в целом, представителям любых «аут-групп» (out-groups, представители других групп, не входящих в круг родственников и близких респондента), будь то мигранты или просто незнакомцы. Они одинаково негативно относятся как к патриотическим призывам, так и к

²⁹ Данные онлайн-опроса «Ценности в кризисе» 2020 и 2021 годов, Лаборатория сравнительных социальных исследований (ЛССИ) НИУ — ВШЭ.

³⁰ Режим доступа: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-politicheskie-nastroenija-rossijan/>

³¹ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/08/09/vaktsinatsiya/>

³² Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504>

глобализации³³. По иронии, именно они негативно отнеслись к изобретению российской вакцины и не позволили сделать «Спутник V» флагманом избирательной кампании 2021 года.

ОТКАЗ ОТ КООПТАЦИИ, ЗАМОРАЖИВАНИЕ КОНФЛИКТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ «СПЯЧКА»

Голосование в Государственную Думу состоялась не в самое удобное время для власти как с точки зрения экономической конъюнктуры, так и общеполитической обстановки. Кроме того, Дума — один из самых если не презираемых, то нелюбимых политических институтов в России. По данным Левада-центра, всего четверть респондентов доверяют российской легислатуре, хуже дело обстоит только с доверием крупному бизнесу, профсоюзам и партиям³⁴. Наконец, к старту думской кампании уровень политической поддержки «Единой России» в целом был ниже, чем когда бы то ни было³⁵. В-третьих, ситуация с пандемией и темпы вакцинации остаются низкими, уровень доходов снижается, инфляция растет.

Перед руководством «Единой России» и Администрацией Президента стояла непростая задача обеспечить большинство в Думе без каких-либо сюрпризов и тем более протестов. Для политической демобилизации населения было предпринято немало шагов: ужесточение законодательства об иностранных агентах, расширение списка нежелательных организаций, объявление структур ФБК «экстремистскими» и волна репрессий против оппозиционных кандидатов, активистов и журналистов. Нормы, запрещающие выдвигать свои кандидатуры лицам с иностранным гражданством или видом на жительство, а также участвовавших в деятельности «экстремистских» организаций, фактически лишили пассивного избирательного права не менее 9 млн российских граждан³⁶. Таким образом, был нанесен удар по организационным структурам оппозиции.

Ко времени голосования электоральное поле было «зачищено». «Единая Россия» получила ожидаемое число мандатов. Демонстрируя фальсификации и мобилизованное

³³ Режим доступа: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_022021.pdf

³⁴ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/06/doverie-obshhestvennym-institutam/>

³⁵ Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/03/11/elektoralnye-rejtingi-partij-5/>

³⁶ Режим доступа: <https://www.golosinfo.org/articles/145272>

голосование, режим доказывает свою мощь и сигнализирует о бесполезности сопротивления. С этой точки зрения маскировать фальсификации даже не очень нужно, их демонстративность в некоторой степени даже полезна. В результате, протестные настроенные избиратели либо не пойдут на выборы, либо разочаруются в выборах как институте селекции политических лидеров еще больше. Тем не менее сложившаяся ситуация закладывает ряд проблем, связанных с легитимностью существующего политического порядка в среднесрочной перспективе.

Основное назначение выборов в легислатуру в условиях консолидированного авторитарного режима — это кооптация и демонстрация мобилизационных возможностей. Кооптация позволяет привлекать умеренную оппозицию на сторону режима и тем самым не позволять оппозиции объединяться широким фронтом и обновлять кадровый состав. Однако КПРФ, которая оказалась основным «пылесосом» протестных голосов, очевидно недополучила места в парламенте. При этом «Новые люди», которых целенаправленно продвигались на всех федеральных каналах, получили 13 мандатов. А ЛДПР вовсе утратила свой потенциал сборщика протестных голосов. Считать эти результаты успешной кооптацией не стоит.

На прошедших выборах власти ясно дали понять, каковы пределы уступок, на которые они готовы пойти — это десяток мест для либерального кремлевского проекта. Вместе с тем запрос на новые лица и партии существует и будет со временем усиливаться. Разрыв между раскладом политических сил в Думе и реальностью также будет становиться все сильнее и усиливать напряженность. Однако возросший уровень репрессивности способствует демобилизации граждан и замораживанию конфликта, росту «фальсификации предпочтений». Разгневанные граждане впадут в политическую «спячку» до появления новых окон политических возможностей.

Андрей Заякин,
редактор data-отдела «Новой газеты»

ДЭГ ПРОТИВ УГ: ЧТО МЫ ПОНЯЛИ ПРО ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В РОССИИ?

Первый опыт широкого использования электронного голосования на выборах в Государственную Думу вызвал масштабный скандал. В Москве, где абсолютное большинство обычных участков контролируется наблюдателями, результаты реального и электронного голосования оказались принципиально различными: если на обычных участках в 8 из 15 округов кандидат Умного голосования выигрывал у административного кандидата, то при добавлении голосов электронного голосования все они проиграли. Анализ данных и процедур электронного голосования показал, что, во-первых, никаких способов проверки системы подсчета голосов не существует — она закрыта не только для наблюдателей, но и для избирательной комиссии; во-вторых, что система никак не защищена от вмешательства в результате наличия не одного, а двух блокчейнов, второй из которых является непубличным; и, в-третьих, что в динамике голосования наблюдались необъяснимые статистические аномалии, указывающие на вероятные организованные «вбросы» голосов в систему.

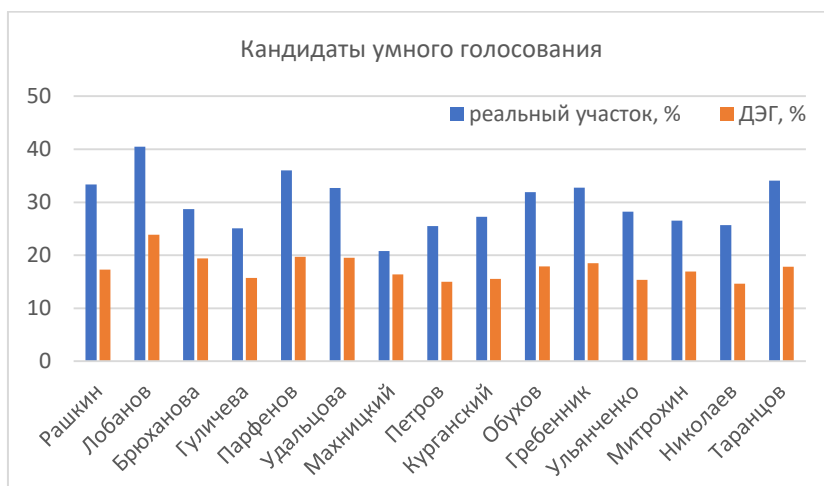
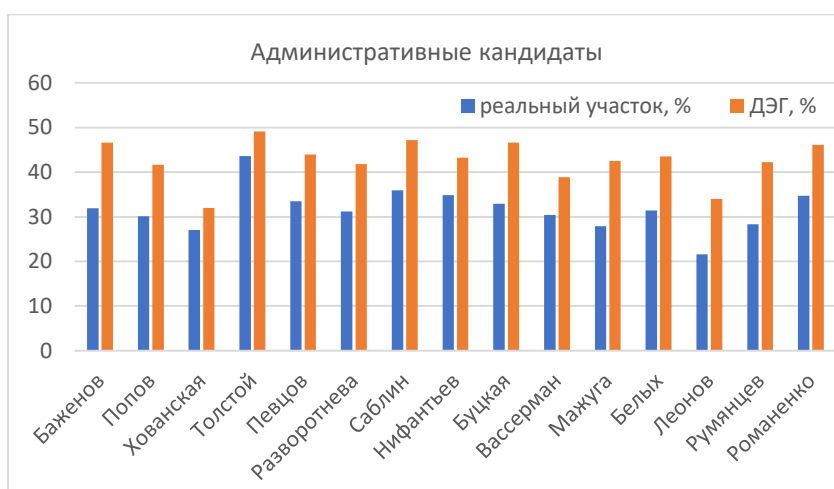
Таким образом, существуют две проблемы. Во-первых, система электронного голосования и в московском, и в немосковском варианте не соответствует требованиям Конституции и закона о гарантиях избирательных прав граждан, то есть не обеспечивает прозрачность и защищенность процедур голосования и подведение его итогов. Во-вторых, московская платформа для голосования не была защищена от внешнего вмешательства, и установить или верифицировать реальные итоги голосования не представляется возможным.

ДЭГ: ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый опыт широкого использования дистанционного электронного голосования (ДЭГ) на выборах в Государственную Думу в 2021 году вызвал масштабный скандал. В Москве, где абсолютное большинство обычных участков для голосования контролируется

наблюдателями, результаты реального и электронного голосования оказались прямо противоположными: если на обычных участках в 8 из 15 округов кандидаты «умного голосования» выигрывали у административных кандидатов, то по результатам электронного голосования все они проиграли (см. **графики 1 и 2**). Никакие эмпирические данные не давали основания предполагать, что сторонники провластных кандидатов настолько предпочитают голосовать онлайн, а оппозиционные избиратели — причем различные: сторонники КПРФ, СР, Яблока — объединены радикальным предпочтением голосовать на участках.

Графики 1–2. Сравнение результатов голосования на реальных участках и в ДЭГ

Скандалный характер также носило поведение избирательных комиссий ДЭГ, в ходе голосования отстранившихся и отстранивших общественных контролеров от наблюдения за происходящим на серверах ДЭГ. Наконец, перед голосованием не было утверждено нормативным актом исчерпывающее описание программно-технических

средств ДЭГ. Попытки СМИ до голосования выяснить, как же будет проходить подсчет голосов, были безуспешны.

Эти обстоятельства ставят следующие вопросы:

1. Как был устроен механизм приема и подсчета голосов ДЭГ?
2. Какими уязвимостями обладает этот механизм?
3. Соответствует ли этот механизм закону?
4. Есть ли прямые доказательства фальсификаций в ходе ДЭГ?
5. Если да, то через какую из уязвимостей они были реализованы?

Отчасти да, но в основном после подведения итогов дистанционное электронное голосование было подробным образом изучено в исследованиях специалистов в области информационных технологий и статистики и в журналистских расследованиях. Еще летом 2021 года, когда часть московской системы ДЭГ (так называемый «регистратор» — блок аутентификации пользователей) использовалась для проведения праймериз Единой России, Сергеем Шпилькиным было выявлено массовое использование ботов³⁷. Исследование программиста Петра Жижина выявило значительные незадокументированные возможности ДЭГ, которые ставят под сомнение прозрачность выборов и потенциально нарушают тайну голосования³⁸. Фактические обстоятельства голосования: ограничение доступа к ноде наблюдателей, приостановка подсчета, возможное вмешательство ФСБ — были задокументированы в отчетах членов избиркома московского ДЭГ и наблюдателей³⁹. Убедительные свидетельства фальсификаций на московском ДЭГ были представлены в исследовании физика Максима Гонгальского⁴⁰. В отчете так называемой «технической группы»⁴¹ были предприняты, в свою очередь, неубедительные попытки опровержения эмпирических данных Гонгальского. Дополнительные свидетельства в пользу фальсификаций представлены в работе

³⁷ Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/06/10/velikolepnaia-semerka>

³⁸ Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/579350/> ; <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/17/poshli-na-krainie-khimery>

³⁹ Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/27/boty-s-pravom-reshaiushchego-golosa> ; <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/28/nastoiashchie-golosa-popali-v-chny-i-ashchik> ; <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/mazhoritarnaia-sistema-vyborov>

⁴⁰ Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/30/mandaty-polzuiutsia-vbrosom>

⁴¹ Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/01/sol-protseptov>

Александра Богачева и Бориса Овчинникова⁴². На запросы СМИ, направленные представителям правительства Москвы⁴³ и ЦИК⁴⁴, получены, по моему убеждению, нерелевантные или не соответствующие действительности ответы.

Далее я опираюсь на результаты этих исследований и, если не оговорено иное, имею в виду «московское ДЭГ», как наиболее исследованное. Подчеркну при этом, что «федеральное ДЭГ» уже в силу его большей закрытости таит еще больше угроз и уязвимостей.

МЕХАНИЗМ ДЭГ И ВТОРОЙ «БЛОКЧЕЙН»

Алгоритм ДЭГ не был известен и понятен участникам выборов в должной мере, покуда имеющиеся куски исходного кода программного обеспечения и выгрузки базы данных уже по завершении голосования не были проанализированы Петром Жижиным. В ходе его исследований было установлено, что голосование функционирует следующим образом. С помощью ключа организатора голосования (далее — «ключ 1») создаются «блоки избирателей» — списки идентификаторов избирателей (`voter_id`), имеющих право голоса и зарегистрированных на данных выборах. Избиратель совершает «вход» (логин) на сайте `mos.ru`. Выдается бюллетень, при этом в базу данных — 1 (БД1), «публичный блокчейн»⁴⁵, записывается транзакция «выдача бюллетеня» с идентификатором избирателя. Избиратель совершает волеизъявление и направляет его результат в виде зашифрованного сообщения.

При осуществлении транзакции «прием бюллетеня» в БД1 записывается зашифрованное публичным ключом («ключ 2») волеизъявление избирателя и хэш голоса избирателя. Хэш образуется из зашифрованного волеизъявления и подписи избирателя. Хэш также записывается в «тайный блокчейн» («база данных 2», БД2) вместе с временем транзакции и несколько раз перехэшированным и зашифрованным (с помощью «ключа 3») идентификатором группы бюллетеней (`group_id`), который однозначно строится по

⁴² Готовится к печати; предварительное изложение аргументов доступно у Бориса Овчинникова и Александра Богачева в блогах: <https://www.facebook.com/bogachev11/posts/1966591053515343>, <https://www.facebook.com/boris.ovchinnikov/posts/10158295512737304>

⁴³ Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/09/artem-kostyrko-o-distantionnom-elektronnom-golosovanii>

⁴⁴ Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/10/0-otvetov-na-29-voprosov>

⁴⁵ Мы будем употреблять эти термины как синонимичные, не входя в рассуждение, насколько эта база отвечает определению «блокчейна».

идентификатору избирателя (`sudir_id`) на `mos.ru`. Наличие БД2 не было предусмотрено нормативными правовыми актами и не было предметом широкой общественной дискуссии вплоть до завершения голосования. «Тайный блокчейн» может быть подменен организаторами в любой момент, поэтому блокчейном не является ни в каком смысле слова (мы оставим, однако, неправильную терминологию в силу ее популярности).

В течение дней голосования выгрузка из «публичного блокчейна» помещается в интернет раз в полчаса. Блокчейн содержит, помимо хэшей голосования, также хэши, которые приводят к ошибке, если из блокчейна будет удалена какая-либо информация. Приватный (тайный) «блокчейн» в общий доступ не выкладывается. Его полная структура неизвестна. Помимо этих баз данных в ходе голосования создается таблица `p_ballot`, в которую заносится порядковый номер бюллетеня в открытом виде, зашифрованный `group_id` избирателя, зашифрованное содержимое голоса и хэш транзакции с волеизъявлением из БД1.

Система предусматривает возможность изменить свой голос до конца голосования в течение 24 часов с его подачи, не чаще 1 раза в 3 часа. Транзакция «выдача бюллетеня» при этом не осуществляется заново. Акты голосования и переголосования записываются в БД1 и БД2 так, что по самой записи невозможно определить, является ли запись голосованием или переголосованием. По окончании голосования приватным ключом – 2 (хранящимся в разделенном виде в том числе у СМИ и наблюдателей) расшифровывается волеизъявление в «публичном блокчейне». При помощи ключа расшифрования 3 расшифровывается поле `group_id` в «тайном блокчейне». Из строк с одинаковым `group_id` по записанному в них времени голосования выбирается «последний голос». По публичному блокчейну производится суммирование голосов, в котором участвуют только «последние голоса».

Таким образом, утверждение, что результаты голосования устанавливаются на основе использования блокчейна и не могут быть изменены в результате постороннего вмешательства, не соответствует действительности. Результаты голосования вообще не могут быть установлены без использования второго, «тайного» блокчейна, который в силу своей непубличности не является блокчейном.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ДЭГ

В силу части 15 статьи 64 закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» (ФЗ-67) ЦИК обладает правом делегированного законодательства в отношении ДЭГ. ДЭГ в регионах России на выборах в Госдуму 2021 года было введено постановлением ЦИК от 25 мая 2021 года (№7/49-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года»), а «Порядок дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года» (далее — «Порядок ДЭГ») был утвержден постановлением ЦИК РФ от 20 июля 2021 года (№26/225-8). Между тем нормы «Порядка ДЭГ» существенно (до неузнаваемости) изменили правовой режим «ящика для голосования», бюллетеня, участка для голосования и правовой статус избирательной комиссии и общественных контролеров.

Правовой режим «ящика для голосования» и бюллетеня ДЭГ

Из «Порядка ДЭГ» следует, что в отношении ДЭГ был нормативно отрегулирован в лучшем случае user-end (пользовательская сторона), но не back-end программного обеспечения и не «железо» (серверы и т. п.). Ни одним нормативным документом не было предписано использование какого-либо конкретного программного обеспечения, или даже — в более общих терминах — использование конкретных структур данных и алгоритмов. Поэтому теоретически оно могло быть заменено в любой момент (что и случилось: публиковавшийся ДИТ Москвы код предполагал переголосование допустимым в течение календарных суток, а на деле запускался код, допускавший переголосование в течение 24 часов с момента голосования).

Главной особенностью московского ДЭГ стало использование схемы с двумя «блокчейнами» — «публичным» и «тайным». Причем без тайного «блокчейна» подсчет голосов невозможен. Публичный блокчейн при некоторых условиях (синхронная публикация в интернете, задокументированная возможность проверки своего голоса) мог бы приблизиться к режиму оффлайн-ящика для голосования (наблюдаемость и

проверяемость учета голосов, анонимность⁴⁶). А вот тайный блокчейн исключает контроль со стороны наблюдателей и членов избирательной комиссии.

Согласно ч. 3 ст. 64 все того же закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», «председатель участковой комиссии предъявляет к осмотру членам участковой комиссии, присутствующим лицам... пустые ящики для голосования (соответствующие отсеки технического средства подсчета голосов...)». Аналогом «осмотра» и «опечатывания» для «электронного ящика» мог быть запуск общественными контролерами программного обеспечения ДЭГ на «чистом» оборудовании, с полным доступом к системе, который позволил бы удостовериться, что запускается именно то программное обеспечение, которое предписано законом, а никакое другое.

На прошедшем голосовании наблюдатели и члены комиссий не могли физически осмотреть сервера ДЭГ и убедиться, что к ним не добавлено никакое непредусмотренное законом оборудование, не могли ознакомиться с серверной частью программного обеспечения ДЭГ, не имели доступа в качестве пользователей на сервер ДЭГ, чтобы в режиме реального времени убедиться в «стерильности» программного обеспечения. Более того, такой осмотр, как следует из ответов ЦИК и ДИТ на запросы «Новой газеты», был запрещен «из соображений безопасности». В переводе на язык офлайн-голосования это означает, что ящик для голосования или КОИБ перед голосованием запрещено предъявлять для освидетельствования избирательной комиссии и наблюдателям.

Статус членов избиркомов ДЭГ с правом решающего голоса

Согласно ч. 5 ст. 3 все того же закона «О гарантиях избирательных прав граждан...», «деятельность комиссий при подготовке и проведении выборов, референдума, подсчете голосов, установлении итогов голосования, определении результатов выборов, референдума осуществляется открыто и гласно». Согласно ч. 7 ст. 3 закона, «выборы и референдумы организуют и проводят комиссии. Вмешательство в деятельность комиссий со стороны законодательных (представительных) и исполнительных органов

⁴⁶ Существует фундаментальное противоречие между соблюдением анонимности и проверкой легитимности избирателя в любом электронном голосовании, поэтому мы формулируем утверждение именно о приближении к режиму нормального голосования, а не о достижении тождества с ним.

государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, иных граждан не допускается».

Согласно «Порядку ДЭГ», роль комиссии в ходе голосования, по сути, исчерпывается тремя нажатиями кнопки. В нем предусмотрены следующие действия комиссии ДЭГ:

1. «Председателем ТИК ДЭГ с автоматизированного рабочего места (далее — АРМ) председателя ТИК ДЭГ ПТК ДЭГ дается команда о формировании в электронном виде списков участников ДЭГ».
2. «Председатель ТИК ДЭГ с АРМ председателя ТИК ДЭГ ПТК ДЭГ запускает процедуру расшифровки результатов волеизъявления участников ДЭГ».
3. «Председатель ТИК ДЭГ при помощи ПТК ДЭГ формирует в электронном виде протокол ТИК ДЭГ об итогах дистанционного электронного голосования».

Способа проверить, что после нажатия кнопки указанные избирательные действия были совершены правильно, у членов УИК ДЭГ нет. Таким образом, роль УИК ДЭГ сведена к церемониальной. У него отсутствует контроль за содержанием и результатом тех процессов, которые запускаются его действиями. Эти процессы запрограммированы и контролируются органом исполнительной власти (или его агентом). Поэтому следует говорить о полной утрате УИК субъектности в отношении ДЭГ.

Общественные контролеры лишены возможности в каком бы то ни было смысле присутствовать на «виртуальном избирательном участке». По соображениям «безопасности» им запрещен доступ к серверам ДЭГ и физически (для осмотра помещений), и электронно (в качестве пользователей, которые имели бы право просматривать все протекающие на сервере процессы). Фактические ограничения деятельности независимых членов избирательных комиссий и наблюдателей в день голосования были еще строже, чем предписано «Порядком ДЭГ», как следует из отчетов Николая Колосова, Анны Лобонок и Ильи Сухорукова. Отсюда следует, что в ходе ДЭГ общественные контролеры юридически и фактически не могут исполнять свои обязанности и лишены тех прав, которые предусмотрены для них в законе «Об основных гарантиях избирательных прав граждан...».

Напротив, ДИТ Москвы и ПАО Ростелеком в этой конструкции приобретают несвойственный им статус избиркома. При «обычном» голосовании также существует «технический организатор» — организация, которая обеспечивает жизнеобеспечение,

охрану и уборку помещения для голосования. Однако он полностью лишен права совершать какие-либо избирательные действия. Более того, когда такое вмешательство в редких случаях происходит, то, как правило, это приводит к нешуточным скандалам.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ НА ЭЛЕКТРОННОМ ГОЛОСОВАНИИ В МОСКВЕ

«Скручивание» голосов

На выборах в Госдуму 2021 года в ходе электронного голосования были обнаружены существенные фальсификации посредством вброса голосов за кандидатов «собянинского списка» и последующего «скручивания» голосов оппозиции. Об этом позволяют сделать вывод следующие эмпирические данные:

1. Синхронное, сильно коррелированное на всех 15 одномандатных участках «разочарование в оппозиции» — утрата за счет переголосования 40–50 % голосов всех неадминистративных кандидатов, поданных участниками ДЭГ в субботу вечером и воскресенье утром.
2. Аномальный, синхронный и сильно коррелированный рост процента голосов за «собянинских кандидатов» в воскресенье на всех 15 одномандатных участках.
3. Резкий, в течение 5 минут спад и такое же резкое возобновление аномальной активности на всех 15 одномандатных участках («обеденный перерыв»).
4. Сильно коррелированный, синхронный, одинаковый по величине «зазор» (расхождение между голосами за провластных одномандатников и голосами за «Единую Россию») на всех 15 одномандатных участках в течение одного часа в воскресенье.

Количество голосов, «скрученных» у оппозиции и переданных «административным» кандидатам в рамках данной схемы, оценивается приблизительно в 250 тыс.

Один из механизмов этих фальсификаций был, видимо, устроен следующим образом. В публичный блокчейн изнутри системы ДЭГ записывались транзакции «прием бюллетеня» с голосом за «собянинского кандидата» от «никаких» избирателей, (то есть, не от прошедших через авторизацию на Госуслугах живых пользователей); в «тайный блокчейн» не записывалось ничего. По окончании голосования из «тайного блокчейна»

извлекались group_id реальных избирателей, которые проголосовали за оппозиционного кандидата. После этого в «тайный блокчейн» дописывались «химерические» сообщения, состоящие из хэша голоса за «собянинского кандидата», group_id оппозиционного избирателя и времени транзакции большего, чем любое другое время транзакции того же group_id. Результат подводился по публичному блокчейну, но с учетом переголосований, данные о которых брались из «тайного блокчейна».

Аргументы для объяснения этих аномалий в отчете так называемой «технической группы» выглядят голословными и неубедительными. Анализ временных рядов с тысячами значений по 15 избирательным участкам противопоставляются три скриншота рассылки мэрии с уведомлениями о продолжении голосования. В отчете технической группы не анализируются время и объем рассылки, зависимость интенсивности отклика реципиентов рассылки от времени, длительность эффективного отклика, конверсия рассылки в голоса. Не приводится аргументов, почему рассылка должна была побудить к голосованию исключительно сторонников «собянинского списка». Наконец, не дается никакого, даже гипотетического объяснения резкого спада отклика во время «обеденного перерыва».

Эти недостатки отчета технической группы восполнил анализ, проведенный Борисом Овчинниковым и Александром Богачевым, который на эмпирических данных показал, что рассылка в самом деле «светится на радаре», то есть ее влияние на поведение избирателей известно, она действует в равной степени на оппозиционных и провластных избирателей, и она не имеет отношения к аномальной воскресной активности в пользу «собянинского списка», «обеденному перерыву» и «зазору» (расхождению количества голосов за одномандатников в сравнении с голосами за ЕР).

Административный ресурс

Не менее важен, хотя меньше обсуждается, другой механизм фальсификаций на ДЭГ — административное принуждение.

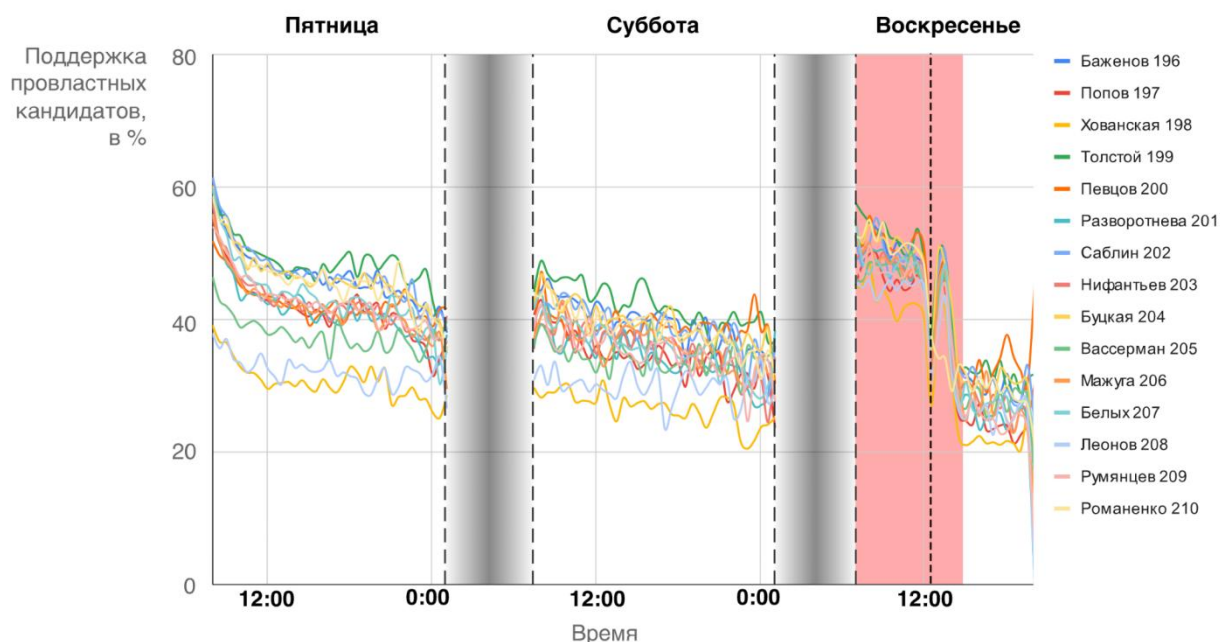
Если предполагать, что ДЭГ защищает избирателя от административного давления именно возможностью переголосования, то неправильно объяснять аномалии результатов электронного голосования этим самым «административным ресурсом». В этом случае мы должны были бы увидеть на электронном голосовании в среднем те же

результаты, что и в офлайне. Эмпирические доказательства того, что провластные избиратели добровольно предпочитают голосовать электронно, отсутствуют.

Напротив, если мы признаем, что результаты ДЭГ искажены в пользу провластных кандидатов из-за принуждения бюджетников к явке и их подконтрольного голосования, то, значит, именно ДЭГ стал инструментом для фальсификаций — электронных по форме и глубоко архаичных по содержанию (принуждение голосовать за компьютером под контролем начальника).

На графике мы хорошо видим в течение рабочего дня в пятницу наплыв лояльных к прокремлевским кандидатам избирателей, статистические свойства которых пока что не дают оснований утверждать, что перед нами боты. При этом доля поданных за административных кандидатов голосов существенно превышает то, что мы видим в «нерабочее время» - с вечера пятницы до вечера воскресенья (за исключением утренней воскресной аномалии). Эти пятничные голоса с высокой вероятностью можно считать поданными под принуждением.

График 3. Динамика голосования за административных кандидатов в ходе ДЭГ

Автор графика: Максим Гонгальский и соавторы его исследования. Опубликовано в Новой Газете (№ 114 от 11 октября 2021 года). Голоса «админресурсных» избирателей — в левой части графика; аномальное воскресное голосование — в правой.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕСПЧ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОДОЗРЕНИЯМ В ФАЛЬСИФИКАЦИЯХ

ЕСПЧ при рассмотрении жалобы на нарушение права на свободные выборы сравнивает национальные нормы права с Кодексом лучших практик по избирательным вопросам Венецианской комиссии и фактическими обстоятельствами конкретного голосования и выясняет уровень детальности разбора предполагаемых нарушений со стороны национальных избирательных и судебных инстанций.

«Кодекс лучших практик по избирательным вопросам» Венецианской комиссии содержит ряд рекомендаций, в частности:

- «электронное голосование должно использоваться, только если оно безопасно и надежно; в частности, избиратели должны иметь возможность получить подтверждение своих голосов» (п. 3.2.iv);
- «процедура голосования должна оставаться простой» (п. 31);
- «прозрачность системы должна быть гарантирована в том смысле, что должна существовать возможность проверить, что система функционирует правильно» (п. 44).

Утвержденный российским ЦИК «Порядок ДЭГ» соблюдение этих рекомендаций в части простоты, надежности и прозрачности исключает.

Как следует из дела «Давыдов и другие против России»⁴⁷, ЕСПЧ серьезно относится к статистическим аргументам в пользу массовых фальсификаций. Уровень детальности изучения нарушений национальными инстанциями является ключевым тестом, дающим ЕСПЧ возможность признать, что справедливого разбора жалобы не последовало. ЕСПЧ многократно подчеркивал в решениях по делам о нарушении права на выборы, что не является «судом факта». Однако если национальные судебные и избирательные инстанции не проводили «разбора полетов» по уровню детальности, фактологичности, конкретности сопоставимого с предъявленными статистическими аргументами, ЕСПЧ всякий раз признавал нарушение права на свободные выборы.

В деле «Каримов против Азербайджана» заявитель Каримов выиграл выборы на обычных участках, но проиграл с учетом специальных участков, образованных при

⁴⁷ Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng#_Точ482114334

военных частях. Эти участки были организованы в последний момент перед голосованием и фактически полностью контролировались Минобороны Азербайджана. ЕСПЧ нашел в деле Каримова нарушение рекомендаций Венецианской комиссии, явные признаки статистических аномалий (суждение о которых было вынесено на основе экспертного доклада ОБСЕ), отсутствие детального разбора этих аномалий избиркомами и судами и проведение выборов неуполномоченным субъектом. Совокупность этих признаков позволило ЕСПЧ определить эти выборы как «нелегитимные».

Все перечисленные признаки наблюдаются в отношении российского ДЭГ: фактическая организация голосования неправомочным субъектом (ДИТ/Ростелекомом, а не избиркомом); отстранение членов комиссии и наблюдателей от контроля над всеми избирательными действиями; явные признаки аномалий (субботное «отречение оппозиционеров», воскресное «пробуждение провластных избирателей», «обед роботов» и «одномандатный зазор»); непроведение разбора свидетельств фальсификаций по существу с той же детальностью, с какой их доказательства представлены в исковых заявлениях потерпевших кандидатов и заключениях специалистов.

ВЫВОДЫ

Дистанционное электронное голосование в Москве использовало для переголосований так называемый «тайный блокчейн» («базу данных 2»), в силу чего его результат не может быть проверен или пересчитан. Именование этой «базы данных 2» блокчейном некорректно, поскольку она непублична, и в силу этого может быть подменена в любой момент.

Как в Москве, так и на федеральном ДЭГ члены избирательных комиссий и общественные контролеры не могли контролировать избирательные действия (регистрацию избирателя, выдачу бюллетеня, прием бюллетеня), они не имели права удостовериться в том, что запущено именно то программное обеспечение, которое надлежало запустить, и что никаких непредусмотренных программно-технических средств в ходе ДЭГ не используется. При «обычном» голосовании такое ограничение прав общественных контролеров и избирательной комиссии было бы эквивалентно их недопуску на участок, неосвидетельствованию и неопечатыванию ящика для голосования.

Голосование фактически проводилось не комиссиями, а неуполномоченными субъектами — ДИТ Москвы и Ростелекомом.

Исчерпывающее техническое описание фактически применявшегося программно-технического комплекса федерального и московского ДЭГ не было введено в действие нормативными актами и не было опубликовано. Информация о ряде фактически применявшихся компонентов программно-технического комплекса ДЭГ была отнесена ЦИК РФ и ДИТ Москвы к информации для служебного пользования; в ее предоставлении по запросу СМИ было отказано. Частично публиковавшийся неоткомментированный код московского ДЭГ стал до некоторой степени понятен широкой публике только после длительного экспертного исследования. Этот частично публиковавшийся код не вполне соответствовал фактически применявшемуся коду. Помимо этого, он содержал ряд недокументированных функциональностей, которые могут быть использованы для деанонимизации пользователей.

Код московского ДЭГ не был защищен от вписывания организатором голосования изнутри системы в «публичный блокчейн» голосов ботов с помощью ключа организатора голосования (не путать с торжественно разделяемым публичным ключом шифрования голосов!). Эти голоса могли учитываться как «переголосования» против оппозиционных кандидатов по схеме «химерических записей»: в «тайный блокчейн» могли заноситься строки с хэшем голосования бота, но с «идентификатором группы бюллетеней» реального избирателя, голосовавшего за оппозицию.

В ходе московского ДЭГ обнаружены свидетельства «скручивания» как минимум 250 тыс. голосов за оппозицию и приписывание такого же количества голосов провластным кандидатам. Доказательствами этого являются массовое субботнее «отречение» избирателей от оппозиционных кандидатов (до 50 % «отрекшихся!»), «воскресная аномалия» (резкий синхронный рост популярности провластных кандидатов на всех участках), «обед роботов» и воскресный «зазор» (синхронный, скоррелированный на 15 участках внезапно появившийся дефицит голосов у провластных одномандатников по сравнению с голосами за ЕР). Попытки объяснить эти явления смс-рассылками и пуш-уведомлениями опровергнуты эмпирически.

Существующее нормативное регулирование и фактические обстоятельства ДЭГ входят в противоречие как с российским законом «Об основных гарантиях избирательных прав...» (ФЗ-67), так и с «Кодексом лучших практик по избирательным вопросам»

Венецианской комиссии. Проведение голосования неуполномоченным субъектом, отсутствие прозрачности голосования, недостаточно детализированное рассмотрение национальными инстанциями признаков нарушений при голосовании, в том числе статистических — все это в практике ЕСПЧ служит основанием признать нарушение права граждан на свободные выборы, а сами выборы — нелегитимными.

Григорий Голосов,
профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

ОТ ПОСТ-ДЕМОКРАТИИ К ДИКТАТУРЕ: КОНСОЛИДАЦИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО АВТОРИТАРИЗМА В РОССИИ

Принятие поправок к конституции в 2020 году и думские выборы 2021 года стали важными вехами консолидации авторитарного режима в России. Особенностью российского авторитаризма является то, что с точки зрения происхождения этот режим является постдемократией, то есть результатом перерождения «дефектной демократии» в авторитаризм. На протяжении 2000-х и начала 2010-х годов механизмы такого перерождения носили преимущественно манипулятивный характер. Так, в конституции 1993 года были заложены элементы как суперпрезидентской, так и полупрезидентской системы, и манипулирование ими сыграло важную роль в укреплении персоналистской модели авторитаризма. Другим важнейшим инструментом автократизации стала смешанная несвязанная система выборов: в 2003 году она позволила «Единой России», получив 37,6 % голосов и проведя меньше половины одномандатников, сформировать устойчивое большинство, а в 2016 и 2021 годах сохранять конституционное большинство, получая лишь около 50 % голосов по партийным спискам. Вместе с тем, консолидация авторитаризма была достигнута в 2020–2021 годах не столько благодаря манипулятивным механизмам, использующим элементы демократического дизайна, сколько благодаря силовым методам подавления оппонентов, характерным для традиционных автократий. Таким образом режим был вынужден отказаться от тех преимуществ, которые дает электоральным автократиям их способность управлять рисками в условиях «управляемой конкуренции» и правдоподобной имитации демократических процедур.

Электоральный авторитаризм (режим, в котором авторитарные механизмы власти функционируют в сочетании с использованием демократических институтов) является

наиболее распространенной разновидностью современной автократии⁴⁸. В этом отношении российский случай несколько не уникален, однако у этого случая есть особенности, которые все же выделяют его в ряду сходных явлений.

Во-первых, российский режим достиг высокой стадии консолидации и сохраняет устойчивость уже в течение длительного времени. Это, вообще говоря, не очень характерно для электоральных авторитарных режимов. Недавнее исследование М. Бернхарда и коллег показало, что лишь сравнительно небольшая часть таких режимов способна пересечь рубеж, задаваемый последовательностью из трех выборов, проведенных в авторитарных условиях⁴⁹. Если исходить из того, что в России первые такие парламентские выборы состоялись в 2007 году, то наша страна пересекла этот рубеж в 2016 году. Исследования показывают, что после прохождения этого рубежа шансы на долгосрочное выживание режимов данного типа значительно увеличиваются.

Во-вторых, среди консолидированных авторитаризмов, наблюдавшихся в истории, лишь очень немногие возникли путем трансформации демократических режимов. Такие режимы можно назвать постдемократиями. Если рассматривать существовавший в России на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов режим как «дефективную демократию» (а я полагаю такую концептуализацию правильной)⁵⁰, то, как показало мое собственное недавнее исследование, количество постдемократий среди авторитарных режимов, достигавших консолидации, крайне невелико⁵¹.

Подобные переходы от демократии к авторитаризму, особенно в своем институциональном аспекте, крайне мало изучены, и случай России может послужить основой для полезных теоретических обобщений. Конституционная реформа 2020 года и думские выборы 2021 года как раз и стали важными моментами авторитарной консолидации. Таким образом, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе анализа российского случая теоретически выделить логику институциональных изменений в процессе авторитарной консолидации.

⁴⁸ Magaloni B. Political order and one-party rule / B. Magaloni, R. Kricheli // *Annual Review of Political Science* — 2010. — № 13. — P. 123–143; Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism // A. Schedler. — New York, NY : Cambridge University Press, 2013.

⁴⁹ Bernhard M. Institutionalizing electoral uncertainty and authoritarian regime survival/ M. Bernhard, A. Edgell, S. I. Lindberg // *European Journal of Political Research*. — 2020. № 59 (2). — P. 465–487.

⁵⁰ Bogaards M. How to classify hybrid regimes? Defective democracy and electoral authoritarianism / M. Bogaards // *Democratization*. — 2009. — № 16(2). P. 399–423.

⁵¹ Golosov G. V. (forthcoming). Authoritarian Party Systems: Party Politics in Autocratic Regimes, 1945-2019 // G. V. Golosov // Singapore: World Scientific.

СУПЕРПРЕЗИДЕНТАЛИЗМ И ПОЛУПРЕЗИДЕНТАЛИЗМ: ОТ ХЕДЖИРОВАНИЯ К НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РИСКОВ

Авторитарная Россия унаследовала модель разграничения полномочий по горизонтали, заданную Конституцией 1993 года. Эта модель была определена весьма специфическими обстоятельствами, связанными с конфликтом между Б. Ельциным и парламентским большинством в 1992–1993 годах. Основные мотивы разработчиков конституционного проекта – как их можно оценить в ретроспективе – были таковы:

(1) зафиксировать политическую реальность, сложившуюся в результате победы Ельцина в конфликте, путем наделения его весьма значительными полномочиями как в области формирования правительства, так и в законодательной сфере;

(2) ограничить контрольные полномочия парламента;

(3) снизить меру ответственности президента за текущее управление, что было достигнуто за счет включения в институциональную структуру фигуры премьер-министра, несущего политическую ответственность перед парламентом.

Первые два аспекта характеризуют Конституцию 1993 года как «сверхпрезидентскую», то есть президентскую систему с завышенными полномочиями главы исполнительной власти. Третий аспект характеризует ее как полупрезидентскую или, если использовать уточненную классификацию М. Шугарта и Д. Кэри, президентско-парламентскую.⁵² Этот институциональный дизайн не имеет явной предрасположенности к автократизации, но зато содержит значительный кризисный потенциал, который проявляется в тех случаях, когда президент и парламентское большинство принадлежат к разным политическим лагерям. В научной литературе по этому поводу сформировался устойчивый консенсус, хотя число наблюдений и недостаточно для статистически убедительного подтверждения⁵³.

В течение почти всего периода авторитарной трансформации Владимир Путин довольно последовательно высказывался против пересмотра Конституции 1993 года. Отчасти это объяснялось тем, что сверхпрезидентская система давала исполнительной власти существенные институциональные ресурсы, которые можно было использовать. Вместе с тем заложенный в полупрезидентскую систему кризисный потенциал мог

⁵² Shugart M. S. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics // M. S. Shugart, J. M. Carey. — New York, NY : Cambridge University Press, 1992.

⁵³ Elgie R. The perils of semi-presidentialism. Are they exaggerated? / R. Elgie // Democratization. — 2008. — № 15(1). P. 49–66.

вступить в противоречие с основным направлением ее эволюции в направлении автократии.

В действительности, однако, этого не произошло. Более того, можно утверждать, что заложенные в институциональный дизайн риски внесли косвенный вклад в процесс автократизации. Как продемонстрировали думские выборы 1999 года, перспектива кардинальной смены правящей группы была непосредственно связана с политической композицией парламента, а, значит, — с состоянием российской партийной системы, которая в тот момент была не только фрагментированной, но и в высокой степени децентрализованной. Значительная часть электоральных ресурсов находилась под контролем региональных властей. Это послужило ключевым стимулом к политике централизации, но в то же время подтолкнуло центральные власти к комплексу мер, направленных на создание и организационное укрепление «партии власти», «Единой России».

Значительно более серьезную угрозу для процесса автократизации представляло собой ограничение на число последовательных президентских сроков. В рамках президентского институционального дизайна это могло быть предотвращено лишь с помощью отказа от данного ограничения. Однако полупрезидентский дизайн создавал возможность для решения, которое и было реализовано в 2008 году: Путин перестал быть президентом, но сохранил реальную власть в качестве премьер-министра, опиравшегося на парламентское большинство.

Для понимания логики «рокировки» 2008 года, на мой взгляд, целесообразно использовать заимствованное из бизнес-практики понятие «хеджирование рисков», что обычно понимается как использование набора финансовых инструментов, который формируется на случай негативного сценария на одном рынке для компенсации воздействия ценовых рисков равной, но противоположной позиции на другом рынке. В применении к политике это означает возможность снизить риски, создаваемые одним элементом институционального дизайна путем принятия рисков, создаваемых другим его элементом.

Действительно, риски «рокировки» для Путина — который, по букве Конституции 1993 года, мог быть уволен Медведевым с поста главы правительства в любой момент — были очевидными, и значительная часть наблюдателей склонялась к тому, что эти риски вполне могли реализоваться. Путин все же принял эти риски, возлагая надежды как на институциональный рычаг в виде думского большинства, так и на колоссальное

превосходство своих политических ресурсов. События показали, что его стратегия была оправданной, и стратегия хеджирования рисков сработала в соответствии с его ожиданиями.

Однако завершение процесса консолидации авторитарного режима было связано с отказом от хеджирования рисков в пользу их институциональной нейтрализации. Ключевым моментом этого перехода стала конституционная реформа 2020 года, в результате которой были отменены ограничения на количество президентских сроков для Путина. Параллельно были значительно расширены полномочия президента по отношению к правительству: президент получил неограниченную возможность отправлять премьера в отставку, лично назначать и отстранять от должности федеральных министров, осуществлять общее руководство правительством, произвольно вносить изменения в его структуру и определять органы, руководить деятельностью которых он будет лично. В то же время некоторое расширение круга должностей, занятие которых требует согласования с палатами парламента, носило политически несущественный характер.

По существу, новый институциональный дизайн в максимальной степени приблизился к модели президентской системы с завышенными полномочиями главы исполнительной власти. Такая модель органична для политических режимов, находящихся в процессе автократизации⁵⁴.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: ОТ ВТОРИЧНЫХ К ОСНОВНЫМ ЗАДАЧАМ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Понятие «избирательная система» может пониматься весьма широко — применительно ко всему кругу правовых норм, регулирующих проведение выборов. В более узком понимании термин относится лишь к базовому механизму конверсии голосов в депутатские мандаты (места), для чего иногда используется также понятие «избирательная формула». Этот аспект, однако, является ключевым с точки зрения политических последствий избирательных систем.

«Смешанная несвязанная» (параллельная) избирательная система, которая применяется в России сегодня, была впервые использована на думских выборах 1993

⁵⁴ Svobik M. W. Which democracies will last? Coups, incumbent takeovers, and the dynamic of democratic consolidation / M. W. Svobik // British Journal of Political Science. — 2015. — № 45(4). P. 715–738.

года. Советники Ельцина, убеждая его согласиться на отказ от чисто мажоритарной системы и отвести пропорциональной (партийно-списочной) системе половину мест в Думе, привели следующие аргументы. Во-первых, предполагали они, победу в одномандатных округах могут одержать близкие к КПРФ консервативные «хозяйственники» из регионов, в результате чего Ельцин вновь получит враждебный ему парламент. Во-вторых, смешанная система давно и успешно применяется в Германии.

Однако результаты выборов по партийным спискам в 1993 году оказались крайне неудачными для проправительственных партий, и поддержать нужный Ельцину баланс политических сил в Думе удалось лишь благодаря присутствию депутатов-одномандатников, которые в большинстве своем отказались от союза с оппозицией. Немецкая «связанная» избирательная система кардинально отличается от российской, поскольку обеспечивает практически полностью пропорциональное распределение мандатов. Однако третий аргумент сторонников смешанной системы, который, как кажется, не произвел на Ельцина особого впечатления, оказался правильным. Как и предполагали создатели смешанной системы в России, она сыграла решающую роль в том, что в стране возникла партийно-структурированная Дума, а на этой основе — партийная система.

В литературе неоднозначно оценивается воздействие смешанных систем вообще, и смешанных несвязанных систем в частности, на развитие демократии⁵⁵. Однако можно считать установленным, что такие системы используются в автократиях более широко, чем в демократиях. Это косвенно свидетельствует, что смешанные системы по меньшей мере не противоречат структуре политических стимулов, свойственных авторитарным режимам.

Некоторые авторитарные режимы, преимущественно в арабских странах, в течение длительного времени добивались нужного результата, полагаясь на клиентелистские механизмы, то есть на непосредственный обмен голосов на материальные блага, предоставляемые избирателям на селективной основе⁵⁶. При такой модели выборов необходимость в партиях отпадает, и ей в наибольшей степени соответствуют избирательные системы мажоритарного типа. Однако в большинстве современных

⁵⁵ Shugart, M. S. *Mixed-Member Electoral Systems: The Best of Both Worlds?* / M. S. Shugart, M. P. Wattenberg (eds.). — Oxford, UK : Oxford University Press, 2001; Linhart, E., Raabe, J., and Statsch, P. (2019). *Mixed-member proportional electoral systems — The best of both worlds?* / E. Linhart, J. Raabe, P. Statsch // *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. — 2019. — № 29(1). P. 21–40.

⁵⁶ Lust-Okar, E. *Elections under authoritarianism: Preliminary lessons from Jordan* / E. Lust-Okar // *Democratization*. — 2006. — № 13(3). P. 456–471.

авторитарных режимов, и особенно в постсоветских странах, развитые клиентелистские механизмы отсутствуют. Поэтому автократы вынуждены полагаться на доминирующие проправительственные партии. В то же время использование пропорционального представительства влечет за собой фрагментацию партийной системы (риск конкуренции). В этих условиях использование смешанной системы (во всяком случае, ее несвязанной разновидности) выглядит как приемлемый институциональный компромисс.

Это и было продемонстрировано думскими выборами 2003 года, когда «Единая Россия», получив лишь 37,6 % голосов по партийным спискам и выиграв в менее чем половине одномандатных округов, смогла обеспечить себе статус доминирующей партии за счет рекрутирования большинства одномандатников, которые участвовали в выборах в качестве независимых кандидатов. Тем более парадоксальным выглядело решение об отказе от смешанной системы в пользу чисто пропорциональной, которая использовалась на выборах 2007 и 2011 годов.

Хотя выборы 2003 года и дали желательный результат, они сохранили за региональными правящими группами и их думскими представителями-одномандатниками значительную роль как на парламентском уровне, так и во внутрипартийной структуре «Единой России». Президентской администрации приходилось прилагать постоянные усилия для решения связанных с этим проблем. По существу, это подрывало положение «Единой России» в качестве главной опоры исполнительной власти и препятствовало ее развитию как централизованной организации. Региональные отделения партии оставались придатками губернаторских аппаратов. В условиях, когда политический контекст благоприятствовал успеху «Единой России», переход к чисто пропорциональной избирательной системе позволял решить эти проблемы, не подвергая политическое доминирование федеральной исполнительной власти сколько-нибудь существенным рискам.

В отличие от партийных режимов вроде тех, которые существовали в Мексике и Малайзии, для персоналистских режимов, возникающих путем деградации дефективной демократии (как это было в России), задача «партийного строительства» может быть лишь вторичной, поскольку основным механизмом сохранения власти являются президентские выборы, которые ее основной обладатель выигрывает в личном качестве.

Думские выборы 2011 года со всей убедительностью показали, что ключ к консолидации авторитарного режима — создание институциональных условий, которые обеспечивают политическую монополию независимо от политического контекста и

предпочтений избирателей. Наблюдавшееся охлаждение общественной поддержки режима в совокупности с проведенной Алексеем Навальным кампанией «голосуй за любую другую партию» чуть не привело к потере «Единой Россией» простого большинства в Думе. А предпринятые с целью предотвращения этого исхода фальсификации стали источником широкомасштабного политического кризиса, побудившего власти к пересмотру целого ряда принятых ранее институциональных решений.

В частности, одним из ответов на возникшие в 2011 — начале 2012 года затруднения стал возврат к смешанной несвязанной системе практически в том же виде, в каком она практиковалась в 1993–2003 годах. Это привело к ожидаемым результатам, подтвердив соответствие этой системы первичной задаче авторитарной консолидации — сохранению политической монополии. На выборах 2016 года, невзирая на крайне благоприятный для властей политический контекст, «Единая Россия» получила лишь немногим более 50 % голосов по партийно-списочной части, и лишь выигрыш в колоссальном большинстве одномандатных округов позволил исполнительной власти закрепить баланс парламентских сил, необходимый для беспрепятственного проведения конституционной реформы 2020 года.

Логика развития российской избирательной системы свидетельствует, что на начальных этапах авторитарной консолидации необходимость решения вторичных задач может подталкивать исполнительную власть к субоптимальным, с точки зрения долгосрочных интересов, решениям. Однако по мере консолидации режима на первый план выходят фундаментальные интересы его выживания, что требует высокого уровня изоляции электоральных результатов от политического контекста. Смешанная несвязанная система полностью подтвердила свое соответствие этим интересам по итогам думских выборов 2021 года, позволив «Единой России» сохранить за собой конституционное сверхбольшинство вопреки тому факту, что даже официальный подсчет дал ее списку менее 50 % голосов.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ И ПОДАВЛЕНИЮ

Структура приоритетов электоральных авторитарных режимов в применении к выборам внутренне противоречива. С одной стороны, в той мере, в какой режим

сохраняет свою авторитарную природу, он не только не может допустить собственного поражения на выборах, но и стремится выигрывать выборы с колоссальным перевесом. С другой стороны, любой электоральный режим должен заботиться о том, чтобы выборы выглядели правдоподобными в глазах международного сообщества, а также местных правящих групп и населения. Это требует поддержания известного уровня соревновательности. Этот второй приоритет имеет подчиненное значение, причем его вторичность усиливается по мере возрастания уровня воспринимаемых политическим руководством режима рисков.

Есть основания полагать, что в 2021 году этот уровень был значительно выше, чем в 2016 году, что было обусловлено значительным снижением количества избирателей, готовых искренне поддержать «Единую Россию» на выборах: об этом недвусмысленно свидетельствовали опросы общественного мнения⁵⁷. По данным Фонда «Общественное мнение», к декабрю 2020 года доля респондентов, намеревавшихся проголосовать за «Единую Россию», значительно снизилась и в течение следующих девяти месяцев колебалась в пределах 27–33 %, а в начале сентября 2021 года составляла 29 %. Это значительно уступало показателям 2016 года и явно свидетельствовало, что выборы 2021 года могли повторить предыдущий результат «Единой России» лишь за счет значительных дополнительных усилий.

На практике соответствующие меры были отработаны в ходе «всенародного голосования» по конституционным поправкам. Апробации этих мер в 2020 году предшествовал длительный период формирования авторитарных электоральных практик, приведший, в качестве своего главного результата, к созданию системы административной мобилизации избирателей.

Политические последствия авторитарных выборов ничтожны, и это, естественно, не ускользает от внимания избирателей. Поэтому привлечение лояльных избирателей к участию в выборах является ключевой задачей электорального авторитарного режима. Как уже отмечалось, многие подобные режимы полагаются на клиентелистские механизмы, однако сфера их применения во многих странах, в том числе в России, не очень широка. Важную роль играет пропагандистское воздействие на население, однако восприимчивость избирателей к пропаганде испытывает колебания в зависимости от

⁵⁷ Не вдаваясь в дискуссию о достоверности результатов таких опросов при авторитаризме, замечу, что моя позиция такова: абсолютные значения поддержки и иных электоральных показателей, даваемые опросной социологией, с трудом поддаются интерпретации, однако динамика показателей обладает достаточно высоким уровнем достоверности. Это касается даже тех данных, которые предоставляются явно ориентирующимися на сотрудничество с властями полстерскими организациями.

колебаний объективных условий поддержки. Данный фактор, таким образом, оказывается недостаточно устойчивым.

Система административной мобилизации избирателей начала формироваться еще в 1990-х годах в виде политических машин, которые были созданы властями большинства этнических республик в составе РФ, а также некоторыми региональными организациями КПРФ и, реже, местными политическими движениями. В дальнейшем эти политические машины были присвоены «Единой Россией», что и по сей день в значительной степени объясняет кроссрегиональную вариацию по параметру эффективности системы административной мобилизации⁵⁸. Однако уже в 2010-х годах эта система вышла далеко за пределы своих первоначальных очагов и теперь наблюдается практически повсеместно.

Система административной мобилизации основана на систематическом давлении, оказываемом на лиц, занятых в государственном и в частном секторах, с целью побудить их к участию в выборах, а также на организационных способах обеспечения их участия. Последнее требует использования различных механизмов, облегчающих доступ организованных лояльных избирателей к процессу голосования. В основном создание таких механизмов является функцией работодателей, которые при этом действуют под прямым или косвенным наблюдением региональных властей. Однако федеральные власти могут оптимизировать эту практику путем дополнительных институциональных мер, что и было достигнуто в 2020 году путем перехода к многодневному голосованию.

При анализе многодневного голосования обычно обращают внимание на то, что оно облегчает манипуляции результатами выборов. Однако в российском контексте более важно, как представляется, что проведение выборов в рабочие дни поднимает контроль работодателей над поведением избирателей на новый уровень. Фактически голосование становится частью трудовых функций персонала. Это может быть обеспечено работодателем как организационно, так и путем создания дополнительных стимулов («обменом» участия в голосовании на освобождение от основных трудовых функций). О массовости этой практики в 2021 году косвенно свидетельствует ажиотаж на избирательных участках, наблюдавшийся в первые часы голосования 17 сентября 2021 года.

⁵⁸ Golosov G. V. The territorial genealogies of Russia's political parties and the transferability of political machines / G. V. Golosov // *Post-Soviet Affairs*. — 2014. — № 30(6). P. 464–480.

Хотя строгие количественные оценки недоступны, можно предположить, что система административной мобилизации ныне охватывает не менее трети избирателей. Следует отметить, что в тех регионах, где традиционные механизмы мобилизации исторически относительно слабы (прежде всего, в Москве), подобные возможности значительно расширились за счет введения дистанционного электронного голосования. Оно облегчает как сам процесс привлечения лояльных избирателей к голосованию, так и контроль со стороны работодателей.

Таким образом, в 2021 году были созданы серьезные предпосылки к тому, чтобы снижение поддержки «Единой России» в электорате компенсировалось административной мобилизацией лояльных избирателей. Однако результативность такой компенсации обусловлена снижением стимулов к участию в выборах тех секторов электората, чья политическая заинтересованность не совместима с поддержкой доминирующей партии. Понятно, что явка таких избирателей в решающей степени стимулируется присутствием партий и кандидатов, которые рассматривались бы как неконтролируемая властями оппозиция («правдоподобная оппозиция»). Исключение такой оппозиции осуществляется путем контроля над полем политических альтернатив.

В России контролируемое поле политических альтернатив было в основном сформировано уже на начальном этапе авторитарной трансформации, в 2004–2011 годах, когда число партий, имевших право на участие в выборах, сократилось до семи⁵⁹. Структура российской партийной системы, как она сложилась к настоящему времени, типична для электоральных авторитарных режимов и, по моей основанной на большом комплексе наблюдений оценке, оптимальна для режимов такого типа. Помимо доминирующей партии, служащей электоральным и законодательным инструментом авторитарной исполнительной власти, эта структура включает в себя: (1) две партии, которые имеют значительную электоральную предысторию в качестве оппозиционных, но ныне в основном кооптированы властями и воспринимаются как правдоподобная оппозиция лишь узкими группами их высоко лояльных сторонников (КПРФ и ЛДПР); (2) партия, которая сочетает оппозиционную риторику с лояльностью исполнительной власти, но при этом включает в себя некоторую часть обладающих собственными ресурсами региональных политиков («Справедливая Россия»); (3) значительное число

⁵⁹ В дальнейшем круг таких партий был значительно расширен, однако партии, потенциально способные к мобилизации оппозиционных избирателей, по-прежнему либо не допускаются к регистрации, либо сталкиваются с иными формами ограничения доступа к выборам (как это произошло с партией ПАРНАС в 2021 году).

образований, не только не являющихся правдоподобной оппозицией, но и лишенных потенциала представить себя в качестве убедительных участников политического процесса.

Партия «Яблоко» выбивается из этого ряда, поскольку ее оппозиционность правдоподобна, а опыт длительного – пусть и безуспешного на этапе авторитарной трансформации – участия в выборах создает инерцию, в целом увеличивающую ее электоральный потенциал, хотя и сопряженную с некоторой усталостью избирателей. Однако опыт участия ЯБЛОКА в выборах 2021 года может служить убедительной иллюстрацией того, что подобный потенциал может быть значительно снижен в контексте избирательной кампании. Направленные против Навального заявления Григория Явлинского были восприняты значительной частью избирателей как сигнал о том, что ЯБЛОКО не является правдоподобной оппозицией.

Таким образом, в целом властям удалось достичь полного контроля над полем политических альтернатив. Однако этот результат мог быть нивелирован стратегией Умного голосования, разработанной Навальным и его сторонниками. Стратегия строится на предположении, что голосование оппозиционно настроенных избирателей в одномандатных округах может изменить баланс в пользу кандидатов, противостоящих кандидатам «Единой России» и тем самым снизить уровень ее представительства.

Выборы 2019–2020 годов показали, что основная цель стратегии достижима, хотя и не повсеместно и в довольно скромных масштабах⁶⁰. Однако помимо основной цели, стратегия преследует две другие, достижение которых могло нанести «Единой России» не менее серьезный ущерб. Умное голосование создает достаточно ясный стимул к тому, чтобы оппозиционно настроенные избиратели явились на выборы. Это может служить эффективным противовесом системе административной мобилизации: очевидно, что если избиратель мотивирован желанием проголосовать против кандидата «Единой России» в округе, то и за список доминирующей партии он не проголосует. Таким образом, последствия могут сказаться также на итогах голосования по партийно-списочной части.

Для нейтрализации этих рисков власти в значительно большей степени, чем когда бы то ни было ранее, полагались на прямое подавление политических оппонентов. Начиная с драматических событий вокруг Алексея Навального в августе 2020 — начале

⁶⁰ Turchenko M. Smart enough to make a difference? An empirical test of the efficacy of strategic voting in Russia's authoritarian elections / M. Turcheno, G. Golosov // Post-Soviet Affairs. — 2021. — № 37 (1). — P. 65–79.

2021 года, репрессивные действия властей развертывались по восходящей траектории и привели к полному разгрому организационных структур Навального. Они были признаны экстремистскими, что вылилось в прямые репрессии против целого ряда активистов и стало причиной эмиграции ряда других. Можно констатировать, что в течение первой половины 2021 года организационная база непарламентской оппозиции была полностью подорвана. Последствием этих действий стало удаление с выборов наиболее правдоподобно оппозиционных политиков, которые намеревались участвовать в кампании в качестве самовыдвиженцев.

Кроме того, власти предприняли широкие — и в целом успешные — действия, направленные на ограничение каналов информирования оппозиционно настроенных граждан о политике. Многие заметные СМИ, занимавшие критические по отношению к властям позиции, были признаны «иностранными агентами» или «нежелательными организациями» и либо прекратили свое существование, либо перестали быть доступными для массовых аудиторий. На заключительном этапе кампании властям удалось добиться блокировки всех электронных приложений умного голосования, что, конечно же, не могло не сказаться на эффективности стратегии.

Оценить достоверность объявленных результатов выборов 2021 года чрезвычайно трудно. Независимое международное и внутреннее наблюдение на этих выборах было сведено к абсолютному минимуму, хотя ассоциация «Голос» смогла сформировать массив данных, свидетельствующий о довольно массовых нарушениях в процессе голосования. При анализе результатов выборов обращает на себя внимание то, что первоначальные результаты, сообщенные Центризбиркомом поздним вечером 19 сентября на основе обработки данных 10 % протоколов, отводили списку «Единой России» 38,8 % голосов. Далее следовали КПРФ (25,0 %), ЛДПР (9,6 %), «Новые люди» (7,8 %), и «Справедливая Россия» (6,8 %). По мере дальнейшей обработки протоколов доля «Единой России» значительно возросла и вплотную приблизилась к 50 %, улучшились и показатели «Справедливой России», в то время как доли голосов за другие три партии заметно сократились.

Однако если говорить о прямых политических итогах выборов 2021 года, то можно констатировать, что власти выполнили задачу сохранения в Думе конституционного большинства за «Единой Россией», хотя, как и в 2016 году, достигнуто это было преимущественно за счет одномандатных округов. Стратегия умного голосования не достигла заявленной цели, однако способствовала мобилизации оппозиционно

настроенных избирателей и, судя по всему, снизила результаты списка «Единой России», что подтолкнуло власти к манипуляциям и в значительной степени дискредитировало официальные результаты. Понятно, что в целом благоприятные для «Единой России» результаты выборов были во многом получены благодаря предпринятым в ходе кампании действиям, направленным на прямое подавление оппозиционных организаций и СМИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к исследованию Бернхарда и коллег, которое упоминалось в начале статьи, можно констатировать, что проделанный анализ позволяет дать предварительный ответ на один из вопросов, которые это исследование оставило открытыми. Если, преодолев критический порог третьих выборов, электоральные авторитарные режимы достигают консолидации, то почему это происходит? Общий ответ — «потому что они научаются контролировать электоральную неопределенность» — недостаточен. Нужно как-то выделить механизмы такого контроля.

С одной стороны, эти режимы — авторитарные, то есть склонны снижать электоральную неопределенность преимущественно за счет механизмов политического подавления. С другой стороны, использование квазидемократических институтов тем полезнее для режима, чем более тщательно они имитируют демократию. Вполне возможно, что со временем искусство имитации достигнет такой филигранной точности, что нужда в репрессивных практиках если и не отпадает полностью, то перестанет быть ключевым условием выживания режима. В пользу этого второго ответа свидетельствует то, что доля постдемократий среди консолидированных авторитарных режимов, вероятно, будет увеличиваться в связи с наблюдаемой сегодня глобальной тенденцией к автократизации⁶¹. Правящие группы таких режимов, по крайней мере теоретически, должны выносить из своего предыдущего политического опыта способность к более правдоподобной имитации демократических институтов.

Однако проделанный выше анализ показывает, что оправдывается, скорее, первый подход. Наиболее правдоподобная имитация демократических институтов в России имела место как раз на этапе, предшествовавшем консолидации режима, когда стратегия

⁶¹ Cassani A. Autocratization in Post-Cold War Political Regimes // A. Cassani, L. Tomini. — New York, NY: Palgrave Macmillan, 2019

хеджирования рисков преобладала над их силовым устранением; приоритет зачастую отдавался решению вторичных задач, связанных с институциональной настройкой режима, а не с обеспечением его выживания; электоральная политика в целом носила скорее манипулятивный, чем репрессивный характер. Ныне же нарастают черты сходства с классическими образцами авторитаризма.

Таким образом, опыт России позволяет предположить, что по мере консолидации различия между постдемократическими режимами и авторитарными режимами других типов, многие из которых с самого начала носили высоко репрессивный характер, будут постепенно нивелироваться. Соответственно, электоральный авторитаризм будет не только постепенно утрачивать черты внешнего сходства с демократией, но и в возрастающей степени демонстрировать динамику развития, свойственную автократиям как таковым.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: КРЕМЛЬ И ГОЛЕМ
ЧТО ГОВОРЯТ ИТОГИ ВЫБОРОВ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ В РОССИИ

Ответственный за выпуск Михаил Ледовский
Дизайн Мария Ратинова

Подготовлено к использованию 17.11.2021

Фонд «Либеральная миссия»

Фонд «Либеральная Миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.